

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ МЕЖВУЗОВСКИЙ ЖУРНАЛ

**АСПИРАНТСКИЙ
ВЕСТНИК**

Поволжья

ISSN 2072-2354

eISSN 2410-3764

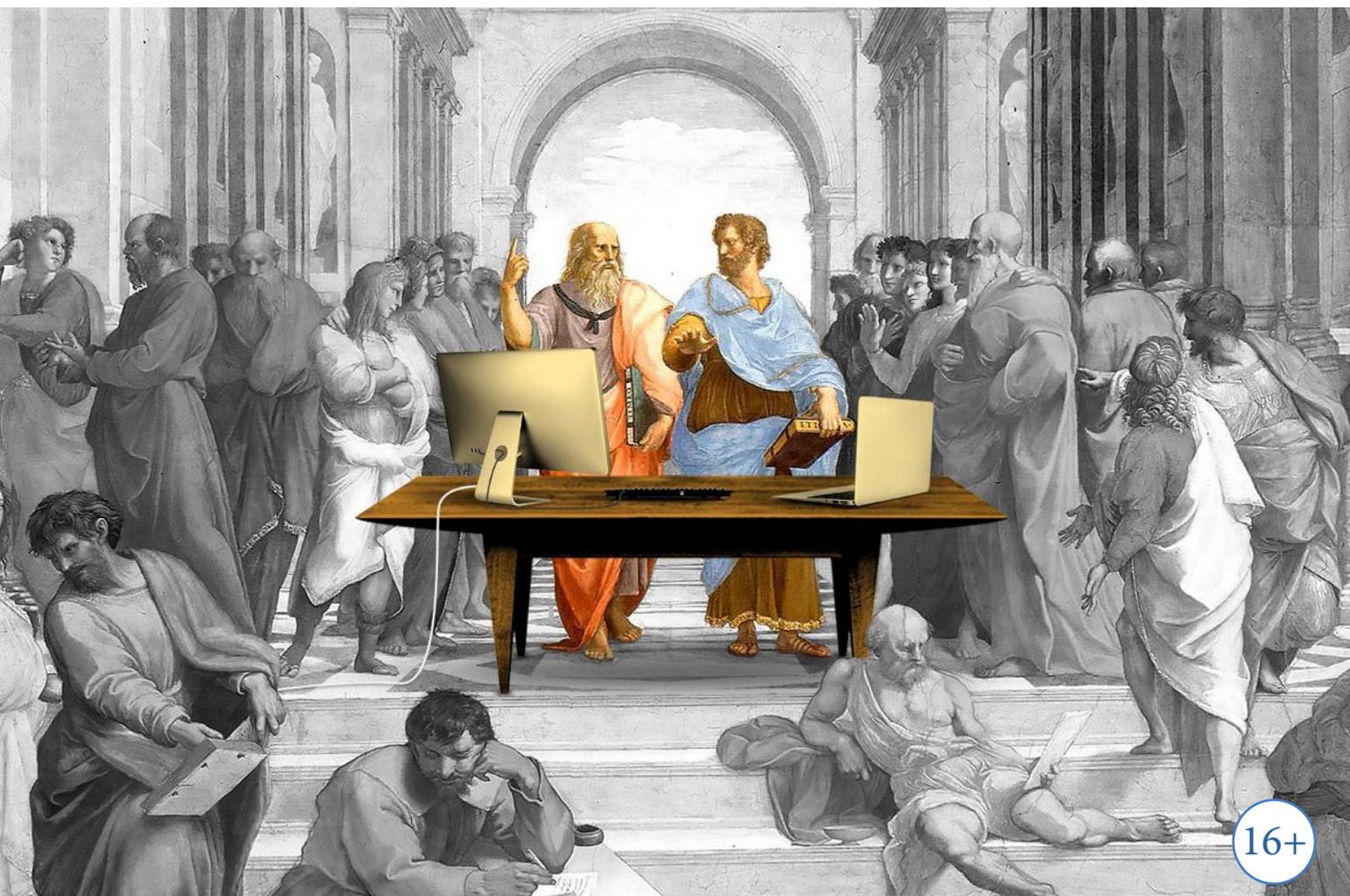
SCIENTIFIC-PRACTICAL INTERCOLLEGIATE JOURNAL

ASPIRANTSKIY VESTNIK

Dovolzh'ya

<https://aspvestnik.com>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 22 (3)

2022

Учредитель журнала – Ассоциация вузов Самарской области
«Самарский региональный научно-образовательный комплекс»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Котельников Г.П. – академик РАН, д-р мед. наук, профессор
(Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Конева В.А. – д-р филос. наук, профессор (Самара, Россия)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Борисова Т.В. – д-р филос. наук, профессор (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бурлина Е.Я. – д-р филос. наук, профессор (Самара, Россия)

Занин С.В. – д-р ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Иливицкая Л.Г. – канд. филос. наук, доцент (Самара, Россия)

Ионесов В.И. – д-р культурологии (Самара, Россия)

Нестеров А.Ю. – д-р филос. наук, доцент (Самара, Россия)

Соловьева С.В. – д-р филос. наук, доцент (Россия, Самара)

Таллер Р.И. – д-р филос. наук, профессор (Самара, Россия)

Шиллинг Е.Ю. – доктор философии, профессор
(Геттинген, Германия)

Founder of the journal is the Association of Higher Education
Institutions of Samara Region "Samara Regional Academic Organization"

EDITOR-IN-CHIEF

Kotelnikov G.P. – Academician of RAS, PhD, Professor
(Samara, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Koneva V.A. – PhD, Professor (Samara, Russia)

SCIENCE EDITOR

Borisova T.V. – PhD, Professor (Samara, Russia)

EDITORIAL BOARD

Burlina E.Ya. – PhD, Professor (Samara, Russia)

Zanin S.V. – PhD, Professor (Samara, Russia)

Ilivitskaya L.G. – PhD, Associate Professor (Samara, Russia)

Ionesov V.I. – PhD, Professor (Samara, Russia)

Nesterov A.Yu. – PhD, Associate Professor (Samara, Russia)

Solov'eva S.V. – PhD, Associate Professor (Samara, Russia)

Taller R.I. – PhD, Professor (Samara, Russia)

Shilling E.Yu. – PhD, Professor (Hettingen, Germany)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 10.07.2002. Регистрационный № ФС 77-13193.

**Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов ВАК:** 5.7.1. Онтология и теория познания; 5.7.6.
Философия науки и техники; 5.7.7. Социальная и политическая
философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Полнотекстовые версии всех номеров размещены
на сайте Научной Электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Открытый доступ к архивам и текущим номерам:

<https://aspvestnik.com/>

Информация о подписке: подписной индекс 42023
(каталог «Пресса России»)

Адрес издательства: ул. Чапаевская, 89,
г. Самара, Россия, 443099.

Тел. + 7 (846) 374 10 04

E-mail: edition@innoscience.ru

Выпускающий редактор: *Стефанская А.В.*
(e-mail: a.v.stefanskaya@samsmu.ru)

Ответственный секретарь: *Пышкина Ю.С.*

Переводчик: *Борисова Н.В.*

Корректор: *Чайникова И.Н.*

Верстка: *Овчинникова Т.И.*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) 10.07.2002.
Registration number FS 77-13193.

**The Journal is in the List of the leading scientific journals
and publications of the Supreme Examinations Board (VAK).**

All issues are in full-text format and can be found
on-line in Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

Journal archive: <https://aspvestnik.com/>

Archive and current issues have open access.

Index of publication in the Union Catalogue
"Press of Russia" 42023

Address: 89 Chapaevskaya st.,
Samara, Russia, 443099.

Tel.: + 7 (846) 374 10 04

E-mail: edition@innoscience.ru

Managing Editor: *Stefanskaya A.V.*
(e-mail: a.v.stefanskaya@samsmu.ru)

Executive Secretary: *Pyshkina Yu.S.*

Translator: *Borisova N.V.*

Proofreader: *Chainikova I.N.*

Page layout: *Ovchinnikova T.I.*

Подписано в печать: 22.09.2022

Отпечатано: ООО «Типография Фурсова».

ул. Заставская, 14а, литер М, Санкт-Петербург, 196084.

Тел.: (812) 646-33-77. E-mail: lv@express-reklama.ru

Заказ: 2-6417-lv.

Passed for printing: 22.09.2022

Printed by: Printed at Fursov Printing House LLC. st. Zastavskaya,

14A letter M. St. Petersburg, 196084. Tel.: (812) 646-33-77.

E-mail: lv@express-reklama.ru

Перепечатка и любое воспроизведение материалов
и иллюстраций журнала «Аспирантский вестник Поволжья»
возможны только с письменного разрешения издательства.

The reproduction of the content of the Journal
"Aspirantskiy vestnik Povolzhiya" is not allowed without
the prior permission in writing of the Publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

М.В. Шугуров, С.И. Можжилин
Особенности процессов междисциплинарного познания христианской религиозной мистики

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

П.Н. Аленин
Феномены и риски профессионального пространства в условиях современного общества

С.Ю. Анисимова
Еще раз о проблеме концептуализации исторической памяти

А.А. Аритичева
Сущность и своеобразие российского правового сознания в современный период: теоретическое уточнение

Т.В. Борисова, Е.П. Измайлов, Н.Д. Голубева
Оценка тревожных ожиданий при дистанционном обучении студентов в философском контексте

А.М. Зотов
Психоанализ как научно-исследовательская программа

А.А. Костерин
Социальное управление в современном мире: социально-философский аспект

Е.В. Листвина
Современная социокультурная ситуация: проблема ценностных ориентиров

И.В. Степанов
Российская военная теория первой половины XX века: попытки создания философии войны

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

В.В. Ларионов
Возникновение аффордансов артефактов как процесс накопления знаний (на примере оружия)

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

В.Л. Афанасьевский
К вопросу о философской «немоте» древнерусской книжности

Д.Д. Иванова
Зритель и кино: в поисках смысла

В.Б. Малышев
Семантика нелепости на метафизическом циферблате антиутопии: российские интенции

Е.А. Торопова
Антропологические константы как объект футурологического анализа

ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

3 *Mark V. Shugurov, Sergei I. Mozzhilin*
The features of the interdisciplinary comprehension of Christian religious mysticism

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

7 *Pavel N. Alenin*
Phenomena and risks of the profession-forming space in the modern society

11 *Svetlana Yu. Anisimova*
To the problem of conceptualization of historical memory

17 *Anna A. Ariticheva*
The essence and originality of the Russian legal consciousness in the modern period: a theoretical clarification

22 *Tatyana V. Borisova, Evgenii P. Izmailov, Nataliya D. Golubeva*
Anxious expectations of students for distance learning: assessment in a philosophical context

27 *Aleksei M. Zotov*
Psychoanalysis as a scientific research program

36 *Artem A. Kosterin*
Social intendance in the modern world: social and philosophical aspect

41 *Evgeniya V. Listvina*
Modern socio-cultural situation: the problem of value orientations

44 *Ivan V. Stepanov*
Russian military theory of the first half of the XX century: Attempts to create a philosophy of war

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

50 *Viktor V. Larionov*
The emergence of affordances of artifacts as a process of knowledge accumulation (on the example of weapons)

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

57 *Vadim L. Afanasevskii*
On the philosophical "dumbness" of ancient Russian literature

61 *Dina D. Ivanova*
A viewer and a movie: looking for the meaning

64 *Vladislav B. Malyshev*
Semantics of absurdity on the metaphysical clock of dystopia: Russian intentions

68 *Ekaterina A. Toropova*
Anthropological constants as the object of futurological analysis

5.7.1. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ / ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

УДК 165.5 + 248.2

DOI: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.3-6

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОЗНАНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МИСТИКИ

М.В. Шугуров¹, С.И. Мозжилин²

¹ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Саратов, Россия)

²ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Для цитирования: Шугуров М.В., Мозжилин С.И. Особенности процессов междисциплинарного познания христианской религиозной мистики. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):3-6. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.3-6

■ Сведения об авторах

Шугуров М.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии. ORCID: 0000-0003-3604-3961 E-mail: shugurovs@mail.ru

Мозжилин С.И. – д-р филос. наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии. ORCID: 0000-0001-6078-3252

E-mail: mozhilinsi@list.ru

■ Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Рукопись получена: 15.06.2022

Рецензия получена: 30.06.2022

Решение о публикации: 18.07.2022

■ Аннотация

Цель – рассмотрение возможностей и перспектив формирования междисциплинарной метарефлексии в сфере постижения религиозно-мистического опыта. Используя методы критической философской рефлексии и диалектической логики, авторы анализируют специфику многоплановости дисциплинарных подходов и интерпретаций религиозно-мистического опыта. При этом особое внимание концентрируется на факторах междисциплинарного взаимодействия, способствующих нивелированию дисциплинарно-интерпретационных расхождений, необходимых для синтеза нового знания. Вместе с тем поясняются перспективы развития метарефлексии мультидисциплинарного пространства, в рамках которого есть зоны междисциплинарного взаимодействия.

Логика исследования позволила сделать выводы о перспективах и преимуществах междисциплинарного синтеза, идущего путем синергии, способствующей уточнению особенностей архетипов христианской мистики и иных религий.

Ключевые слова: метарефлексия; мультидисциплинарность; мистика; религия; религиозно-мистический опыт; синергия.

Конфликт интересов: не заявлен.

THE FEATURES OF THE INTERDISCIPLINARY COMPREHENSION OF CHRISTIAN RELIGIOUS MYSTICISM

Mark V. Shugurov¹, Sergei I. Mozhilin²

¹Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

²Saratov State University (Saratov, Russia)

Citation: Shugurov MV, Mozhilin SI. The features of the interdisciplinary comprehension of Christian religious mysticism. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 2022;22(3):3-6. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.3-6

■ Information about authors

Mark V. Shugurov – PhD, Professor, Department of Philosophy. ORCID: 0000-0003-3604-3961 E-mail: shugurovs@mail.ru

Sergei I. Mozhilin – PhD, Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy. ORCID: 0000-0001-6078-3252 E-mail: mozhilinsi@list.ru

■ Study funding

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "The variety of theological, philosophical and scientific approaches to understanding the phenomenon of Christian religious and mystical experience: horizons and limits of interdisciplinary synthesis" No. 21-011-44095).

Received: 15.06.2022

Revision Received: 30.06.2022

Accepted: 18.07.2022

■ Abstract

Aim – to consider the possibilities and prospects for the formation of interdisciplinary meta-reflection in comprehension of religious and mystical experience. Using the methods of critical philosophical reflection and dialectical logic, the authors analyze the specifics of the diversity of disciplinary approaches and interpretations of religious and mystical experience. At the same time, special attention is given to the factors of interdisciplinary interaction that contribute to the leveling of disciplinary and interpretation differences, which is necessary for the synthesis of new knowledge. Also, authors explain the prospects for the development of meta-reflection of a multidisciplinary space, where there are zones of interdisciplinary interaction.

The logic of the study made it possible to draw conclusions about the prospects and advantages of interdisciplinary synthesis, which goes through synergy, contributing to the clarification of the archetypes of Christian mysticism and other religions.

Keywords: meta-reflection; multidisciplinary; mysticism; religion; religious and mystical experience; synergy.

Conflict of interest: nothing to disclose.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Несмотря на чрезмерную вовлеченность современного человека в техносреду, вполне заметен не только всплеск увлеченности мистицизмом, но и возникновение новых религиозных движений, ставших предметом детального религиозноведческого анализа [1:153-160]. Одним из важнейших измерений религии выступает религиозно-мистический опыт, поэтому неслучайно идейные поиски в рамках новых религиозных движений сочетаются с культивированием религиозного чувства, в том числе в его мистической ипостаси. Включение данных религиозных поисков в предметное поле наук о религии приводит к постановке вопроса не только об описании, но и об интерпретации свойственных им мистических переживаний [2:32-35]. Разумеется, нельзя не признать, что под воздействием цифровых трансформаций происходят вполне рельефные изменения в религиозных практиках, в том числе относящихся к традиционным религиям [3:1880]. Подчас данные процессы отчасти приводят к «цифровым трансформациям» сокровенного религиозного чувства и в определенном смысле деформируют его мистические глубины.

Тем не менее важные процессы происходят в сфере изучения религиозно-мистического опыта, свойственного мировым религиям, в том числе христианству. К одному из них можно отнести формирование концепции мультидисциплинарного пространства его постижения [4:159-167]. Это связано не только с тем, что религиозно-мистический опыт христианства многоаспектен и соответственно вызывает интерес различных наук о религии, но также и с тем, что он представляет собой духовное наследие прошлого, содержащее вечно актуальные смыслы. Разумеется, сказанное относится прежде всего к историческим образцам подлинной религиозной мистики христианства, характерной как для Восточной, так и для Западной Церкви. Непреходящие образцы подлинной мистики христианства достаточно интенсивно подвергались рефлексии, например, в пространстве русской религиозной философии, которая исследовала их в канве идеи христианства как такового. Однако и сегодня мы можем видеть непрекращающийся поток усилий по исследованию данного опыта во всем его разнообразии, а также постижение его смысла как в отечественных, так и зарубежных исследованиях [5, 6].

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЗНАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА: ПОНЯТИЕ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Формирование новых знаний и достижение их практических результатов во многом зависят от ситуации в мультидисциплинарном пространстве, а именно от результатов, полученных конкретными науками о религии, – как их самостоятельными усилиями, так и в формате междисциплинарного взаимодействия. Мультидисциплинарное пространство познавательной деятельности в интересующей нас предметной области – это подсистема более обширного пространства изучения религии и феномена мистического опыта. Оно сформировалось еще во второй половине XIX в., когда на фоне всплеска интереса не только к феномену мистицизма, но и к феномену религиозной мистики имели место процессы дисциплинарного становления

и дифференциации наук о религии – психологии религии, социологии религии, религиозноведения и философии религии. Далее сформировались теории понимания религиозно-мистического опыта как такового, т.е. его природы и содержательной структуры, в частности теории конструктивизма и эссенциализма [7].

В качестве результатов исследовательских усилий наук о религии можно выделить экспликацию различных мистических концепций и традиций, а также обнаружение содержательных и архитектурных спецификаций тех или иных типов мистического опыта. Предметное пространство религиозно-мистического опыта всегда представлено различными интерпретациями, которые дисциплинарно заданы, что, разумеется, предполагает в качестве исходного пункта положительное решение вопроса относительно самой интерпретируемости данного опыта [8:340-341]. Естественно поставить и вопрос о конфликте интерпретаций. Например, для психологии религии, которой свойственно рассматривать религиозно-мистический опыт как субъективные переживания, тогда как эпистемология религии будет подходить к нему как к специфической сфере познания и знания.

Современный уровень познания христианского религиозно-мистического опыта, а также открытие новых перспектив его постижения побуждают акцентировать внимание на закономерностях формирования и функционирования мультидисциплинарного пространства. В дисциплинарных сегментах этого пространства происходит формирование и развитие соответствующих концепций в рамках базовых подходов, которые идентичны тем или иным научным дисциплинам и в фокусе которых оказывается интересующий нас пласт религиозного опыта. Например, в философии религии это может быть герменевтический или же аналитический подходы, со временем ставшие традиционными. В религиозноведении это теоретический или сравнительно-исторический подходы.

Исследования феномена мистики, в том числе религиозной, в основном проводятся в рамках того или иного научно-дисциплинарного пространства достаточно спонтанно. Зачастую направление и методы заданы научной специальностью исследователя и не всегда в достаточной мере отрефлексированы в контексте сравнения с дисциплинарными подходами других наук. Однако у представителей наук о религии все же имеется совокупность взглядов о том, что к данной области исследований представителями иных наук применяется другой дисциплинарный подход, который, в частности, ведет к росту знания.

С нашей точки зрения, актуализация дисциплинарной рефлексии – важное условие роста знания, так как это позволяет, во-первых, увидеть еще не задействованный дисциплинарный потенциал, а во-вторых, избежать дублирования исследований, так как в аналогичном, но, разумеется, полностью не идентичном русле могут идти представители других дисциплин. В-третьих, это позволяет наметить направления возможного междисциплинарного синтеза. Но все это, как нам представляется, должно быть дополнено актуализацией рефлексии над самим пространством мультидисциплинарного изучения данного

опыта. Осуществление подобного рода рефлексии должно происходить в формате метаподходов. Один гомогенный взгляд здесь вряд ли возможен. Но в любом случае, какими бы ни были метаподходы, они должны ориентироваться на общенаучный системный подход. При этом наглядно возникновение предпосылок формирования метазнания, причем метазнания двойного рода. Во-первых, это метазнание сущности и содержания религиозно-мистического опыта христианства. Во-вторых, это метазнание панорамы дисциплинарных и междисциплинарных подходов. Существенная проблема также заключается в идентификации отмеченных метаподходов с некоторой вполне определенной научной дисциплиной.

ГОРИЗОНТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОЗНАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА

При проведении исследований феномена мистического опыта в целом и мистического опыта христианства в частности в конкретном научно-дисциплинарном пространстве у представителей тех или иных наук возникают представления о том, *что* и *как* они должны исследовать с точки зрения присущего им предмета и метода. Однако часто наблюдается увлечение самим предметом без должной рефлексии в отношении дисциплинарных рамок проводимого исследования. Поэтому сама идея мультидисциплинарного пространства призвана активизировать данного рода теоретическую рефлексии в рамках конкретных наук. Но все это должно дополняться метарефлексией, которая, тем не менее, не подменяет собой рефлексии на уровне конкретных дисциплин – психологии, теологии, религиоведения, культурологии, моральной философии, философии религии. Без нее мультидисциплинарное пространство невозможно в принципе: метарефлексия есть своего рода аттрактор данного пространства.

Следует уточнить само содержание используемого термина «теоретическая рефлексия». Под ним следует понимать направленность мыслительного процесса на свою собственную специфику и свое качественное своеобразие. Это взгляд «внутрь», позволяющий избежать наивного реализма. Действительно, когда в фокусе внимания научной мысли, обладающей соответствующей предметностью, оказываются феномены мистического опыта, зафиксированные в письменных источниках или же засвидетельствованные субъектами данного опыта, происходит конкретизация объекта в форме предмета той или иной социогуманитарной дисциплины. Это позволяет использовать имеющийся методологический арсенал и получить знания, которые когерентны знаниям, генерирующимся в данном дисциплинарном пространстве. В итоге возникает эффект расширения объема знаний, полученных в рамках конкретной научной дисциплины. Посредством же использования его в других науках возможно получить новые знания, в том числе произрастающие из междисциплинарных синтезов. Однако, как нам представляется, дисциплинарная рефлексия также дополняется еще и саморефлексией исследователя: исследуя религиозно-мистический опыт той или иной конфессии, он может

придерживаться вероучения данной конфессии, либо придерживаться иной религиозной доктрины, либо не придерживаться никакой, тем сам как бы создавая в этом случае условия для собственной беспристрастности. Поэтому дисциплинарная рефлексия переплетена здесь с саморефлексией исследователя. Одновременно с этим следует признать, что метарефлексия, о которой мы упоминали выше, все же имеет дисциплинарную соотнесенность.

Вряд ли целесообразно предлагать формирование какой-то специальной дисциплины, которая занималась бы исключительно теоретической рефлексией мультидисциплинарного пространства и происходящих в нем процессов. Этим вполне может заняться философия религии. Но без формирования специального раздела в ее рамках не обойтись. В качестве такового могла бы выступить эпистемология религиозного опыта, становящаяся предметом специальных исследований [9:9-12; 10:221-231]. Подчас саму философию религии понимают как то, что не имеет своего пространства и пребывает в «промежутке» между религиоведением и богословием. Однако у религиозной христианской мистики есть своя ниша, которая предполагает ее осмысление сквозь призму философских категорий, ориентированных на пространство предметного поля религии, что как раз и определяет ее дисциплинарную идентичность. Философия религии не только непосредственно занимается исследованием религиозно-мистического опыта, имея некоторые содержательные точки пересечения с ним, но и одновременно предпринимает рефлексии этого познания как такового на уровне всеобщего. Это делает ее рефлексией наивысшей степени общности – как в отношении сущности данного опыта, так и в отношении его дисциплинарного и междисциплинарного постижения. В принципе такое положение дел характерно не только для пространства христианской культуры. Сказанное свидетельствует о новых перспективах философии религии в аспекте ее позиционирования в качестве метарефлексии мультидисциплинарного пространства, в рамках которого имеют место зоны междисциплинарного взаимодействия.

ПОСТИЖЕНИЕ ОНТОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА В ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЕНТАРЕФЛЕКСИИ

Указанная рефлексия имеет не столько теоретико-методологический характер в русле исследования, анализа и изучения данного опыта при опоре на те или иные направления в философии, но и обладает еще одним немаловажным аспектом. Он заключается в рефлексивном теоретическом постижении великого таинства приобщения к Богу на пике наиболее интенсивных психоэмоциональных переживаний как особого онтологического опыта, в котором обнажаются новые бытийные перспективы человека. Это определяется тем, что наиболее значимой стороной данного опыта является не сам по себе феномен измененного сознания либо изменение волевых качеств личности, а переживание преобразования человеческого бытия в лице того или иного субъекта мистического опыта, «исхищаемого» в горний мир. В рамках антитезы «падение – возвышение» возникает канва изначальных рефлексий субъектов данного опыта, к которым

относятся мистики и некоторые аскеты, в отношении тех духовных событий экзистирования, которые они испытывают.

Данная канва в большей или меньшей степени последовательности также оформлена рамками религиозной традиции, так как мистический опыт – это духовное ядро живого знания Бога, источник религиозной традиции и одновременно практика, испытывающая на себе в различной степени интенсивности воздействие не только духовной техники, но и религиозной догматики, предоставляющей возможности для интерпретации событий встречи с Божественным и экзистенциальной коммуникации с Ним. Отсюда в силу величия действия, происходящего в мистическом акте, оно подлечит главным образом не «сухому» и «овнешненному» аналитическому разложению, а постижению с точки зрения его смысла и предназначения. В силу этого мистические рефлексии христианских подвижников и аскетов, а также собственно мистиков становятся предметом теоретической рефлексии представителей дисциплин, входящих в мультидисциплинарное пространство. Это предполагает с их стороны рефлексивный анализ собственной позиции по поводу постигаемого опыта; осмысление его ценности; анализ предпосылок обращения исследовательского внимания к данному опыту; осмысление канонических либо неканонических опор, выбранных для интерпретации зримых мыслью картин таинственного преображения и обожения; осмысление степени доверия к мистической саморефлексии, свойственной аскетам и подвижникам христианской церкви, либо мистикам, пребывающих в лоне церкви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ситуации функционирования масштабного предметного поля, а также многочисленных дисциплинарных спецификацией возникает потребность не только в дифференциации дисциплинарных подходов, но и в их рациональной интеграции. Именно это способно привести к развитию соответствующей сферы знания и познания. В данном случае не обойтись без рефлексивного углубления в специфику реализуемых дисциплинарных подходов и их ценностных оснований. Конечно, дифференциация наук о религии может приводить к конкуренции. Однако в силу заинтересованности в подходах, реализуемых смежными дисциплинами, открывается возможность междисциплинарного синтеза, переводящего познание христианского религиозного опыта на качественно новый уровень: его разнообразная феноменология начинает отражаться сквозь узорчатое окно научных дисциплин, которые выбирают не путь взаимной изоляции, а синергии.

В свою очередь именно путь синергии позволяет уяснить сам архетип христианской мистики и его отличие от архетипов иных религий, а тем более его специфическое отличие от эзотерической и оккультной мистики, заключающееся в целостной системе сущностных характеристик

(церковность, духоносность, христоцентризм, диалогический персонализм, сотериологизм). На этой основе возникают предпосылки для уяснения степени и характера отражения архетипа христианской мистики в ее разнообразных исторических традициях.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Vasileva EN. New religious movements: concept and specifics. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2016;1:153-163. (In Russ.). [Васильева Е.Н. Новые религиозные движения: понятие и специфика. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2016;1:153-163].
2. Zolotukhina-Abolina EV. The mystical experience of modern: ways person to describe. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2019;1:25-36. (In Russ.). [Золотухина-Аболина Е.В. Мистический опыт человека современной культуры: способы описания. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2019;1:25-36].
3. Orlov MO, Syusukin VA. Risks of religious socialization in a digital society: analysis and prevention. *Manuscript*. 2021;9:1878-1882. (In Russ.). [Орлов М.О., Сюсюкин В.А. Риски религиозной социализации в цифровом обществе: стратегии исследования и методы профилактики. *Манускрипт*. 2021;9:1878-1882].
4. Shugurov MV, Duplinskaya YuM, Kostina OV. Post-Secular Society and Christian Religious-Mystical Experience: Background and Prospects for Interdisciplinary Dialogue. *Problems of the development of modern society. Proceedings of the conference "7th All-Russian National Scientific and Practical Conference"*. Kursk, 2022;3:152-167. (In Russ.). [Шугуров М.В., Дуплинская Ю.М., Костина О.В. Постсекулярное общество и христианский религиозно-мистический опыт: предпосылки и перспективы междисциплинарного диалога. *Проблемы развития современного общества. Сборник научных статей 7-й Всероссийской национальной научно-практической конференции*. Курск, 2022;3:152-167].
5. Avanesov SS. The mystical aspect of Orthodox Christian religious experience. *Ideas and Ideals*. 2012;4:75-83. (In Russ.). [Аванесов С.С. Мистический аспект православно-христианского религиозного опыта. *Идеи и идеалы*. 2012;4:75-83].
6. Bawter JM. *An Introduction to Christian Mysticism: Recovering the Wildness of Spiritual Life*. Grand Rapids: Baker Academic, 2021.
7. Malevich TV. *Theories of mystical experience: historiography and perspectives*. М., 2014. (In Russ.). [Малевиц Т.В. *Теории мистического опыта: историография и перспективы*. М., 2014].
8. Malevich TV. Mystical experience and interpretation. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye humanitarnye issledovaniya*. 2011;2:340-343. (In Russ.). [Малевиц Т.В. Мистический опыт и интерпретация. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования*. 2011;2:340-343].
9. Karpov KV. Epistemology of Religious Faith as a Disciplining Part of the Philosophy of Religion. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017;3:8-18. (In Russ.). [Карпов К.В. Эпистемология религиозной веры как дисциплинообразующая часть философии религии. *Эпистемология и философия науки*. 2017;3:8-18.].
10. Tobin T. Toward an Epistemology of Mysticism: Knowing Goad as Mystery. *International Philosophical Quarterly*. 2010;50(2):221-241.

■ Автор для переписки

Шугуров Марк Владимирович
Адрес: Саратовская государственная юридическая академия,
ул. Вольская, 1, каб. 621, г. Саратов, Россия, 410028.

■ Corresponding Author

Mark V. Shugurov
Address: Saratov State Law Academy, of. 621, 1 Volskaya st., Saratov,
Russia, 410028.

E-mail: shugurovs@mail.ru

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ / SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

УДК 316.444.52|.54: 004: 004.413.4 "312"(045)

DOI: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.7-10

ФЕНОМЕНЫ И РИСКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

П.Н. Аленин

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Для цитирования: Аленин П.Н. *Феномены и риски профессионального пространства в условиях современного общества. Аспирантский вестник Поволжья.* 2022;22(3):7-10. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.7-10

▪ Сведения об авторе

Аленин П.Н. – очный аспирант кафедры социальной и теоретической философии. ORCID: 0000-0001-6059-6297 E-mail: palenin@mail.ru

Рукопись получена: 21.06.2022

Рецензия получена: 18.07.2022

Решение о публикации: 03.08.2022

▪ Аннотация

Цель – с помощью феноменологического подхода проанализировать факторы, оказывающие активное влияние на структуру профессионального пространства. Такими факторами являются глобализация, современная эпидемиологическая ситуация и цифровизация. На основании данного анализа выявляются особенности профессионального пространства в информационном обществе. Благодаря данным особенностям появляется возможность определить тенденции трансформации профессионального пространства. Основными индикаторами, которые позволяют отследить изменения структуры профессионального пространства, являются депрофессионализация и изменение ценностных ориентиров в рамках данного пространства у современных индивидов. Данные индикаторы, в свою очередь, являются и основными рисками данного процесса.

- **Ключевые слова:** профессиональное пространство; депрофессионализация; цифровизация; информационное общество.
- **Конфликт интересов:** не заявлен.

PHENOMENA AND RISKS OF THE PROFESSION-FORMING SPACE IN THE MODERN SOCIETY

Pavel N. Alenin

Saratov State University (Saratov, Russia)

Citation: Alenin PN. *Phenomena and risks of the profession-forming space in the modern society. Aspirantskiy vestnik Povolzhya.* 2022;22(3):7-10. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.7-10

▪ Information about author

Pavel N. Alenin – postgraduate student of the Department of Theoretical and Social Philosophy. ORCID: 0000-0001-6059-6297 E-mail: palenin@mail.ru

Received: 21.06.2022

Revision Received: 18.07.2022

Accepted: 03.08.2022

▪ Abstract

Aim – to analyze the factors actively influencing the professionalization process using the phenomenological approach. Such factors are globalization, the current epidemiological situation and digitalization. The phenomenological analysis revealed the characteristics of the professional space specific for the information society. These characteristics allow us to determine the trends in the process of professionalization. The main indicators that mark the changes in the profession-forming space are deprofessionalization and shift of professional values of modern individuals, being, at the same time, the main risk factors of this process.

- **Keywords:** profession; deprofessionalization; digitalization; information society.
- **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ПРИМЕНЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Структура профессионального пространства находится в процессе постоянной трансформации, на нее оказывают влияние факторы, свойственные определенной эпохе. Феноменологический подход дает возможность избежать трудностей, присущих диалектическому способу познания окружающего мира, тем самым позволяя более точно рассмотреть методики достижения определенных знаний об окружающем мире. Анализируя данные установки, мы анализируем ситуацию в мире в целом. Использование феноменологического подхода позволяет не только рассмотреть современную структуру профессионального пространства и влияющие на нее факторы, но и выявить риски, которые свойственны данной трансформации.

РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Современные тенденции развития общества оказывают активное влияние на социальное пространство как социума в целом, так и индивида в частности. Профессиональное пространство является важной составляющей социального пространства. Структура профессионального пространства обладает гибкостью и трансформируется в соответствии с современными реалиями. Активное воздействие на нее оказывают как внутренние, так и внешние факторы. Изменение структуры профессионального пространства ведет к появлению рисков для отдельных индивидов и для всего общества.

Трансформация профессионального пространства обусловлена следующими факторами: обширность территории

страны, что требует использования новых каналов деловой и профессиональной коммуникации; высокая степень развития информационных технологий; доступность развитых информационных и коммуникационных технологий для тех групп наемных работников, профессиональные функции которых для своей реализации не предусматривают обязательного присутствия в помещении работодателя [1].

Современная эпидемиологическая ситуация вносит свои коррективы в структуру профессионального пространства, создавая тем самым новые правила в рамках уже существующих профессий. Ротация профессий становится рефлексией структуры профессионального пространства на текущие реалии. Многие профессии умирают или заменяются более актуальными аналогами, которые содержат новые компетенции. Формирование новых компетенций уже существующих профессий делает наиболее рискованным положение пожилых людей, до сих пор осуществляющих трудовую деятельность [2].

Пандемия COVID-19 активно воздействует на личное и профессиональное пространство индивида, смещая баланс повседневности. Изменяется соотношение работы и отдыха, трансформируются мировоззрение и повседневные практики каждого человека. Тем самым каждый житель Земли становится невольным участником глобального социального и экономического эксперимента. При этом наибольшим потрясениям подвергаются именно сферы занятости и профессиональной деятельности, и данный процесс, последствия которого трудно прогнозируемы, продолжается до сих пор. Пандемия COVID-19 позволила обществу по-новому взглянуть на сферу медицины в целом и труд медицинских работников в частности. Вновь становится актуальной дилемма профессиональной морали и сущность медицинской профессии для биологического воспроизводства общества [3]. Это становится одним из важнейших изменений общественного мировоззрения. Современные тенденции трансформации общественного мировоззрения являются одним из факторов, лежащих в основе изменения элементов структуры профессионального пространства. Одним из примеров становится образовательная сфера, где с распространением дистанционного онлайн-обучения изменяется социальная роль педагога [4]. Определенной деформации, значимая роль которой является одним из основных индикаторов постиндустриального общества, подвергаются и другие элементы сферы услуг. На первое место выходит проблема борьбы с заболеванием, смещая тем самым на второй план профессии, получившие распространение в период модерна и индустриализма. Многие работники вынуждены адаптироваться к изменившимся условиям, чтобы оставаться на плаву в динамично изменяющемся окружающем мире. Примером такой адаптации является переход многих сервисов услуг в онлайн-режим (репетиторство, психотерапия и т.д.). При этом активно распространяется платформенная занятость [5], в основе которой зачастую лежат низкооплачиваемые услуги неквалифицированных сотрудников (такси, курьеры). Пандемия ускоряет трансформацию профессионального пространства, при этом институт профессий остается ключевым феноменом глобальных трансформаций в социуме [6]. Также на изменение структуры профессионального пространства оказывают

влияние активная цифровизация социальных коммуникаций, кризисы в различных сферах, таких как политика, экономика и экология.

Нельзя не отметить, что изменяются место и роль профессионалов в современном социуме. Данная проблема стала объектом исследования множества специалистов из различных сфер науки. Текущая эпидемиологическая ситуация обостряет ситуацию в социуме, выявляя все новые риски и делая актуальные риски еще более явными.

Социально-философский анализ сложившейся ситуации позволит определить влияние изменений на определенные профессии и людей в профессии, а также оценить возможные изменения структуры профессионального пространства. Благодаря трудовой деятельности, индивид имеет возможность удовлетворять свои потребности, при этом зачастую именно через профессию человек самореализуется, и она становится неотъемлемой частью бытия индивида. Динамика изменения профессионального пространства настолько интенсивна, что зачастую человек не имеет возможности адаптироваться к данным изменениям, и выявляется еще один феномен профессионального пространства – **проблема дезадаптации**.

Благодаря глобализации население большинства развивающихся стран улучшило свое благосостояние. Одной из спорных особенностей глобализации является перемещение производства в другие государства с развивающейся экономикой, за счет этого прибыль крупных компаний возрастает. Это привело к снижению спроса на молодых и низкоквалифицированных специалистов. Наиболее востребованными в своих отраслях становятся специалисты, обладающие определенной квалификацией и набором навыков и умений. Изначально специалисты с низким уровнем навыков и умений имеют значительно меньшие перспективы в профессии. Возможностью для таких людей становится развитие сферы услуг с вероятностью заниматься трудовой деятельностью без каких-либо специальных навыков и умений. Определенные риски для профессионального пространства несут и будущие изменения, связанные с автоматизацией и цифровизацией. Автоматизация приведет к сокращению мест для сотрудников с базовыми навыками, т.к. роботы и машины будут иметь возможность выполнять эти действия, но при этом увеличится результативность труда и снизится его стоимость.

На основании этого можно отметить, что в будущем структура профессионального пространства подвергнется еще большим изменениям, связанным с интенсивной динамикой развития технологий и их активного внедрения во все сферы деятельности. Будущему поколению специалистов грозит еще больший риск, т.к. количество факторов, оказывающих влияние на структуру профессионального пространства, значительно увеличивается [7].

ДЕПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ КАК ФЕНОМЕНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Все изменения, связанные со структурой профессионального пространства в информационном обществе, становятся причиной нескольких феноменов, характерных для современного пространства. Первым из них является

депрофессионализация [8]. Под этим термином следует понимать не только снижение престижа профессии, но и падение уровня профессионализма, изменение системы профессиональной этики и ее критериев, активную конкуренцию между профессионалами и клиентами. Цифровизация влияет на структуру профессионального пространства, и депрофессионализация является одним из феноменов, присущих его текущему состоянию, как результат рефлексии. В современном ее состоянии можно отследить классические черты социального института: формальные и неформальные законы и нормы, символику, этос, идентичность, статусно-ролевые наборы, «правила игры», сообщества и прочее.

Изменение структуры профессионального пространства может рассматриваться и как динамика его развития, и как кризис. При изучении данного феномена стоит рассмотреть причины данной трансформации. Профессиональный этос как основа профессии рассматривается такими учеными, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон [9]. Формирование профессиональной репутации – процесс, основывающийся на этических нормах. Они не только формируют статус индивида, но и позволяют его поддерживать в социальных группах. Однако в условиях постмодерна на смену традиционной профессиональной этике, уходящей корнями в догматы протестантизма, приходят *текущность* и *множественность этик*, которые констатируют в своих исследованиях З. Бауман, Д. Урри, Р. Брубейкер, А.Ю. Согомонов и т.д. Сами по себе *правила игры* становятся размытыми, мобильными, подвижными, противоречивыми. Профессиональная амбивалентность является характерным индикатором процесса *смещения* правил в профессиональной практике. Результатом этого являются не только изменение структуры профессионального пространства, но и постепенное нивелирование самой идеи институциональной структуры. Негативное влияние последствий данного процесса на социальные институты и общество отрицать невозможно [10]. Депрофессионализация – это не только уменьшение спроса на высококвалифицированные профессии, это утрата приобретенной профессии и квалификации. Трудовая деятельность, не соответствующая полученной квалификации, становится одной из важных особенностей, характеризующих современную структуру профессионального пространства социума. В результате этого формируется новый социальный слой – «люмпены-специалисты» [11].

Среди причин, порождающих риски депрофессионализации молодежи в современном российском обществе, исследователи выделяют также «высокий процент молодежи, трудовая деятельность которой не связана с полученной специальностью; приоритет внешней мотивации (материальной), которая при отсутствии внутренней (духовной) разрушает профессиональное “я” личности и мотивы профессионального роста и самоутверждения в профессии» [12].

Социальные достижения приводят к улучшению качества жизни человека. У индивида формируется новое профессиональное мировоззрение и меняются требования к работе. Данные изменения связаны с повышенными ожиданиями людей от потенциального места работы. В результате этого формируются новые профессиональные мотивы и стратегии, в приоритете которых лежит самостоятельная

занятость как возможность получения больших доходов при использовании меньшего ресурса. Современные футурологи в своих исследованиях отмечают позитивные перспективы распространения внеорганизационной занятости. По мнению Д. Пинка, будущее именно за независимыми работниками, и именно они станут в дальнейшем основой профессионального пространства [13]. Благодаря самостоятельной занятости индивид имеет больше возможностей раскрыть свой творческий потенциал и самореализоваться в профессиональной деятельности.

Фактор СМИ и интернет-пространства оказывает значительное влияние на структуру профессионального пространства. Кроме того, что они активно манипулируют сознанием населения (и в первую очередь сознанием молодежи), в интернет-пространстве молодежь получает возможность осуществлять деятельность, которая позволяет им зарабатывать, не имея при этом определенных профессиональных навыков. Тем самым обесценивается профессия как элемент профессионального пространства. В рамках интернет-пространства транслируется доступность материальных ценностей и стирается граница между реципиентом и транслирующим субъектом. Проблема выживания, с одной стороны, и красивые образы медийных личностей – с другой создают когнитивный диссонанс у современного индивида, стимулируя его к деятельности ради добывания денег любой ценой, а не к возможности самореализации через трудовую деятельность. Система оценки профессиональной деятельности подверглась значительным изменениям: качество зачастую приносится в жертву в пользу последующих выгод и прибыли. СМИ и другие внешние факторы воздействуют на индивида и тем самым формируют его систему ценностей. Становясь основными источниками информации для индивида, они трансформируют данную систему.

Подвергаются изменению и ценностные установки современного индивида, которые лежат в основе выбора профессии. **Новые ценностные установки**, лежащие в основе профессионального пространства индивида, становятся еще одним феноменом, характеризующим трансформацию структуры профессионального поля.

Выбор профессии – сознательное определение человеком области деятельности, которой он намеревается овладеть и длительно заниматься. Данное определение В.В. Сериков расширяет и уточняет: «Ситуация выбора профессии содержит в своей основе нравственный выбор, самостоятельную постановку цели, препятствие, требующее проявления воли и переживания радости собственного открытия, ощущение собственной значимости для других людей, самоанализ и самооценку, отказ от своих прежних воззрений и принятие новых ценностей, осознание своей ответственности за явления природной и социальной действительности» [14]. В результате профессиональный выбор индивида основывается на балансе внутренних ресурсов и требований социума. Посредством профессии человек не только обеспечивает себя материальными ценностями, но и имеет возможность быть полезным для общества. Профессия помогает человеку самоутвердиться, поэтому реализация в профессиональной сфере становится одной из целей для каждого индивида. Возрастные этапы, психологические

особенности, готовность выбора являются проблемным полем исследования профессионального пространства.

Процесс самоопределения личности находится не только в социальном пространстве индивида, но и формирует профессиональное пространство. Профессиональные установки и внутренние ресурсы становятся базисом для данного процесса. Свобода профессионального самоопределения достаточно условна, т.к. на индивида оказывает влияние множество внешних факторов. Обуславливая профессиональный выбор индивида, данные факторы по своей сути программируют человека на определенную модель поведения в рамках профессионального пространства. Учитывая их, индивид может определить востребованность той или иной профессии, ее престижность и доходность. Интернет-пространство же, зачастую представляя искаженную ситуацию, демонстрирует, что определенные профессии позволяют получать больший доход при минимальных затратах ресурсов. В результате этого значимость таких индикаторов профессий, как востребованность и престижность, снижаются, уступая место индикатору доходности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно отметить, что профессиональное пространство непрерывно изменяется. На него оказывают значительное влияние факторы, свойственные определенной эпохе. В современном обществе это процессы глобализации, цифровизации, а также эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением COVID-19.

Феноменами, характерными для процесса трансформации профессионального пространства в современном обществе, являются депрофессионализация и новая система ценностных установок, являющихся основой при профессиональной самоидентификации. Указанные феномены становятся рисками, обуславливающими этот процесс. Исследование и анализ рисков позволят минимизировать негативные последствия от трансформации профессионального пространства.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Rudenko GG, Dolzhenkova YuV. Distance employment: modern trends of transformation. *Social and Labor Research*. 2020;4(41):50-56. (In Russ.). [Руденко Г.Г., Долженкова Ю.В. Дистанционная занятость: современные тенденции трансформации. *Социально-трудовые исследования*. 2020;4(41):50-56]. doi: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-50-56
- Belikova NV, Shirjaeva TYu. Changes in the labor market in the context of the appearance of new professions. *Vestnik of the Russian university of cooperation*. 2021;1(43):16-21. (In Russ.). [Беликова Н.В., Ширяева Т.Ю. Изменения на рынке труда в контексте появления новых профессий. *Вестник Российского университета кооперации*. 2021;1(43):16-21]. doi: 10.52623/2227-4383-1-43-3

- Dingwall R, King MD. Herbert Spencer and the Professions: Occupational Ecology Reconsidered. *Sociological Theory*. 1995;13(1):14-24. doi: 10.3389/fsoc.2019.00077
- Tomczyk L. E-Learning in Poland: Challenges, Opportunities and Prospects for Remote Learning during the COVID-19 Pandemic. *Higher Education in Russia and Beyond*. 2021;(2):10-12. doi: 10.4018/IJICTHD.2016010101
- Shevchuk AV. From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*. 2020;32(1):30-54. (In Russ.). [Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике. *Социология власти*. 2020;32(1):30-54]. doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54
- Abramov RN, Bykov AV. The World of Professions in the Context of Work and Employment: Pandemic and Digital Vertigo. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021;(3):4-10. (In Russ.). [Абрамов Р.Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(3):4-10]. doi: 10.14515/monitoring.2021.3.2001
- Gabeev VT, Kulikovskaja IE, Mironova EN. The problem of forming the image of the future profession in modern research. *Modern Pedagogical Education*. 2021;(1):19-25. (In Russ.). [Габеев В.Т., Куликовская И.Э., Миронова Е.Н. Проблема формирования образа профессий будущего в современных исследованиях. *Современное педагогическое образование*. 2021;(1):19-25].
- Rubcova MV, Martyanova NA. Professionals and clients: struggle for dominance in conditions of musical in musical inclusive education. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013;11-2(37):152-155. (In Russ.). [Рубцова М.В., Мартьянова Н.А. Профессионалы и клиенты: борьба за доминирование в условиях музыкального инклюзивного образования. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013;11-2(37):152-155].
- Durkheim E. *On the division of social labor*. Trans. from French A.B. Gofman. M., 1996. (In Russ.). [Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М., 1996].
- Martyanova NA, Rubcova MV. Manageability of the profession as a social institution: from deprofessionalization to the reconstruction of professions [internet]. *Studia Humanitatis*. 2015;2. (In Russ.). [Мартьянова Н.А., Рубцова М.В. Управляемость профессии как социального института: от депрофессионализации к реконструкции профессий [Электронный ресурс]. *Studia Humanitatis*. 2015;2]. Available at: <http://st-hum.ru/content/martyanova-na-rubcova-mv-upravlyaemost-professii-kak-socialnogo-instituta-ot> Accessed: 15.12.2021.
- Kochetov AN. Key features of skewed employment structure. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2012;(2):167-171. (In Russ.). [Кочетов А.Н. Основные признаки деформаций в системе занятости населения. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2012;(2):167-171].
- Muhina KS. Deprofessionalization of the Russian youth: institutional factors of reproduction. *Humanities of the South of Russia*. 2017;6(6):242-250. (In Russ.). [Мухина К.С. Депрофессионализация российской молодежи: институциональные факторы воспроизводства. *Гуманитарий Юга России*. 2017;6(6):242-250]. doi: 10.23683/2227-8656.2017.6
- Pink D. *A nation of free agents. How new independent workers are changing America's life*. M., 2005. (In Russ.). [Пинк Д. *Нация свободных агентов. Как новые независимые работники меняют жизнь Америки*. М., 2005].
- Serikov VV. *Personal approach in education: concepts and technologies*. Volgograd, 1994. (In Russ.). [Сериков В.В. *Личностный подход в образовании: концепции и технологии*. Волгоград, 1994].

■ Автор для переписки

Аленин Павел Николаевич
Адрес: ул. Посадского, 228/244, кв. 107, г. Саратов, Россия, 410005.

■ Corresponding Author

Pavel N. Alenin
Address: apt. 107, 228/244 Posadsky st., Saratov, Russia, 410005.

E-mail: palenin@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

С.Ю. Анисимова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

Для цитирования: Анисимова С.Ю. *Еще раз о проблеме концептуализации исторической памяти. Аспирантский вестник Поволжья.* 2022;22(3):11-16. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.11-16

■ Сведения об авторе

Анисимова С.Ю. – канд. филос. наук, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-9075-9664
E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

Рукопись получена: 15.06.2022

Рецензия получена: 19.07.2022

Решение о публикации: 30.07.2022

■ Аннотация

Цель – дальнейшая концептуализация исторической памяти. Высказывается идея о том, что концептуализация связана с философскими границами интерпретаций социально-онтологических оснований исторической памяти. Подчеркивается, что социально-онтологические основания позволяют выявить онтологический статус исторической памяти на различных уровнях бытия. На уровне социального бытия историческая память выступает как способность общества фиксировать этапы взаимодействия с окружающей средой, онтологизируя процесс присвоения человеком природного материала. На институциональном уровне историческая память закрепляет собственное содержание в системе социальных институтов, с помощью которых выполняются функции государственной политики, эффективного управления и воспитания. На экзистенциальном уровне историческая память сохраняет и продолжает жизнь рода, семьи, индивида в пространственно-временных координатах: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Высказывается идея, что включение проблематики исторической памяти в междисциплинарное исследовательское поле расширяет границы ее концептуализации. Это приводит к обнаружению онтологической общности исторической и биологической памяти, что усиливает функционал фундаментального статуса исторической памяти.

- **Ключевые слова:** историческая память; статус исторической памяти; концептуализация исторической памяти.
- **Конфликт интересов:** не заявлен.

TO THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF HISTORICAL MEMORY

Svetlana Yu. Anisimova

Samara State Technical University (Samara, Russia)

Citation: Anisimova SYu. *To the problem of conceptualization of historical memory. Aspirantskiy vestnik Povolzhiya.* 2022;22(3):11-16. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.11-16

■ Information about author

Svetlana Yu. Anisimova – PhD, Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities. ORCID: 0000-0002-9075-9664
E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

Received: 15.06.2022

Revision Received: 19.07.2022

Accepted: 30.07.2022

■ Abstract

Aim – to proceed the conceptualization of historical memory. The author expresses the idea that conceptualization lays within the philosophical boundaries of interpretations of the socio-ontological grounds for historical memory. The socio-ontological foundations allow us to reveal the ontological status of historical memory on different levels of being. At the level of social being, the historical memory acts as the ability of the society to fix the stages of interaction with the environment, ontologizing the process of human appropriation of the natural material. On the institutional level, the historical memory fixes its own content in the system of social institutions, with the help of which the functions of public policy, effective management and education are performed. At the existential level, the historical memory preserves and continues the life of the dynasty, the family, and the individual in spatial and temporal coordinates: the past – here; the past – here and now; the past – here and there. The author suggests including the problematics of historical memory in the interdisciplinary research to expand the boundaries of its conceptualization. The ontological commonality of historical and biological memory is observed, which enhances the fundamental status of historical memory.

- **Keywords:** historical memory; status of historical memory; conceptualization of historical memory.
- **Conflict of interest:** *nothing to disclose.*

АКТУАЛЬНОСТЬ

На сегодняшний день феномен исторической памяти активно исследуется в междисциплинарном пространстве, но при этом сам статус исторической памяти остается открытым. Не до конца решена и теоретико-методологическая задача концептуализации исторической памяти. Соответственно, необходимо продолжить дальнейшую концептуализацию исторической памяти во всех ее аспектах.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Известно, что сопоставительный анализ содержательно-смысловых единиц исторической памяти в топонимике ее категориального ряда обнаруживает прежде всего экспликационные различия как в логическом, так и в эвристическом плане. С точки зрения формальной логики, содержательные единицы понятийного аппарата исторической памяти могут использоваться как взаимозаменяемые, но в процессе

развертывания исследовательской деятельности обязательно включаются эвристические ресурсы, позволяющие наполнить «историческую память» смысловыми нагрузками, которые можно варьировать. Рассмотрим наиболее типичные, на наш взгляд, определения «исторической памяти». Например, Л.П. Репина четко разводит историческое знание и память, определяя при этом историческую память как то, что «...запомнилось, помнится...» [1]. М.В. Соколова, отождествляя историю и историческую память, подчеркивает, что память – это объективное и точное отражение прошлого [2:37]. По мнению В.Н. Бадмаева, «...историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании...» [3:79]. С точки зрения известного российского социолога-обществоведа Ж.Т. Тощенко, «историческая память, по сути дела, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [4:3]. Е.А. Прихотько и С.О. Лебедева пишут: «...историческая память означает, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях и событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы» [5:132-135]. Вышеперечисленные определения исторической памяти представлены в методологическом поле парадигм классического знания.

В рамках экзистенциальной аналитики М. Хайдеггер, оставляя за исторической реальностью право модуса удерживания в бытие, подчеркивает, что историческая память – это удерживание в памяти прошлого.

В методологических исследованиях зарубежных авторов наблюдается смещение эпистемологического акцента трактовки «исторической памяти» в сторону герменевтических и психологических подходов, что позволяет включить историческую память в контекст исторических нарративов и переживаний. Например, Аллан Мегилл связывает историческую память с опытом реальных переживаний людей, «...которые на самом деле участвовали в обсуждении исторических событий» [6:112]. Пьер Нора подчеркивает, что «...память вцепляется в места, как история в события...» [7:17-50].

С одной стороны, так называемая методология классического знания, раскрывающая динамику человеческих изменений и развития общества в терминах историософии, окончательно не исчезла. Она продолжает работать в фокусе цивилизационного подхода – его реализация показала неплохие результаты [8; 9], которые можно использовать для анализа феномена «историческая память». С другой стороны, эпистемологические установки постмодернистских концепций, постулирующие идеологию техногенной цивилизации, окончательно запутывают ситуацию с исторической памятью. Оказалось, что технологическое отношение к миру вообще исключает понятие «память» в качестве временной характеристики, т.к. в отличие от природы техносфера не имеет собственной истории, а значит, и темпоральной бытийности. В итоге возникла «метафизическая

озабоченность» по поводу того, что память как социально-культурный феномен рассеивается в техносфере. Ситуация осложняется еще и тем, что в исследовательском поле исторической памяти существует непримиримая оппозиция разных методологических установок исторического познания: установка на замену онтологии гносеологией и установка на их демаркационное разведение. Эпистемологическим результатом стало размывание теоретико-методологических границ в историческом познании самого статуса реальности прошлого, с которым работает историческая память. Соответственно, содержательные дефиниции исторической памяти все больше размываются в современных философских дискурсах, специфика проявления исторической памяти на различных уровнях социального бытия становится теоретически неуловимой [10:41-42].

Сопоставим наиболее типичные понятийные единицы исторической памяти и рассмотрим методологическую базу, в пространстве которой артикулируются онтологические константы, задающие вариативность смысловых разночтений памяти. На наш взгляд, онтологические константы памяти – это те «предельно философские матрицы», которые организуют смысловое формирование понятийного аппарата исторической памяти.

При формировании содержательных единиц исторической памяти имманентно содержится вопрос о том, что отражает, схватывает, сохраняет и передает историческая память – историческую реальность, следы прошлого, историческую действительность, фактологичность, повседневность, нарративность или личную биографичность? Ответ на заданный вопрос – суть импликации проблематики онтологического статуса реальности. К сожалению, приходится констатировать, что проблематика онтологии в целом и реальности в частности отошла сегодня на последний план. Признаем, что в гносеологическом плане действительно существуют познавательные сложности, связанные, по мнению В.Н. Сагатовского, с тем, что многие философские исследовательские программы, например феноменология, «...не в силах справиться с проблемой объективной реальности (о постмодернизме всерьез говорить не приходится), а материалисты не в силах преодолеть свою рациональную ограниченность» [11:95].

Фиксируется наличие своеобразного философского «когнитивного диссонанса»: с одной стороны, признаки объективной реальности и ее существования отрицаются, с другой стороны, в неявной форме существование объективной реальности и ее признаков не отрицается. На наш взгляд, наличие этого диссонанса во многом объясняется методологическим замещением онтологической проблематики проблемами гносеологии, в результате чего на первый план выдвигается теоретическая работа исследователя с объектами, представленными и функционирующими лишь в идеальной или знаковой форме. Именно это обстоятельство позволяет каждый раз при обнаружении новой реальности, которая не укладывается в рамки теории классической объективности, причинности и детерминизма, вести разговор о смерти объективной реальности, а значит, и смерти тех онтологических моделей, которые ее описывают.

Как нам кажется, открытие науками все новых и новых реальностей не означает того, что добрая объективная реальность исчезла. Эти открытия подтверждают лишь то, что процесс познания мира неоднозначен и сложен.

Сложнее, чем в естествознании, обстоит дело с ментально-культурными явлениями, к которым отнесем историческую память. С одной стороны, исследователь учитывает сложившуюся философскую традицию трактовки исторической памяти (инвариант социальной памяти) в качестве эвристического принципа научного познания [12:94-104]. В этом аспекте феномен исторической памяти выступает в методологическом ключе, с помощью которого можно исследовать когнитивные пласты исторической и социальной памяти. С другой стороны, историческая память является социокультурным феноменом и как любое явление социума имеет сложную природу смысловой структуры. В широком смысле все социальные объекты в отличие от природных имеют иные основания презентации в обществе и научном познании. Эти основания были заданы известным всему философскому сообществу элеатом Парменидом, который сформулировал когнитивную установку: бытие непосредственно, но мыслимо. Можно утверждать, что Парменид заложил архетип специфического способа мышления, которое конституирует себя независимым от собственного основания. Появление данного архетипа послужило гносеологической причиной рассеивания как объектно-субъектных, так и субъектно-объектных границ предметности в структуре познавательной деятельности. Результатом этого рассеивания стало сведение онтологической проблематики к различным аспектам гносеологии. А знаменитая формулировка неокантианцев, согласно которой предмет не дан, а задан, окончательно санкционировала поворот дискуссии о предметности знания сначала в русло абстрактного теоретизирования, а потом в тематику замены познавательных аспектов предметности знания конструктивным моделированием знания.

Возникла новая эпистемологическая тематика познавательной деятельности, базирующаяся на принципах конструирования, в рамках которого возможны вариативные интерпретации одного и того же, а картина мира выступает игровой площадкой для жонглирования дискретными элементами мира, которые непрерывно меняют свое месторасположение. Когнитивный вектор новой эпистемологии стал активно корреспондировать специфику исследовательской работы ученого таким образом, что аналитические процедуры изучения разнообразных форм бытия человека конституировались теми формами знания, которые интенционально не зависели от любой эмпирической базы. При этом схема аналитических процедур задавалась уже существующими теоретическими схемами и конструктами. В этих условиях зародилась «очередная гносеологическая революция», в недрах которой возникла «стратагема соблазна» замены онтологической проблематики гносеологией с превращением первой в «...разновидность антропологии» [13:197-212].

Не обошел этот соблазн и историософию, которая в своем постмодернистском варианте позиционировала эпистемологическую установку: философия и история

«...теперь формируется как теория познания, а не как онтология» [14; 15].

Известно, что природа социокультурных объектов по своей структуре семантическая. Эти объекты могут содержать многослойный спектр смыслов и презентативаются только в деятельности человека. Поэтому они всегда включены в живую ткань социума и образуют механизмы собственной фактуальной представленности в формах объективированного опредмечивания, которые самостоятельно имплементируют себя процедурами интерпретации, символизации и текстуальности в качестве истинно сущего бытия. На это обстоятельство тонко обратил внимание М.К. Мамардашвили: «В социально-исторических исследованиях... очагом и реальной движущей силой истории, т.е. «объективным событием», «фактом»... истории является интерпретированное бытие, в применении к которому нельзя отдельно выделить анализом «интерпретацию» бытия его субъектами... и «истинное бытие», которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности» [16:280-281]. Таким образом, мир как социально-исторический процесс оказывается концептуален не посредством научного знания, которое обобщает существенные свойства и отношения, а другими мыслительными формами (образ, схема, фрейм, концепт, гештальт и др). Все эти формы, по выражению М.К. Мамардашвили, «экзистенциально избыточны» и имеют дело с представлениями о мире и способами его символического или знакового замещения.

В силу того что многие ученые трактуют прошлое не как реальность, а как действительность, схваченную исследователем в качестве возможности, они попадают в одну из «гносеологических ловушек», на которые указывает Д.Д. Левин: «Отмечу парадоксальную и вместе с тем фундаментальную особенность категорий «действительность» и «возможность» в теоретическом мире: для их описания не нужна категория времени. Диспозиционные признаки вторичны по отношению к реальным» [17:211]. Но без категории времени историческая действительность обесмысливается как прошлое, актуально присутствующее в настоящем, а собственный темпоральный модус бытия истории сводится к метаморфозам, текстам, местам памяти. В данном контексте становится понятной тематизация концепта «места памяти» (memory studies).

В своем известном произведении П. Нора подчеркивает: «...если правда, что фундаментальное право мест памяти на существование состоит в останкове времени, в блокировании работы забвения, в фиксировании настоящего порядка вещей, в обесмерчивании смерти, в материализации нематериального (золото есть единственная память денег) для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков, тогда очевидно, что именно делает их крайне привлекательным понятием – тот факт, что места памяти не существуют вне их метаморфоз, вне бесконечного нагромождения и непредсказуемого переплетения их значений» [7:11]. Из содержания отрывка видно, что французский ученый убежденно акцентирует семантический функционал «мест памяти» как имплицитную (сжатую) демонстрацию выхода из сферы темпорального.

Позитивные результаты интерпретационного конструирования событийных рядов прошлого, полученные с помощью методологических установок релятивизма и плюрализма, позволили историческому познанию, в пространстве которого работает историк, придать оттенок «интимной сопричастности». При этом главная трудность заключается в том, что любое исследование прошлого, проведенное на микроуровне исторической реальности с помощью операционных единиц «следы прошлого», «ностальгический опыт», «ментальные образы прошлого» и т.д., наталкивается на очень важное, а точнее, главное эпистемологическое препятствие: проблему репрезентативной достоверности той «экзистенциально избыточной» информации, которую на выходе получает любой историк.

Подчеркнем, что гносеологическая неопределенность взаимосвязи между исторической реальностью и знанием об исторической реальности ставит аналитика в ситуацию трагического выбора: либо найти эффективный способ примирить факт релятивности познания с классической традицией объективного, предметного знания, либо совсем отказаться от поиска общезначимых ответов на вопросы – что есть истина, как она возможна [18]. Заметим, что современными философами в той или иной степени неоднократно делались попытки методологического перевода проблематики истины в плоскость аккумуляирования ее моделей в коммуникативное пространство познавательных культур [19:10-13]. Но принципиальность вопроса о том, познаваемо ли историческое прошлое вообще, с повестки дня так и не снята. Приходится признать, что на чисто логическом уровне проблема не решается и в силу этого может быть переведена из плоскости разума на позицию веры. С этой позиции историк, да и любой желающий легко по собственному усмотрению конструирует прошлое. В рамках этих конструкций можно отрицать существование Хеопса, Ивана Грозного, Сталина, пересматривать итоги любых мировых событий, населять прошлое драконами, хоббитами и вообще разнобразить «историческое фэнтези».

Если же мы станем на ту точку зрения, что прошлое принципиально познаваемо, и останемся при этом на позициях рационального мышления (т.е. будем полагаться на собственные наблюдения и умозаключения), то можно исходить из предпосылки существования реальности прошлого через фокус «исторической сопричастности» этого прошлого к свершенным действиям и их результатам. Предполагаем, что прошлое познаваемо ровно настолько, насколько точны аналогии былого ситуациям, существующим сегодня в современном мире. А обнаружение в прошлом принципиально иных исторических образований и взаимосвязей будет той самой «экзистенциальной избыточностью», которую можно принимать или не принимать – по выбору. В контексте сказанного историческая память разворачивает свои «структуры памятования» [20:26] не только о предполагаемом прошлом, но и о реально существующем прошлом, которое историческая память репрезентирует в опыте предметной деятельности. Структуры «памятования» существуют как в природных, так и в социокультурных системах. Если в природных системах память презентирована биологическими и генетическими кодами [21], то в социокультурных

системах историческая память репродуцирована символическими и семиотическими кодами. Несмотря на специфику содержательного различия природных и социокультурных систем, их объединяет онтологическое общее – быть, существовать во всей полноте полифонической многомерности. В данном ракурсе историческая память и биологическая память финализируют актуализацию жизни, способность ее сохранить и продлить. В социуме историческая память выступает как способ сохранения и продления жизни в экзистенциальном векторе: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Так историческая память раздвигает границы жизни – бытия, она оказывается глубже и сильнее отношений акторов в сетевых матрицах. Ведь историческая память предполагает не только представленность, она выступает свидетельством существования. Можно не быть представленным, но все равно существовать. Тем самым снимается известное противоречие экзистенциала памяти: то, что не представлено действиями различным акторов, не существует, а то, что подвергнуто забвению, не присутствует в памяти как существующее.

Изложенная методологическая позиция расширяет общую онтологическую платформу между статусами исторической памяти и памяти природы. Любая память как памятование о прошлом актуализирует процесс сохранности жизни в любых системах. Так, генетическая память, наследуя конфигурацию аминокислот, не только передает, но и реализует жизненный цикл белковых молекул. Биологическая память таксомирует повторяемость предыдущих эмбрионов в становлении саморазвивающегося живого. Историческая память общества, будучи встроеной в сложные социокультурные системы, фокусирует экзистенциальные аспекты бытия социума или отдельного индивидуума.

Во всех этих системах память не только сохраняет, но и актуализирует существование самих систем. Выскажем предположение, что память как актуализация, сохранение и продление жизни посредством организации информации о прошлом может артикулироваться в любых системах. Обнаруживаются общие онтологические моменты у «структур памятования» природы и общества. Но онтологический статус исторической памяти фиксирует более глубинные взаимосвязи. Он закрепляет специфику проявления исторической памяти на различных уровнях бытия. На уровне социального бытия историческая память выступает как способность общества фиксировать этапы взаимодействия с окружающей средой, онтологизируя процесс присвоения человеком природного материала. На институциональном уровне историческая память закрепляет собственное содержание в систему социальных институтов, с помощью которых выполняются функции государственной политики, эффективного управления и воспитания. На экзистенциальном уровне историческая память сохраняет и продолжает жизнь рода, семьи, индивида в пространственно-временных координатах: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там.

Сущностное содержание самого феномена «память» как хранителя, транслятора и актуализатора состояний прошлого в настоящем выступает онтологическим условием

продления, существования и развития многообразных форм бытия. При этом историческая память социума не только сохраняет прошлое, но и содержит конструктивную способность выхода за пределы мира и самого человека. Именно так историческая память социума рефлексивизирует собственную предметность. Поэтому искусственно стереть историческую память социума «...видимо, в принципе невозможно. А если возможно, то исчезает целая культура, ее бытийные или онтологические основания, которые реализуются в историческом времени» [22;43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, статус и содержание исторической памяти определяются бытийной структурой социальной системы. При этом пространственно-временные измерения исторической памяти актуализируют специфику процессов ретро-спекции и самопроизводства на каждом конкретном этапе развития общества. Данный контекст позволяет говорить об исторической памяти как фундаментальном феномене общества. Ведь историчность в широком значении содержит потенциал развертывания небытия, присутствия, исчезновения, забвения, дальнейшего развития. В этом плане взаимосвязь «пространство – время – история» закономерна и в определенном фокусе тождественна. Но если в природных системах эта взаимосвязь жестко задана алгоритмом «от неживого к живому», «от живого к его воспроизводству и саморазвитию», то в социальных и культурных системах она существует в искусственно созданном мире. В искусственном мире (как раньше говорили, «второй природе») действует иной алгоритм: «цель – деятельность – действие – результат», и ракурс этого алгоритма на каждом этапе развития социума осмысливался и реализовывался по-разному в соответствии с социально-культурными запросами общества. Так как искусственный мир был создан разумом, волей и деятельностью людей, то на основе этого генезис искусственного был осознан как субъективный, т.к. искусственное подлежало фиксации в отношении «стороны субъекта». Поэтому взаимосвязь «пространство – время – история» в философско-гуманитарном аспекте осмысливалась как действия людей и результаты этих действий. Таким образом, именно формализация субъективности в социальных процессах постепенно исключила онтологический статус исторической памяти как ресурса для междисциплинарных исследований. Поэтому феномен исторической памяти традиционно исследовался философской рефлексией как явление, присущее только социально-культурным системам, а собственный анализ памяти ограничивался рамками гуманитарного знания. Справедливо заметим, что совместными усилиями теоретиков генно-культурной эволюции, а также представителей популярного научного направления «Большая история» Д. Кристиана, Ф. Спира и Марни Хагс-Варрингтона [23; 24], исследования по исторической памяти включаются в ракурс междисциплинарных исследований, где акцентируется методология исследования процессов взаимодействия природных и социальных систем. Оказалось, что ресурсная составляющая исторической памяти в поле этого взаимодействия значительно расширяет горизонты собственной бытийности. При этом историческая память

способна разворачивать в одном и том же бытийном срезе многоликий ансамбль экзистенциальных и функциональных потенциалов. Разворачивая экзистенциальные и функциональные потенциалы, историческая память наполняет содержание своих «структур памятования» значениями как объективного, так и субъективного бытия. Структуры памятования исторической памяти в формах пространственно-временной процессуальности сохраняют и транслируют материально-духовную предметность прошлого и опыт его освоения.

Сегодня в рамках междисциплинарного подхода на первый план все чаще выходят исследования по семиотическому взаимодействию механизмов социального наследования и внебиологического кодирования. В этих исследованиях проблематика исторической памяти все чаще рассматривается в рамках исторического взаимодействия природы и общества. Например, наследственная информация в ДНК играет определенную роль в становлении языковой культуры, а значит, в эволюции человека [23:40-50]. Эти виды информации содержатся в первичных клетках памяти и материальных носителях (книги, рукописи, артефакты, электронные записи и т.д.) и создают основу для экзистенциальности социума и человека.

Таким образом, расширение рамок концептуализации исторической памяти позволило обнаружить онтологическую общность исторической и биологической памяти, что придает статусу исторической памяти фундаментальную значимость.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Repina LP. *Historical science at the turn of the XX-XXI centuries*. М., 2011. (In Russ.). [Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.* М., 2011].
2. Sokolova MV. What is historical memory. *Teaching history at school*. 2008;(7):37-44. (In Russ.). [Соколова М.В. Что такое историческая память. *Преподавание истории в школе*. 2008;(7):37-44].
3. Badmaev VN. Mentality and historical memory. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2012;1(13):78-83. (In Russ.). [Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память. *Вестник Калмыцкого университета*. 2012;1(13):78-83].
4. Toshchenko ZhT. Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state. *New and recent history*. 2000;(4):3-14. (In Russ.). [Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*. 2000;(4):3-14].
5. Prikhotko EA, Lebedeva SO. Historical memory and historical consciousness. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2010;1(5):132-135. (In Russ.). [Прихотько Е.А., Лебедева С.О. *Историческая память и историческое сознание. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2010;1(5):132-135].
6. Megill A. *Historical epistemology*. Translated from English. М., 2007. (In Russ.). [Мегилл А. *Историческая эпистемология*. Пер. с англ. М., 2007].
7. Nora P. Places of memory. *The problem of places of memory*. СПб., 1999. (In Russ.). [Нора П. Места памяти. *Проблематика мест памяти*. СПб., 1999].
8. Borisova TV, Klyuchnikova OS. Glamor under the sign of technogenic civilization. Samara, 2016. (In Russ.). [Борисова Т.В.,

- Ключникова О.С. Гламур под знаком техногенной цивилизации. Самара, 2016].
9. Ustyantsev VB, Orlov MO, Danilov SA. *Essays in Social Philosophy: Spatial Structures, the Order of Society, the Order of Global Systems*. Saratov, 2010. (In Russ.). [Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. *Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, порядок глобальных систем*. Саратов, 2010].
  10. Anisimova SYu. *Historical memory: ontological and value foundations*. Saratov, 2021. (In Russ.). [Анисимова С.Ю. Историческая память: онтологические и ценностные основания: дисс. канд. филос. наук. Саратов, 2021]. Available from: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2021/03/26/dissertaciya.pdf> Accessed: 15.06.2022.
  11. Sagatovsky VN. Death of ontology? *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2010;4:91-96. (In Russ.). [Саратовский В.Н. Смерть онтологии? *Вестник Российского философского общества*. 2010;4:91-96].
  12. Rebane YaK. The principle of social memory. *Philosophical sciences*. 1977;(5):94-104. (In Russ.). [Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. *Философские науки*. 1977;(5):94-104].
  13. Buber M. *Human problems*. In: Two Images of Faith. M., 1995. (In Russ.). [Бубер М. *Проблемы человека*. В кн.: Два образа веры. М., 1995].
  14. Kollingvud RDzh. *History ideas. Autobiography*. M., 1980. (In Russ.). [Коллингвуд Р.Дж. *Идеи истории. Автобиография*. М., 1980].
  15. Loone EN. *Modern history of philosophy*. Tallin, 1980. (In Russ.). [Лооне Э.Н. *Современная история философии*. Таллин, 1980].
  16. Mamardashvili M.K. *How do I understand philosophy*. M., 1996. (In Russ.). [Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М., 1996].
  17. Lyovin GD. *Philosophical categories in modern discourse understand philosophy*. M., 2007. (In Russ.). [Лёвин Г.Д. *Философские категории в современном дискурсе*. М., 2007].
  18. Mikeskina IA, Openkov MYu. New images of knowledge and reality. M., 1997. (In Russ.). [Микешина И.А., Опенков М.Ю. *Новые образы познания и реальность*. М., 1997].
  19. Bilalov MI. Philosophy of truth in the communicative space of cognitive cultures. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2016;1:10-13. (In Russ.). [Билалов М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур. *Вестник Российского философского общества*. 2016;1:10-13].
  20. Dahin AV. Memory, history, the universe: on the way to a new ontology of reality. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University n.a. N.I. Lobachevsky*. 2012;1(3):19-34. (In Russ.). [Дахин А.В. Память, история, Вселенная: на пути к новой онтологии реальности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012;1(3):19-34].
  21. *Interdisciplinary studies of memory*. Eds. A.L. Zhuravlyov, N.N. Korzh. M., 2009. (In Russ.). [Междисциплинарные исследования памяти. Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М., 2009].
  22. Darmograj VM. *Civilizational choice of Russia*. In: East, West, Russia. Philosophical and socio-cultural foundations of the interaction of civilizations. Saratov–Moskva–Saransk, 2017. (In Russ.). [Дармограй В.М. *Цивилизационный выбор России*. В кн.: Восток, Запад, Россия. Философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций. Саратов–Москва–Саранск, 2017].
  23. Korotyayev AI, Babichev SA. *The role of genetic and mental information systems in the emergence and development of life on Earth*. Nalchik, 2009. (In Russ.). [Коротяев А.И., Бабичев С.А. *Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле*. Нальчик, 2009].
  24. Huges-Warrington M. Big History. *Social Evolution & History*. 2005;4(1):7-21.

■ Автор для переписки

Анисимова Светлана Юрьевна
Адрес: пр. К. Маркса, 8, кв. 132, г. Самара, Россия, 443096.

■ Corresponding Author

Svetlana Yu. Anisimova
Address: apt. 132, 8 Karl Marks ave., Samara, Russia, 443096.

E-mail: anisimova.svetlana@mail.ru

СУЩНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ УТОЧНЕНИЕ

А.А. Аритичева

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Елабужский институт (Елабуга, Россия)

Для цитирования: Аритичева А.А. *Сущность и своеобразие российского правового сознания в современный период: теоретическое уточнение.* *Аспирантский вестник Поволжья.* 2022;22(3):17-21. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.17-21

■ Сведения об авторе

Аритичева А.А. – аспирант кафедры философии и социологии. ORCID: 0000-0002-7562-5123 E-mail: ariticheva_anna@mail.ru

Рукопись получена: 07.02.2022

Рецензия получена: 14.03.2022

Решение о публикации: 28.06.2022

■ Аннотация

Цель – теоретическая конкретизация сущности и своеобразия правового сознания современных российских граждан. При этом автор руководствуется следующим аргументом: социально-философская аналитика имманентна исторически сложившимся теориям правового понимания и правового сознания.

Проводится экскурс в историю формирования правовых основ российской государственности с обозначением специфики правового понимания. В данной связи дискутируются теории государства и права Б.Н. Чичерина и И.А. Ильина, а также социально-философская (либертарная) теория права В.С. Нерсесянца. Обосновывается, что своеобразие правового сознания всегда детерминировано спецификой конкретного времени. Так, Б.Н. Чичерин, И.А. Ильин и В.С. Нерсесянец создавали свои правовые теоретизации на определенном изломе российской истории: Б.Н. Чичерин – накануне отмены крепостного права, И.А. Ильин – накануне и после революции 1917 г., а В.С. Нерсесянец – в конце советского периода. Теоретизации права, предпринятые означенными мыслителями, могут также рассматриваться как их индивидуальное правовое сознание.

Несмотря на идеологические различия, теоретические построения Б.Н. Чичерина, И.А. Ильина и В.С. Нерсесянца (равно как их правовое сознание) роднит присутствие идеи справедливости (равенства). Основным началом права является правда как тождество справедливости (Б.Н. Чичерин). Правосознание человека как утверждение его собственной духовности предполагает особое равенство – признание духовности других людей (И.А. Ильин). Идея равной для всех нормы и меры (социальное равенство), свобода и справедливость – главные элементы права (В.С. Нерсесянец). Констатируется наличие определенной теоретической инерции: идея справедливости (равенства) и сегодня включена в социально-философские теоретические построения (А.Г. Сабиров, А.Е. Маховиков).

Сегодня, на очередном изломе как российской, так и мировой истории, правовое сознание россиян дискутируется также через приращение ему своеобразное свойство диалектической трансформации – сообразно, в угоду или вопреки действительности. Обозначается, что сегодня равенство и справедливость как специфические российские черты индивидуального и массового правового сознания предполагают в том числе двуединое соблюдение правовой самодисциплины – как самими гражданами, так и российским правовым государством социально ориентированного типа.

■ **Ключевые слова:** сущность правового сознания; своеобразие правового сознания; справедливость; равенство; И.А. Ильин; Б.Н. Чичерин; либертарная теория права В.С. Нерсесянца; диалектика правового сознания; социальное правовое государство.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

THE ESSENCE AND ORIGINALITY OF THE RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE MODERN PERIOD: A THEORETICAL CLARIFICATION

Anna A. Ariticheva

Kazan (Volga Region) Federal University, Elabuga Institute (Elabuga, Russia)

Citation: Ariticheva AA. *The essence and originality of the Russian legal consciousness in the modern period: a theoretical clarification.* *Aspirantskiy vestnik Povolzhya.* 2022;22(3):17-21. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.17-21

■ Information about author

Anna A. Ariticheva – postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology. ORCID: 0000-0002-7562-5123

E-mail: ariticheva_anna@mail.ru

Received: 07.02.2022

Revision Received: 14.03.2022

Accepted: 28.06.2022

■ Abstract

Aim – a theoretical concretization of the essence and originality of the legal consciousness of modern Russian citizens. The following argument is the basic one: socio-philosophical analytics is immanent to historically established theories of legal understanding and legal consciousness.

The author speaks on the history of the legal foundations in Russian statehood and identifies the specifics of legal understanding. The theories of state and law of B.N. Chicherin and I.A. Ilyin, as well as the socio-philosophical (libertarian) theory of law of V.S. Nersesyants are discussed. The originality of legal consciousness is proved to have been determined by the specifics of a particular time. Thus, some legal theorizations were created by B.N. Chicherin on the eve of the abolition of serfdom, by I.A. Ilyin – on the eve and after the revolution of 1917, and by V.S. Nersesyants – at the end of the Soviet period in the history of Russia. The theorizations of law undertaken by these thinkers can also be considered as their individual legal consciousness.

Despite the ideological diversity, the theoretical constructions of B.N. Chicherin, I.A. Ilyin and V.S. Nersesyants (as well as their legal consciousness) are related by the presence of the idea of justice (equality). The basic principle of law is truth as the identity of justice (B.N. Chicherin). The legal consciousness of a person as a statement of his "own spirituality" presupposes a special equality – recognition of the "spirituality of other people" (I.A. Ilyin). The idea of equal norms and measures for all (social equality), freedom and justice are the main elements of law (V.S. Nersesyants). The idea of justice (equality) is stated as a certain theoretical inertia and included in socio-philosophical theoretical constructions (A.G. Sabirov, A.E. Makhovikov).

Today, at the next turning point in both Russian and world history, the legal consciousness of Russians is also discussed through the peculiar property of dialectical transformation inherent in it – "in accordance", "in favor" or "contrary" to reality. It is indicated that today, equality and justice as specific Russian features of individual and mass legal consciousness presuppose, among other things, a twofold observance of legal self-discipline – both by citizens themselves and by a legal state of social type.

- **Keywords:** the essence of legal consciousness; the uniqueness of legal consciousness; justice; equality; I.A. Ilyin; B.N. Chicherin; libertarian-legal concept of law by V.S. Nersesyants; dialectic of legal consciousness; social legal state.
- **Conflict of interest:** *nothing to disclose.*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется проблемами развития российского общества в современном плюралистическом и высокотолерантном мировом социокультурном пространстве, где люди подвержены искушению свободой и плюрализмом.

Идея личной свободы стала одной из главных философских идей, начиная с XVIII века – века Просвещения. Немецкий философ-просветитель Кант, обосновавший, что Просвещение является выходом человечества из состояния несовишенности, обозначил общий смысл права, т.е. не вдаваясь в пояснения, какое и чье именно право. Право, согласно Канту, всегда предполагает «неотчуждаемые свободы и равноправие» [1:132].

В процессе социально-исторического развития российского / советского государства трактовка права претерпевала смысловые трансформации. Так, если в Древней Руси право выступало регулятивной системой, то в имперский период российской / советской истории к регулятивным характеристикам права добавляются смысловые очертания права как культурной ценности. Наконец, в современной России как федеративном демократическом государстве, в котором статус гражданина как субъекта права закреплен Конституцией, право трактуется как «норма свободы» [2]. Следовательно, этапы социально-исторического развития российской / советской государственности могут быть обозначены как ступени прогресса на пути осуществления начал равенства, свободы и справедливости в человеческих отношениях. Таким образом, правовое сознание современных российских граждан, являющееся соединением двух фундаментальных для социально-философской и юридической мысли понятий «право» и «сознание», – динамичный феномен, однако имеющий свой архетип – идею равенства как сущностного свойства справедливости, что будет прояснено далее.

Граждане современной России, будучи субъектами права, как де-юре, так и де-факто являются строителями российской правовой государственности. Утрата современными российскими гражданами статуса субъекта права чревата утратой Россией статуса государства правового типа. При этом переосмысление исторических этапов становления российской государственности и в целом гуманное отношение к отечественному теоретическому наследию являются действенным средством к тому, чтобы не допустить превращения истории российского евразийского суперэтноса в одну из множества субкультур современных поликультурных обществ.

Принимая во внимание дискуссионный характер хронологии современности, тема настоящего исследования предполагает конкретизацию этой хронологии. Один из общепринятых вариантов, послуживший основой настоящего исследования, принадлежит российскому социальному философу А.А. Ивину: современность (новейшее время) – это период с середины XIX века до наших дней

[3:37]. Означенная хронология обуславливает теоретическую основу настоящего исследования.

СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ОБЗОР СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПОДХОДОВ

Историко-социальные и социально-философские аспекты формирования правового сознания составляли исследовательский интерес множества русских / российских ученых-гуманитариев XIX-XX вв., в числе которых Н.А. Бердяев, Е.В. Васильковский, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий и др. Отдельное место в российской социально-правовой историографии принадлежит создателям государственной историографической школы К.Д. Кавелину, С.М. Соловьеву, Б.Н. Чичерину.

К настоящему времени – к 20-м годам XXI века – в России выработан огромный массив исследований правового сознания. В частности, правовое сознание являлось / является объектно-предметной спецификой исследований В.С. Афанасьева, П.П. Баранова, Д.С. Безносова, Е.В. Боковой, Н.Л. Гранат, А.И. Долговой, Ю.И. Гревцова, О.А. Гулевича, В.Д. Зорькина, И.И. Карпец, И.А. Краснопольского, М.И. Клеандрова, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лазарева, Н.И. Матузова, А.Е. Маховица, А.Н. Медушевского, С.А. Муромцева, В.С. Нерсисян, А.Р. Рагинова, М.А. Романовой, В.И. Сергеевича, А.Г. Спиркина, В.А. Туманова, Н.М. Юрашевич и др.

Обзор существующих сегодня исследований правового сознания позволяет обозначить следующий факт: правовое сознание человека как субъекта общественного развития полномерно анализируется по трем сущностным аспектам правосознания: историческому, философскому и юридическому [4]. При этом из комплекса существующих подходов к определению сути правового сознания сегодня особенно значимыми представляются подходы психолого-ценностного и юридического свойства, в их числе:

– социально-психологический подход российско-польского правоведа Л.И. Петражицкого – борца с правовым нигилизмом: а) право есть более высокое и совершенное явление по отношению к морали; б) право и наша психика тождественны; в) право регулирует поступки людей, а не их интересы; г) коллективное правосознание должно рассматривать через соотношение права и нравственности [5:60];

– психолого-метафизическое определение правосознания, принадлежащее русскому философу И.А. Ильину: правосознание есть «естественное чувство права и правоты», «особая духовная настроенность», «особый род инстинктивного правочувствия» [6:217];

– подход к определению правового сознания как регулятора поведения человека в определенной реальности, предложенный современным российским исследователем Д.А. Князевым: «Правосознание – это не только совокупность чувств, взглядов, идей и прочего, отражающих отношение человека к праву, но и совокупность социально-правовых

установок, выполняющих роль регулятора поведения, что находит свое отражение в действительности» [7:111];

– обоснование сути правосознания, предложенное современным исследователем Н.М. Юрашевичем: «Правовое сознание – система чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания), отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней – к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям общества, к прошлому, действующему или ожидаемому праву, и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях» [8:181];

– юридически обусловленное определение советского / российского юриста Н.Л. Гранат, которая определяла правосознание как «сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях» [9:243].

Резюмируя приведенные определения правосознания, отметим: граждане являются субъектами права, т.е. обладателями тех или иных прав и свобод, объектом же права в контексте любых реалий является правовое поведение граждан и государства. Следствием подобного субъектно-объектного рассмотрения сути права является диалектический характер формирования правового сознания. «Субъектно-объектный контекст, – отмечает В.И. Метлов, – это неперемное условие существования диалектических ситуаций» [10:35].

Рефлексия путей формирования правового сознания, адекватного реалиям, имеет особую актуальность: противоречия как суть диалектического развития могут обуславливать не только положительное, но и отрицательное развитие. Так, в условиях пандемии COVID-19 государственные структуры многих стран, продемонстрировав правовой идеализм, столкнулись с правовым скептицизмом граждан. Однако для нормального функционирования государства и общества необходимо предотвращение противоречий и конфликтов как между людьми, так и между людьми и государством. Отсюда очевидная необходимость в теоретической конкретизации сущности и специфики правового сознания российских граждан.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В истории становления древнерусской государственности выделяют три периода: домонгольская Русь, Московское государство, императорская Россия. Каждому из этих периодов был присущ свой тип правового оформления и общественно-политического участия. Современный исследователь Д.Е. Летняков, изучающий специфику правовой и социально-политической системы России, применяет в данной связи соответствующую триаду: «вече – Земские соборы – земство» [11]. Правовое применение, состоящее из вечевого, княжеского и церковного компонентов,

явилось системообразующим фактором становления древнерусской правовой государственности.

Российским государствоведом, философом права Б.Н. Чичериным был обозначен взгляд на древнюю русскую историю как историю государственно-правовую. В труде «Опыты по истории русского права» Б.Н. Чичерин анализирует многочисленные юридические памятники. Особую важность в контексте настоящей статьи имеет следующий довод мыслителя: в XII веке в России «союз кровный» сменился «союзом гражданским», а во времена Петра I на смену «союзу гражданскому» приходит уже «союз государственный» [12].

Социально-историческая констатация Б.Н. Чичерина: «Образование государства – поворотная точка русской истории, при этом государство подчинило личность, закрепостило сословия, породило политическую несвободу» [12]. В несогласии Б.Н. Чичерина с означенным положением дел заключается причина его особой заинтересованности в разработке программы либеральных реформ для России. Эту программу он провозгласил в статье «Современные задачи русской жизни», опубликованной в 1855 г. в журнале «Голоса из России». В преддверии Б.Н. Чичерина «народ есть самое общество» [13:70], при этом главная мера для изменения существующего состояния России – свобода общественного мнения [13:95].

В работе «Вопросы политики» Б.Н. Чичерин обозначает свое понимание связи между правом и справедливостью: «Основное же начало права есть правда, или справедливость, которая, в приложении к общественным союзам, состоит в равномерном распределении как общественных тягостей, так и выгод, доставляемых членам на общие средства» [14:73]. Относительно определения сути правового сознания Б.Н. Чичерин известен следующим своим подходом: «Правосознание есть осознанная мотивация участником правоотношений своего правомерного поведения» [12]. В данной связи важно сделать следующий акцент: сторонниками правоотношений являются как граждане, так и государство. При этом государство, претендующее на статус правового, призвано обеспечить защиту прав всех своих граждан, т.е. обеспечить правовое равенство.

Духовный смысл и государственное предназначение правосознания обозначил русский религиозный философ И.А. Ильин, разработавший в данной связи доктрину, включающую пять основных элементов: личность, общество, государство, божественное начало, а также правосознание. Духовная культура и правосознание, следуя И.А. Ильину, являются почвой для единства людей в государстве. В работе «О сущности правосознания» философ формулирует трехчастную аксиоматику правосознания. С его точки зрения, правовая основа жизни любого народа основана на трех аксиомах (законах): законе взаимного признания, законе автономии и законе духовного достоинства [6:217]. Аксиомы правосознания И.А. Ильина, на наш взгляд, также связаны с идеей равенства: при наличии правосознания человек становится способен к утверждению собственной духовности, но при одном важном условии – признавая духовность других людей.

Итак, мыслители, имевшие разные политико-идеологические предпочтения – консервативный либерал

Б.Н. Чичерин и интеллектуальный консерватор И.А. Ильин, восславляющий государственность православного типа, сходятся в необходимости толкования права с позиции справедливости (равенства).

Для обобщения обозначенных доводов о справедливости и равенстве как сущностных свойствах правового понимания, сложившегося в России исторически, обратимся к точке зрения социального философа XXI века. Стронник умеренно-позитивного прогноза относительно формирования различных типов будущего человека А.Г. Сабиров отмечает достижения современного мира, обуславливающие позитивность прогноза: «приоритет прав, свобод человека, развитие социально ориентированных обществ, основанных на социальной справедливости» [15]. Следует констатировать, что доводами российских мыслителей XIX, XX и XXI веков иллюстрируется мыслительная преемственность: в России идея справедливости не покидает правовые и социально-философские теоретизации.

СВОЕОБРАЗИЕ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН: ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНЕРЦИЯ

Исторические циклы формирования правового понимания, обозначенные в контексте истории складывания российской государственно-правовой специфики, суть свидетельство: формирование коллективного (массового) правового сознания происходит в процессе правовой социализации отдельного человека. Посредством освоения человеком сферы права, т.е. помещения человеком в свое сознание знаний о сути правовой системы, обуславливается формирование особых поведенческих навыков человека – тех, которые соответствуют нормам закона.

Современная диалектика объектно-предметного сочетания философии и права заключена в специфике ответов на вопросы философского толка – «зачем?» и «почему?». Так, приемлемые с точки зрения морали и нравственности ответы на эти вопросы в контексте нормативно-правового поля могут носить характер противозаконности. И обратный пример: некоторые ценности, провозглашаемые сегодня западными странами (например, родитель № 1 и родитель № 2 вместо мамы и папы) и носящие характер ценностей законных, неприемлемы с точки зрения морали и нравственности. В этих примерах заключается диалектическая суть процесса формирования правового сознания человека (общества). И в подобном же соотношении – законно, но нравственно неприемлемо, либо незаконно, но нравственно приемлемо, – имеющем место быть в каждой исторической эпохе, кроется одна из причин непрекращающейся рефлексии правового сознания.

Современный российский философ права В.С. Нерсесянц разработал либертарно-юридическую концепцию права, суть которой заключена в обозначении права с позиций формального равенства: всеобщей равной меры, свободы и справедливости [16:10]. Согласно В.С. Нерсесянцу, необходимо правовое, а не моральное рассмотрение сути справедливости. «Справедливость потому, собственно, и справедлива, – отмечает В.С. Нерсесянц, – что воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном

виде означает всеобщую правомерность, т.е. существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы» [16:6]. Задачу философии при этом В.С. Нерсесянц усматривает в углублении и обновлении философско-правовых исследований [16:13-14]. Правовую справедливость В.С. Нерсесянц назначает необходимой формой общественных отношений свободных субъектов. Суть правовой справедливости – отвергать привилегии, утверждая свободу. Таким образом, сущностная основа либертарной теории В.С. Нерсесянца – свобода как философская категория.

Изломы социальной истории преломляют правовое сознание – индивидуальное и коллективное, гражданское и властное. При таких условиях представляется особо важным соблюдение двуединого равенства – равенства перед законом всех граждан, а также соблюдения государством равенства в применении и толковании норм права.

В правовом контексте дня сегодняшнего доводы человеческого сознания «хочу», «могу» и «должен» могут иметь следующие диалектические правовые толкования. «Хочу» – правовое поведение как сообразное реалиям, так и поведение вопреки реалиям. «Могу» – правовое поведение как в угоду реалиям, т.е. соблюдение новых правил общежития (как то: ношение защитных масок), так и отрицание этих правил (правовой скептицизм: «могу и имею право сомневаться в целесообразности предлагаемых мер»). «Должен (не имею другого права)» – правовое поведение как сообразно, так и вопреки реалиям (например, логическое понимание необходимости мер, предпринимаемых для достижения коллективного иммунитета, может войти в противоречие с не менее логичным опасением отдаленных последствий для здоровья).

Представляется, что противоречия правового толка, присущие контексту «хочу – могу – должен», могут быть если не нивелированы, то существенно смягчены привычкой человека к саморефлексии. В данной связи и от государства, являющегося правовым либо претендующим на таковой статус, требуется наличие и/или соблюдение особой правовой самодисциплины, формирующейся вследствие рефлексии государством своей правовой дисциплины. В этом случае будет соблюдена справедливость как формальное равенство человека и государства – равенство, подтверждающее силу права, а не право силы, – именно на это и уповал Кант как философ права.

Правовое сознание, будучи «сложным социальным феноменом» [12:181], имеет многосоставную структуру, включающую историко-социальные, социально-политические, юридические, философские и морально-нравственные элементы. Фундаментальному элементу российской специфики индивидуального и массового правового сознания – идее справедливости (равенства) – присуща историческая инерция. Данный факт подтверждается классическими теоретическими обозначениями сути права, принятыми Б.Н. Чичериным и И.А. Ильиным, а также либертарной теорией права В.С. Нерсесянца, пока только претендующей на статус классической правовой теории. Позволительно утверждать, на наш взгляд, что В.С. Нерсесянц (мыслитель XXI века) интерпретирует

доводы И.А. Ильина и Б.Н. Чичерина (мыслителей XX и XIX веков соответственно). Тем самым иллюстрируется особая преемственность идеи равенства (справедливости), которая закрепляется в социально-философских теориях. Важность идеи справедливости для формирования правового понимания и правового сознания россиян также подчеркивают и другие социальные философы XXI века, подтверждая историческую инерцию этой идеи. Так, А.Г. Сабиров акцентирует внимание на том, что фундамент социально ориентированных обществ – это социальная справедливость [15], а А.Е. Маховиков в качестве одного из исторических истоков российского правосознания обозначает «духовное единение людей на базе правды-справедливости» [17:255]. Приведенные примеры позволяют выразить уверенность в неустрашимости идеи справедливости (равенства) из числа своеобразных черт, присущих правовому сознанию россиян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Складывание российской государственности сопровождалось эволюцией правового понимания и правового применения: исторически сложившаяся трактовка права как регулятивной системы сегодня сменилась трактовкой либеральной – право стало нормой свободы. С позиций либертарной философии права, формальное равенство представляет собой фундаментальную сущность мира, следовательно, актуализация восприятия сути права через призму идеи справедливости (равенства) является адекватной формой современной исследовательской активности.

На определенных изломах социальной истории во взаимоотношениях государства и гражданина существуют как минимум две вероятности. Первая суть перехода взаимоотношений в конструктивную фазу, вторая – обострение конфликтных взаимоотношений. Примером второй вероятности служит, в частности, факт насильственной эмиграции И.А. Ильина, не согласившегося разделять идеологию Страны Советов: 26 сентября 1922 г. более ста мыслителей, в их числе И.А. Ильин, на пароходе, получившем впоследствии название «Философский», были отправлены в Европу.

Первая же вероятность исхода взаимоотношений государства и гражданина в период излома социальной истории связана с идеей справедливости (равенства): как все граждане должны быть равны перед законом, так и государственные структуры должны демонстрировать равенство в применении норм права. От этого напрямую зависит качественное развитие российского общества, а в конечном итоге сохранение либо утрата Российской Федерацией статуса правового государства социально ориентированного типа.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

■ Автор для переписки

Аритичева Анна Александровна
Адрес: ул. Мелиораторная, 23/2, а/я 11034, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия, 423800.

E-mail: ariticheva_anna@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Solov'ev EYu. *The categorical imperative of morality and law*. М., 2005. (In Russ.). [Соловьев Э.Ю. *Категорический императив нравственности и права*. М., 2005].
2. Zorkin VD. The essence of law. *Voprosy Filosofii*. 2018;(1):5-16. (In Russ.). [Зорькин В.Д. Суть права. *Вопросы философии*. 2018;(1):5-16].
3. Ivin AA. *Fundamentals of Social Philosophy*. М., 2005. (In Russ.). [Ивин А.А. *Основы социальной философии*. М., 2005].
4. Beznosov DS. Legal consciousness: structure, contents and types. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12*. 2008;(2):59-70. (In Russ.). [Безнос Д.С. Правовое сознание: структура, содержание, виды. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 12. 2008;(2):59-70].
5. Petrazhickij LI. *The theory of law and state in connection with the theory of morality*. Part 1. М., 2018. (In Russ.). [Петражицкий Л.И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. Часть 1. М., 2018].
6. Il'in IA. *On the essence of legal consciousness*. М., 1993. (In Russ.). Ильин И.А. *О сущности правосознания*. М., 1993].
7. Knyazev DA. Legal awareness of an individual and a citizen as a basic guarantee of ensuring legality and law enforcement. *Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University*. 2017;(19):111-113. (In Russ.). [Князев Д.А. Правосознание человека и гражданина как основополагающая гарантия обеспечения законности и правопорядка в обществе. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. 2017;(19):111-113].
8. Yurashkevich NM. Evolution of the concept of legal consciousness. *Jurisprudence*. 2004;(2):165-181. (In Russ.). [Юрашевич Н.М. Эволюция понятия правового сознания. *Правоведение*. 2004;(2):165-181].
9. Granat NL, Panasyuk VV. Legal consciousness and legal culture. *Yurist*. 1998;(11-12):2-8. (In Russ.). [Гранат Н.Л., Панасюк В.В. Правосознание и правовая культура. *Юрист*. 1998;(11-12):2-8].
10. Metlov VI. Dialectic time. *Filosofiya i obshchestvo*. 2017;(3):30-47. (In Russ.). [Метлов В.И. Время диалектики. *Философия и общество*. 2017;(3):30-47].
11. Letnyakov DE. The veche tradition in pre-mongol Russia as an example of a proto-civil city community practice. *RGGU Bulletin*. 2009;(14):267-275. (In Russ.). [Летняков Д.Е. Вечевая традиция домонгольской Руси как фактор образования городских сообществ протогражданского типа. *Вестник РГГУ*. 2009;(14):267-275].
12. Chicherin BN. *Experiments on the history of Russian law*. М., 1858. (In Russ.). [Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. М., 1858].
13. Chicherin BN. *Contemporary tasks of Russian life*. In: *Voices from Russia*. М., 1975;4(2-4):51-129. (In Russ.). [Чичерин Б.Н. *Современные задачи русской жизни*. В кн.: *Голоса из России*. М., 1975;4(2-4):51-129].
14. Chizhkov SL. *Metaphysics of freedom and the idea of the state in the philosophy of B.N. Chicherin*. М., 2017. (In Russ.). [Чижков С.Л. *Метафизика свободы и идея государства в философии Б.Н. Чичерина*. М., 2017].
15. Sabirov AG. *Man in modern philosophical anthropology*. (In Russ.). [Сабиров А.Г. *Человек в современной философской антропологии*]. Available from: <http://libed.ru/dissertatsiya/818951-1-ag-sabirov-chelovek-sovremennoy-filosofskoy-antropologii-kazan-2013-udk-11-13-bbk-pechataetsya-resheniye-redakc.php>. Accessed: 30.01.2022.
16. Nersesyanc VS. Philosophy of law: libertarian legal concept. *Voprosy filosofii*. 2002;(3):3-15. (In Russ.). [Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. *Вопросы философии*. 2002;(3):3-15].
17. Mahovikov AE. On the origins of the specifics of Russian legal consciousness. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2014;(12-1):255-258. (In Russ.). [Маховиков А.Е. Об истоках специфики российского правосознания. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014;(12-1):255-258].

■ Corresponding Author

Anna A. Ariticheva
Address: a/ya 11034, 23/2 Melioratornaya st., Naberezhnye Chelny, Republic Tatarstan, Russia, 423800.

ОЦЕНКА ТРЕВОЖНЫХ ОЖИДАНИЙ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ В ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Т.В. Борисова¹, Е.П. Измайлов², Н.Д. Голубева¹

¹ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

²ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России (Самара, Россия)

Для цитирования: Борисова Т.В., Измайлов Е.П., Голубева Н.Д. Оценка тревожных ожиданий при дистанционном обучении студентов в философском контексте. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):22-26. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.22-26

■ Сведения об авторах

Борисова Т.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ORCID: 0000-0003-0102-4250 E-mail: borisovatva@yandex.ru

Измайлов Е.П. – д-р мед. наук, профессор кафедры анестезиологии, реаниматологии и СМП ИПО. ORCID: 0000-0003-4948-6323 E-mail: e.p.izmajlov@samsmu.ru

Голубева Н.Д. – канд. мат. наук, доцент кафедры высшей математики. ORCID: 0000-0001-6554-8550 E-mail: dinatalia2012@yandex.ru

Рукопись получена: 15.06.2022

Рецензия получена: 18.07.2022

Решение о публикации: 03.08.2022

■ Аннотация

Цель – рассмотреть феномен тревожных ожиданий, который возникает в процессе дистанционного обучения студентов.

Материал и методы. Проведена оценка тревожных ожиданий с помощью специально адаптированной анкеты «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии». Проведено анкетирование 162 студентов 1–2 курсов СамГТУ в возрасте от 18 до 22 лет.

Результаты. Выявлено, что дистанционное образование содержит латентное беспокойство как экзистенциального, так и технического характера. При дистанционном обучении 22% студентов отметили снижение усвоения учебного материала в среднем на 15%, 75,92% студентов были полностью удовлетворены полученными знаниями, 19,75% – не полностью, а 4,32% – не удовлетворены.

■ **Ключевые слова:** тревожные ожидания; анкета шкалы тревоги и депрессии; дистанционное обучение студентов; цифровые технологии.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

ANXIOUS EXPECTATIONS OF STUDENTS FOR DISTANCE LEARNING: ASSESSMENT IN A PHILOSOPHICAL CONTEXT

Tatyana V. Borisova¹, Evgenii P. Izmailov², Nataliya D. Golubeva¹

¹Samara State Technical University (Samara, Russia)

²Samara State Medical University (Samara, Russia)

Citation: Borisova TV, Izmailov EP, Golubeva ND. Anxious expectations of students for distance learning: assessment in a philosophical context. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):22-26. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.22-26

■ Information about authors

Tatyana V. Borisova – PhD, Professor of the Department of Philosophy and social and humanitarian sciences. ORCID: 0000-0003-0102-4250 E-mail: borisovatva@yandex.ru

Evgenii P. Izmailov – PhD, Professor of the Department of Anesthesiology, resuscitation and emergency medical services of the Institute of Postgraduate Education. ORCID: 0000-0003-4948-6323 E-mail: e.p.izmajlov@samsmu.ru

Nataliya D. Golubeva – PhD, Associate professor of the Department of Higher mathematics. ORCID: 0000-0001-6554-8550 E-mail: dinatalia2012@yandex.ru

Received: 15.06.2022

Revision Received: 18.07.2022

Accepted: 03.08.2022

■ Abstract

Aim – to consider the phenomenon of anxious expectations that arises in students in the process of distance learning.

Material and methods. The anxious expectations were assessed using a specially adapted questionnaire of the Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS). The students of SamSTU from grades 1 and 2, aged 18 to 22 years, took part in the survey (n = 162).

Results. The study revealed that the distance learning process contained latent component of anxiety of both existential and technical nature. With distance learning, 22% of students noted a decrease in the assimilation of educational material by an average of 15%. 75.92% of students were completely satisfied with the knowledge gained, 19.75% – not completely satisfied, and 4.32% – not satisfied.

■ **Keywords:** anxious expectations; anxiety and depression scale questionnaire; distance learning for students; digital technologies.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

АКТУАЛЬНОСТЬ

Современное постинформационное общество сформировало новые способы взаимодействия человека с миром, где искусственно-техногенная и виртуальная среда все больше приобретает характер метафизической значимости. В эпистемологическом плане исследователь активизирует поиски эффективных технологий, способов и регуляторов повторяемости схожих действий. При этом анализ субстанциональных оснований техногенности и виртуальности

в форме технических артефактов и «цифровых образов» отходит на второй план исследовательской рефлексии. Другими словами, аналитическая работа с онтологией артефактов замещается методологической работой с процедурными техниками. Схожие сюжеты наблюдаются при анализе виртуального мира, связь которого с первичной, «живой реальностью» может гарантировать только IT-специалист.

Проблематика связи реального и виртуального миров осложнилась созданием всем известного межсетевого

стандартного протокола управления передачей. На основе протокола был создан интернет, со специальными программами которого любой желающий, не обладающий специальными знаниями, может легко *находить интересные его сведения*. В виртуальной паутине сбрасывается всякая «помеха материи» [1], в силу чего человек растворяет свою ментальную телесность и представляется виртуальным образом или «цифровым следом». В интернете существуют блоги человека, списки научных трудов, фотографии, кредитные и долговые истории и т.д. Возникает интересная ситуация: человека нет, но присутствуют фрагменты его существования в виде пространственных точек: «здесь и там», «там и везде», «везде и нигде».

Сделаем предположение, что указанная редукция представления человека в киберпространстве лишь имитирует его личностную субъективность, что вызывает объяснимую озабоченность по поводу реальных возможностей личностного роста и самореализации.

В системе дистанционного обучения компьютеры используются в трех функционалах: тренажера, репетитора и устройства, моделирующего определенную образовательную среду и действие с ней [2]. Взаимодействие человека и компьютера не является диалоговым по своему содержанию. Еще античный философ Сократ прекрасно понимал, что диалог – это всегда развитие темы или проблемы, или процесса обучения, которое происходит совместными усилиями как минимум двух человек. Диалоговый способ общения содержит огромный образовательный потенциал: в рамках диалога преподаватель наглядно демонстрирует инструментарий, с помощью которого студент обучается формированию нового знания на основе уже полученного. При дистанционном обучении диалоговая форма обмена мнениями, анализ различных точек зрения отсутствуют.

В дистанционном обучении технические средства должны работать без сбоев и в состоянии реального времени. Такая форма обучения предполагает наличие современной компьютерной техники с хорошими и надежными программами у всех сторон педагогического процесса, наличие устойчивой связи через интернет, наличие дисциплины проведения занятия, при которой в эфир *выходит студент*, а другие не мешают ему и следят за происходящим с помощью монитора компьютера. Причем такая взаимосвязь должна соблюдаться всеми одновременно. Если при этом кто-то не выключит звук или камеру, у других участников обучения появятся помехи, в значительной степени снижающие *степень освоения* учебного материала.

Таким образом, дистанционное образование во многом зависит от интернет-ресурсов, содержит не только очевидные для всех позитивные моменты, но и латентное беспокойство как экзистенциального, так и технического характера. Совокупность этих беспокойств формирует у студентов состояния тревожных ожиданий.

Отметим, что формат данной статьи не позволяет продемонстрировать всю панораму научных дискуссий по поводу содержательных моментов таких теоретических концептов, как тревога и тревожность.

Обзор разноплановых точек зрения у человека [3] позволяет выделить две исследовательские парадигмы:

психологическую и философскую. В рамках психологической парадигмы коррелируются различия между понятиями *тревога* и *тревожность*, при этом демонстрируется эмоциональная составляющая как базовая причина их возникновения. Философская парадигма актуализирует онтологический аспект тревоги и тревожности. При этом акцентируется способность человека осмысливать границы своего существования как изначальной конечности. Само существование границ воспринимается как угроза целостности бытия, что формирует чувство страха и тревожности [4].

Понятие «тревожное ожидание», вынесенное в название статьи, по нашему мнению, является синтетическим. Тревожные ожидания (экспектации) – совокупность ментальных требований, которые человек предъявляет к миру или группе. При этом сам мир, конкретная среда или ситуация формируют структуру тревожных ожиданий. Как это проявляется в образовательном процессе высшей школы? Сегодня «технологическая полнота экзистенциального бытия» представлена набором возможностей, которые позволяют увеличить количество навыков, умений и компетенций. Понятно, что это усложняет проблему правильного выбора конкретной специальности у студентов. Кроме того, специализация образования усиливается по всем направлениям подготовки студента вне зависимости от их отношения к выбранному техническому профилю: «...образовательная политика построена таким образом, что требует постоянного обновления и инновационной деятельности. Инновации в образовании стали самоцелью, не привязанной к другому результату» [5]. В итоге возникает стремление к новому, экспериментальному внедрению дистанционных форм обучения только ради внедрения нового без учета осмысления последствий глобальных процессов и четкой сформированной картины мира. Отсутствие единой картины мира не способствует формированию четких мировоззренческих установок, а структурные недостатки нашей системы высшего образования не формируют четких образовательных стандартов и критериев. Повсеместное внедрение дистанционного образования с его несовершенным техническим обеспечением нарушило привычные связи между преподавателем и студентом, а также связи между самими студентами. Это привело к рассеиванию мотивационного базиса радости, получения удовольствия и значимости бытия, что вывело на поверхность целый веер тревожных ожиданий, связанных с жизнью самих студентов и педагогическим процессом.

Однако возникает закономерный вопрос: «Как это измерить и оценить?». Объективного инструмента, который можно было бы применить для этого исследования, нет. Вместе с тем в медицине существует ряд исследовательских анкет, которые позволяют изучить влияние тревожных ожиданий у больных в госпиталях при прохождении ими различных методов диагностики и лечения. Одной из таких шкал является «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS), которая широко применяется для оценки тревожных ожиданий больными при их лечении [6] и при определенной ее адаптации

может оценить влияние тревоги на степень усвоения учебного материала при проведении дистанционного обучения студентов [7].

ЦЕЛЬ

Оценить в ракурсе философии значение тревожных ожиданий у студентов при дистанционном обучении.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации поставленной цели был проведен анкетный опрос 162 студентов 1–2 курсов технического университета, обучающихся на курсе математического анализа в течение года и сдавших зачеты по данному курсу. Среди них было 84 мужчины и 78 женщин в возрасте от 18 до 22 лет. По окончании курса обучения всем студентам была отправлена анкета для определения степени усвоения полученных знаний, полученных в рамках дистанционного обучения. Мы использовали адаптированную анкету «Госпитальная шкала тревоги и депрессии» (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS) (таблица 1). При рассылке анкеты мы конкретизировали студентам задачу – они должны были оценить свое состояние при проведении практического занятия и лекции дистанционно.

Каждый вопрос анкеты получил количественную оценку от 0 до 3 баллов.

Интерпретация данных: 0–7 баллов – нормальное восприятие занятия / лекции. При таком состоянии усвоение лекции или занятия ожидается на 80–100%; 8–10 баллов – субклинически выраженная тревога / депрессия. При таком состоянии усвоение лекции или занятия снижается более чем на 20% и до 50%. Свыше 11 баллов – клинически выраженная тревога / депрессия. При таком

состоянии усвоение лекции или занятия снижается более чем на 50%.

Полученные результаты анкетирования были обработаны методами математической статистики с вычислением средних значений, расчетом коэффициента корреляции X^2 и коэффициента ранговой корреляции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Были получены 162 анкеты, и проведен математический анализ полученных результатов.

Прослежена связь между снижением степени усвоения учебного материала при увеличении тревоги с использованием корреляционного анализа (таблица 2).

Для анализа данной таблицы вычислены числовые характеристики величин X и Y : средние значения (математические ожидания), дисперсии, среднеквадратические отклонения.

$$\bar{X}=4,57 \quad D(x) = 5,72 \quad \bar{X}=4,31 \quad D(y)=0,59 \quad M(xy)=18,54$$

Также вычислены ковариация $\text{cov}(x, y) = -1,16$ и коэффициент корреляции $r = -0,63$. Так как ковариация не равна нулю, следовательно, величины X и Y зависимы. Видим, что коэффициент корреляции отрицательный $r < 0$. Это говорит о том, что тревога X и успеваемость Y обратно коррелированы: большему значению одной величины соответствует в среднем меньшее значение другой. Так как $r = -0,63$, имеем среднюю (умеренную) отрицательную корреляцию. Это означает, влияние тревоги на успеваемость присутствует: чем выше степень тревоги, тем хуже усвоение учебного материала. Использование корреляционного анализа в подобных исследованиях приведено в работе М.А. Харченко [8].

Таблица 1.

Адаптированные разделы «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии», оцененные с позиции философии

Вопрос 1	Оценка чувства тревоги и напряжения, возникающих в процессе обучения.
Вопрос 2	Анализ ощущений с точки зрения возникающих положительных или отрицательных эмоций.
Вопрос 3	Анализ ощущений с точки зрения работы техники и программного обеспечения.
Вопрос 4	Анализ ощущений с точки зрения способности испытывать радостный настрой при использовании новых технологий обучения (речь идет о совокупности положительных эмоций, выражающих всю полноту «радости бытия», полученной в результате решения поставленных задач).
Вопрос 5	Анализ ощущений с точки зрения появления беспокойных мыслей во время обучения (речь идет о том, что студенты боятся не усвоить учебный материал).
Вопрос 6	Анализ ощущений с точки зрения появления приподнятого настроения во время занятия.
Вопрос 7	Анализ ощущений с точки зрения возможности расслабиться во время проведения дистанционного обучения.
Вопрос 8	Анализ ощущений с точки зрения быстроты и качества усвоения учебного материала.
Вопрос 9	Анализ ощущений с точки зрения появления напряженности и тревоги.
Вопрос 10	Анализ ощущений с точки зрения отвлечения на посторонние действия во время обучения (в частности отвлечение внимания на свою внешность).
Вопрос 11	Анализ ощущений с точки зрения отсутствия усидчивости и концентрации внимания во время занятия.
Вопрос 12	Анализ ощущений с точки зрения удовлетворения или неудовлетворения от получения сведений по новому учебному материалу.
Вопрос 13	Анализ ощущений с точки зрения возможного появления чувства паники и страха.
Вопрос 14	Анализ ощущений с точки зрения оценки объема информации и качества проведения занятия в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ

При проведении обучения студентов широко используются как очные, так и заочные формы обучения [2, 3, 4]. В последнее время широко стали использоваться

дистанционные формы обучения с применением цифровых технологий [1, 7]. Однако до сих пор не определено, как влияет такое обучение на степень тревоги студентов и степень усвоения учебного материала. Проведенное

№	Вопрос	Варианты ответов	Количество ответов
1	Я испытываю напряжение и тревогу от занятия или лекции.	все время (3 балла)	5 (3,09%)
		часто (2 балла)	14 (8,64%)
		иногда (1 балл)	73 (45,06%)
		не испытываю (0 баллов)	70 (43,21%)
2	То, что мне раньше нравилось в обучении, и сейчас (при новых технологиях) приносит мне такие же положительные эмоции.	это совсем не так (3 балла)	13 (8,02%)
		лишь в очень малой степени (2 балла)	26 (16,05%)
		наверное, это так (1 балл)	73 (45,06%)
		это совсем не так (0 баллов)	50 (30,86%)
3	Я испытываю беспокойство и тревогу от ощущения, что могут случиться сбои в работе техники и программ в процессе обучения.	все время (3 балла)	12 (7,41%)
		часто (2 балла)	15 (9,26%)
		иногда (1 балл)	89 (54,94%)
		не испытываю (0 баллов)	46 (28,39%)
4	Я способен испытывать веселое и радостное состояние на этапах обучения при применении новых технологий.	всегда (3 балла)	12 (7,41%)
		часто (2 балла)	19 (11,73%)
		иногда (1 балл)	61 (37,65%)
		не испытываю (0 баллов)	70 (43,21%)
5	Во время обучения у меня в голове крутятся беспокойные мысли.	постоянно (3 балла)	3 (1,85%)
		часто (2 балла)	9 (5,55%)
		не часто (1 балл)	42 (25,92%)
		очень редко (0 баллов)	108 (66,67%)
6	Я испытываю бодрость и приподнятое настроение во время занятия.	совсем не испытываю (3 балла)	15 (9,26%)
		очень редко (2 балла)	17 (10,49%)
		иногда (1 балл)	93 (57,41%)
		практически все время (0 баллов)	37 (22,84%)
7	Во время занятия я могу расслабиться.	совсем не могу (3 балла)	10 (6,17%)
		иногда могу (2 балла)	21 (12,96%)
		могу, но очень редко (1 балл)	68 (41,97%)
		не могу (0 баллов)	63 (38,89%)
8	Мне кажется, что я стал медленнее усваивать материал занятия.	да, это так, причем постоянно (3 балла)	17 (10,49%)
		часто (2 балла)	22 (13,58%)
		иногда (1 балл)	52 (32,11%)
		совсем не так (0 баллов)	71 (43,83%)
9	Во время занятия я испытываю напряженность и тревогу.	постоянно (3 балла)	15 (9,26%)
		часто (2 балла)	21 (12,96%)
		иногда (1 балл)	50 (30,86%)
		совсем не испытываю (0 баллов)	76 (46,91%)
10	Во время занятия я не слежу за своей внешностью.	совсем не слежу (3 балла)	17 (10,49%)
		очень редко слежу (2 балла)	23 (14,21%)
		часто слежу (1 балл)	65 (40,12%)
		постоянно слежу (0 баллов)	57 (35,18%)
11	Во время занятия у меня нет усидчивости, мне хочется двигаться и отвлечься.	да, это так (3 балла)	7 (4,32%)
		такое чувство возникает часто (2 балла)	29 (17,9%)
		редко (1 балл)	42 (25,92%)
		это не так (0 баллов)	84 (51,85%)
12	Я считаю, что занятие принесет мне необходимые знания и чувство удовлетворения.	я так не считаю совсем (3 балла)	2 (1,23%)
		я так считаю в значительной степени (2 балла)	14 (8,64%)
		надеюсь, что это так (1 балл)	29 (17,9%)
		да, я так считаю (0 баллов)	117 (72,22%)
13	У меня бывает внезапное чувство паники и страха.	постоянно (3 балла)	2 (1,23%)
		часто (2 балла)	2 (1,23%)
		редко (1 балл)	24 (4,81%)
		не бывает (0 баллов)	134 (82,72%)
14	Я удовлетворен полученным объемом информации и самим занятием.	нет (3 балла)	0 (0%)
		не в полной мере (2 балла)	7 (4,32%)
		да, но хотелось бы большего (1 балл)	32 (19,75%)
		полностью удовлетворен (0 баллов)	123 (75,92%)

Таблица 2.

Корреляционная таблица по данным анкетирования и результатам контрольного тестирования

Y\X	3,5	9	11
2 (менее 49%)	0	1	4
3 (от 50% до 69%)	7	5	5
4 (от 70% до 84%)	50	12	1
5 (от 85% до 100%)	77	0	0

Примечание: X – среднее значение анкетных баллов на промежутке, которое характеризует степень тревоги и депрессии. Y – успеваемость, процент усвоенного учебного материала, оцененный по пятибалльной системе.

исследование показало высокую эффективность использования анкеты, адаптированной для образовательного процесса [7], все пункты которой максимально отражают состояние студентов в процессе обучения и напрямую влияют на образовательный процесс. Студенты (19,13%) отметили, что во время проведения занятий они могли расслабиться и отвлечься. Все эти факторы привели к тому, что 24,07% студентов стали медленнее усваивать материал занятия, причем 22,22% из них отмечали напряженность и тревогу, которая на 15% снижала степень усвоения учебного материала. На основании анкетирования было определено, что при дистанционном обучении 75,92% студентов были полностью удовлетворены полученными знаниями, 19,75% – не полностью, а 4,32% – не удовлетворены.

Анкетирование студентов показало, что феномен «тревожные ожидания» имеет сложную природу и оказывает прямое влияние на качество, объем и скорость усвоения учебного материала. При дистанционном обучении тревожные ожидания усиливаются.

ВЫВОДЫ

1. Анкета «Госпитальная шкала тревоги и депрессии», адаптированная для изучения образовательного процесса, показала эффективность для определения тревожных ожиданий студентов и степени усвоения ими учебного материала и может быть рекомендована для практической работы преподавателя.

2. При дистанционном обучении тревожные ожидания усиливаются и снижают качество обучения. 24% студентов стали медленнее усваивать материал занятия, а 22% отмечают напряженность и тревогу, снижающие степень усвоения учебного материала в среднем на 15%.

3. При дистанционном обучении 75,92% студентов были полностью удовлетворены полученными знаниями, 19,75% – не полностью, а 4,32% – не удовлетворены.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Voiskunsky AE. Metaphors of the Internet. *Voprosy filosofii*. 2001;11:64-79. (In Russ.). [Войсунский А.Е. Метафоры Интернета. *Вопросы философии*. 2001;11:64-79].
2. Verbitskiy AA. Digital learning: problems. Risks and prospects. *Homo Cyberus*. 2019;1(6). (In Russ.). [Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы. Риски и перспективы. *Homo Cyberus*. 2019;1(6)]. Available at: http://journal.homocyberus/Verbitskiy_AA_1_2019
3. Solov'eva SL. Anxiety and uneasiness: theory and practice. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*. 2012;6(17). (In Russ.). [Соловьева С.Л. Тревога и тревожность: теория и практика. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*. 2012;6(17)]. Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php
4. Kierkegaard S. *The concept of fear*. In: Fear and awe. М., 1995. (In Russ.). [Кьеркегор С. *Понятие страха*. В кн.: Страх и трепет. М., 1995].
5. Nikitin AP. *Socialism and the future of higher education*. In: Fourth Lemov Readings. Samara, 2018:267-269. (In Russ.). [Никитин А.П. *Социализм и будущее высшего образования*. В кн.: Четвертые Лемовские чтения. Самара, 2018:267-269].
6. *Neuropsychological tests and scales*. М., 2017. (In Russ.). [*Нейropsихологические тесты и шкалы*. М., 2017].
7. Izmailov EP, Golubeva ND, Klimova ES. Evaluation of the degree of assimilation of educational material by students in the course of mathematics in distance learning. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020;22(74):34-40. (In Russ.). [Измайлов Е.П., Голубева Н.Д., Климова Е.С. Оценка степени усвоения учебного материала студентами на курсе математики при дистанционном обучении. *Известия Самарского научного центра РАН*. 2020;22(74):34-40].
8. Harchenko MA. *Correlation analysis*. Voronezh, 2008. (In Russ.). [Харченко М.А. *Корреляционный анализ*. Воронеж, 2008].

Автор для переписки

Борисова Татьяна Вадимовна
Адрес: ул. Ново-Садовая, 32, кв. 31, г. Самара, Россия, 443110.

E-mail: borisovatva@yandex.ru

Corresponding Author

Tatyana V. Borisova
Address: apt. 31, 32 Novo-Sadovaya st., Samara, Russia, 443110.

ПСИХОАНАЛИЗ КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

А.М. Зотов^{1,2}

¹ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самара, Россия)

²Медицинский центр «София» (Самара, Россия)

Для цитирования: Зотов А.М. Психоданализ как научно-исследовательская программа. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):27-35. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.27-35

■ Сведения об авторе

Зотов А.М. – аспирант кафедры философии, врач-психотерапевт, главный врач. ORCID: 0000-0002-7427-3402
E-mail: am-zotov@mail.ru

Рукопись получена: 07.06.2022

Рецензия получена: 10.07.2022

Решение о публикации: 12.07.2022

■ Аннотация

Цель – рассмотреть основные аспекты развития психоанализа в методологии, предложенной И. Лакатосом. Обозначены основные элементы «твёрдого ядра», составляющие психоаналитическую метапсихологию, на примерах показана работа «защитного слоя». Развитию психоанализа и сохранению его эвристической силы способствовали преобразования, открытия, приведшие к формированию современной формы этой научно-исследовательской программы. Почти с момента своего появления психоанализ стал способом исследования человека и за пределами медицины. Распространение идей психоанализа в философии, социологии, политике, антропологии и т.д. вовлекло в разработку теоретических построений все больше исследователей, критически пересматривающих фундаментальные положения и дающих программе современное звучание. На всем протяжении развития психоанализа как научно-исследовательской программы критически важным являлась опора на лечебную практику.

■ **Ключевые слова:** психоанализ; научно-исследовательская программа.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

PSYCHOANALYSIS AS A SCIENTIFIC RESEARCH PROGRAM

Aleksei M. Zotov^{1,2}

¹Samara University (Samara, Russia)

²Medical center "Sofiya" (Samara, Russia)

Citation: Zotov AM. *Psychoanalysis as a scientific research program. Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):27-35. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.27-35

■ Information about author

Aleksei M. Zotov – postgraduate student of the Department of Philosophy, Chief physician. ORCID: 0000-0002-7427-3402
E-mail: am-zotov@mail.ru

Received: 07.06.2022

Revision Received: 10.07.2022

Accepted: 12.07.2022

■ Abstract

Aim – to consider some basic aspects of the development of psychoanalysis in the methodology proposed by Imre Lakatos. We outlined the constituent elements of the "solid core" that make up a psychoanalytic metapsychology; the work of the "protective layer" is shown by examples. The development of psychoanalysis and the preservation of its heuristic power have been facilitated by the transformations and discoveries that have led to the formation of the modern form of this scientific research program. Since its emergence, psychoanalysis has become a way of studying the human being outside of medicine as well. The dissemination of the ideas of psychoanalysis in philosophy, sociology, politics, anthropology, etc., involved more and more researchers in the development of theoretical constructions, critically revising the fundamental positions and giving the program a contemporary resonance. Throughout the development of psychoanalysis as a scientific research program, the reliance on therapeutic practice has been critical.

■ **Keywords:** psychoanalysis; scientific research program.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ нынешней психотерапевтической практики и литературы дает представление о существующем в психотерапии положении дел. Нужно сказать, что это больше похоже на кризис (от др.-греч. κρίσις «решение, исход», «поворотный пункт»). Очевидно, что этот кризис будет иметь скорее продуктивное разрешение, поскольку речи об исчезновении психотерапии как социальной – в широком смысле – практики не идет. Иными словами, накоплено много материала и старых, неудовлетворяющих схем и теоретических построений, чтобы можно было ожидать новых концептуализаций и подходов. Стоит назвать некоторые из признаков такого кризиса.

Во-первых, это продолжающееся взаимопроникновение психотерапевтических парадигм до уровня смещения, потери собственной методологической оригинальности, структуры и направленности развития. Напомним, что традиционно во всей психотерапии (консультативной психологии) выделяют три основные парадигмы (три направления), берущие свои методологические основания в теории и практике конца XIX – начала XX века. Первое направление – психоаналитическая психотерапия (З. Фрейд, Ш. Ференци, А. Адлер, К.-Г. Юнг, М. Кляйн, М. Балинт, Х. Спотниц, О. Кернберг и другие), которая сейчас более известна как психодинамическая психотерапия. Об основных родовых чертах этого направления речь пойдет позже. Вторым направлением психотерапии

является когнитивно-поведенческое (Б. Скиннер, Дж. Уотсон, А. Бандура, А. Эллис, А. Бек и другие). Третьим – экзистенциально-гуманистическое (Ф. Перлз, П. Гудман, К. Роджерс, М. Босс, В. Франкл, Р. Мэй, И. Ялом и другие). Обзору работ ключевых родоначальников направлений и основных парадигмальных посылок посвящено огромное количество литературы [1, 2]. Нужно отметить, что смещение началось через некоторое время после формирования основных веток психотерапии. Точнее будет сказать, что развитие основных направлений происходило не только за счет конкуренции и полемики, но и в процессе взаимопроникновения и взаимной подпитки. Стоит добавить, что в практической плоскости это смещение стало основной реальностью. Консультирующие специалисты в подавляющем большинстве эклектичны, они используют разные методики и подходы, в том числе при лечении одного пациента / клиента. Такой комплексный подход действительно лучше всего соответствует практическим задачам специалиста, поскольку тот работает в условиях большого количества переменных: разная патология у пациентов, различные временные и финансовые возможности в обеспечении терапии, изменения в организации места для психотерапии (госзаказ, ограничение по техническому оснащению, интересы платных клиник, в которых трудится специалист, и проч.), усиливающийся крен в дистантные формы помощи и т.д. Таким образом, практика мультимодальной психотерапии постоянно находится в некоторой оппозиции к относительно стройным теоретическим подходам, безусловно влияя на них.

Вторым признаком кризиса в психотерапии можно назвать увеличивающийся разрыв между кардинально и стремительно меняющимися условиями жизни современного человека и запаздывающими изменениями в подходах в помощи. Особенно это заметно в нашей стране: количество специалистов в государственных учреждениях уменьшается [3], бесплатная (бюджетная) психотерапевтическая помощь становится менее доступной, регулирующие юридические нормы давно не пересматривались и не актуализировались, растет число специалистов в частной сфере, причем больше всего за счет психологов, а внятного законодательного регулирования психологической помощи нет. В условиях увеличивающегося темпа жизни, увеличения количества острых ситуаций (теракты, последствия техногенных катастроф, военные конфликты) растет спрос на быструю помощь, на методики и подходы, позволяющие человеку без промедлений вернуться к своей привычной жизни.

Третьим, но не последним маркером кризисной ситуации в психотерапии (подробный анализ кризиса – за пределами задач данной статьи) можно назвать отсутствие новых стройных концептуализаций, теорий психического здоровья и болезни. Если говорить о психиатрии как об очень близкой, но изначально более медиализированной области, то она двинулась по пути доказательности, дименсиональности [4] и потянула за собой психотерапию в ее медицинском крыле (традиционно разделяют медицинскую и немедицинскую психотерапию). И если такой цифровой, «считаемый» подход удовлетворяет задачам, поставленным в психиатрии, то в психотерапии, каждый раз имеющей

дело с уникальностью контекста расстройств и проблем пациента, он не годится совсем. Психотерапевтический контекст человеческой сингулярности, кстати, влияет еще и на то, что психотерапия никак окончательно не может оформиться как наука, институционализироваться, регулярно стигматизируясь социумом либо как ремесло, либо как искусство или шарлатанство.

Актуальность данной работы, таким образом, определяется текущим обозначенным крупными штрихами положением дел в психотерапии. Поскольку у этого кризиса много «родителей», социально-экономических предпосылок, ограничимся фокусировкой на вопросе функционирования систем знаний внутри самой науки. Исследуем генезис этой стороны кризиса на примере развития психоаналитического течения с момента его появления до настоящего времени. Формой этого анализа выбран подход И. Лакатоса [5] к описанию «жизни» научных исследовательских программ. Литературы, анализирующей судьбу психоанализа в процессе становления, жизни и взаимодействия с другими направлениями, науками и сферами социальной жизни, огромное количество [6, 7]. Работ же по описанию психоанализа как научно-исследовательской программы обнаружено не так много [8]. Отметим, что сам И. Лакатос скептически относился к теоретической работе родоначальника психоанализа, видя в ней, как и в марксизме, слабость, неспособность предсказывать факты [5:439]. О том, что марксизм и фрейдизм располагаются у И. Лакатоса в одном примере, предстоит еще поговорить, пока лишь отметим этот факт. Тем не менее рассмотрение развития психоанализа (который значительно шире, чем фрейдизм) с позиции онтологии научно-исследовательских программ может быть вполне продуктивным для того, чтобы приблизиться к пониманию кризисного состояния в психотерапии. В целом наметим основную логику данной работы: описать «ядро» и «защитный слой» психоанализа, определиться с его положительной эвристикой, обозначить некоторые ключевые этапы, помогавшие программе развиваться и преодолевать периоды стагнации, завоевывать новые рубежи в психотерапии и смежных специальностях, выходить на новые уровни обобщений, например, в философии. Говоря другими словами, если допустить, что жизнь научно-исследовательских программ похожа на жизнь живых организмов в одном ареале обитания (конкуренция, соперничество, симбиоз, вытеснение, поглощение и проч.), то, рассмотрев жизнь одного такого экземпляра, мы получим некоторое понимание сути происходящих процессов и в самом ареале.

О «ТВЕРДОМ ЯДРЕ» ПСИХОАНАЛИЗА

Рассмотрим психоанализ в основных категориях, определенных И. Лакатосом в отношении научно-исследовательской программы. Описывая значительные последовательности, имевшие место в истории науки (а психоанализ сейчас уже можно признать таковой, как бы кто к нему ни относился), автор отмечает важность непрерывности, связывающей элементы в единое целое. Эта непрерывность и есть суть развития такой программы, даже если ее начало положено самыми абстрактными утверждениями.

«Программа складывается из методологических правил, часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [5:361]. Далее И. Лакатос определяет ключевые позиции. У всех исследовательских программ есть «твердое ядро», то есть фундаментальные утверждения, на которых держится вся структура программы, а также «защитный пояс» вокруг этого ядра, который должен защищать ядро и выдерживать основные удары проверок [5:363]. Отрицательная эвристика запрещает критику утверждений, включенных в «твердое ядро». Вместо этого должны выдвигаться и развиваться «вспомогательные гипотезы» [5:363].

Разрабатывая методологию психоанализа (примерно с 1896 года), З. Фрейд уделял много внимания исходным предпосылкам, собственным образованиям, которые служили направляющими для формирования учения. Он отмечал, что в психоанализе нужно пользоваться лишь психологическими идеями, воздерживаясь от гипотез из других наук [9]. Психоанализ «пытается придать психиатрии то психологическое обоснование, которого ей не хватает», и «надеется обнаружить общую почву, на основе которой станет мыслимой конвергенция умственных и физических расстройств» [9]. Важно постоянно помнить, что психоаналитическая теория развивалась в теснейшем переплетении с практикой, то опережая ее, то отставая, теряя объяснительную силу. Необходимость учитывать обозначенную взаимозависимость с неизбежностью также легла в основу этой новой метапсихологии. «Определяя, что есть психоанализ, З. Фрейд указывал, что под ним одновременно скрываются: 1) способ исследования психических процессов, недоступных обычному пониманию; 2) метод лечения неврозов; 3) ряд возникших в результате этого психологических теорий» [10:26]. Психоанализ Фрейда все время трансформировался, изменялся с новой практикой, новыми гипотезами о психической жизни, взаимодействовал с другими научными исследовательскими программами, но при этом не переставал оставаться психоанализом.

Определимся с «твердым ядром» психоанализа. Какие постулаты являются системообразующими для этой научно-исследовательской программы? Какие типичные положения, допущения, гипотезы вкуче с практически приемами могут сигнализировать, что мы имеем дело с психоаналитической научно-исследовательской программой? Во-первых, нужно обозначить *топографическую модель психики*, в которой постулируется, что психика состоит из трех частей: бессознательного, предсознательного и сознательного. Трехчастный (многочастный в более поздних вариантах) характер строения психики – одна из визитных карточек психоаналитического (психодинамического) направления. Позже Фрейд дополнил топографическую модель психики *структурной*, выделив в психическом аппарате три подсистемы: Оно, Я и Сверх-Я. Следующим ключевым аспектом теории является введение концепции об инстинктах и *влечениях*, которые в целом в процессе трансформаций и пересмотров были разделены на две группы: Эрос и Танатос (влечение к жизни

и влечение к смерти соответственно). Концепция о влечениях была дополнена теорией о *психических защитах* – способах справляться с неудовлетворенностью в сфере влечений и сопутствующей тревогой, недовольством. Далее необходимо выделить важнейший элемент, разработанный Фрейдом, – *стадии психосексуального развития*, отражающие этапность созревания любого человека, превращение его из младенца во взрослую личность. Для исследования направленности и силы этого стадийного движения было введено понятие *либидо*. «Либидо – это сила, совершенно аналогичная голоду, в которой выражается сексуальное влечение, подобно тому, как в голоде выражается влечение к пище» [9:199]. Ключевым в психосексуальном развитии был обозначен *Эдипов конфликт*, полноценное прохождение которого, преодоление и проживание формирует взрослого и здорового человека. Структурными элементами психоанализа также стали практика *свободных ассоциаций* и анализ *сновидческой деятельности* пациентов. Продуцированию свободных ассоциаций, припоминанию и озвучиванию материала сновидений мешает *сопротивление* [11:154]. Следующие друг за другом терапевтические сессии, соблюдение терапевтического сеттинга (условий проведения психоанализа) способствовали развитию *переносных и контрпереносных отношений* – повторению, воспроизведению травматичных отношений из прошлого пациента и врача в их текущей коммуникативной данности. Перенос должен быть актуализирован (невроз переноса) и разрешен, то есть проанализирован и сведен на нет. С контрпереносом врачу требовалось справляться самому, а позже появились рекомендации, имеющие статус обязательности, к прохождению терапевтом собственного психоаналитического лечения.

Уже первые работы, в которых Фрейд описывал новый подход к лечению пациентов с психическими расстройствами, подверглись мощной критике как со стороны коллег, так и со стороны специалистов смежных профессий и направлений. Одновременно новый взгляд на терапию таких пациентов заинтересовал массу специалистов, которые взяли его осваивать и развивать. Критика, освоение и развитие шли рука об руку. Новая терапия действительно открывала новые возможности в лечении пациентов, у которых годами не наблюдалось успехов. Психоанализ предлагал «устойчиво прогрессивный теоретический сдвиг» [5:364], и при этом теоретические построения сразу могли находить свое подтверждение или опровержение в практике. Эмпирический прогресс подкреплял теоретический. При этом, конечно же, оставалась масса эмпирического материала, который не укладывался в психоаналитическую теорию, да и процесс лечения пациентов – дело не быстрое, учитывая динамику улучшений и регрессии в состоянии. Говоря о натиске опровергающего материала, И. Лакатос пишет о принципе «отрицательной эвристики» – запрете на критику основных положений «твердого ядра» программы. Натиск противоречивых фактов должен быть удержан «защитным поясом» и даже подпитывать его, превращая временные поражения в победы [5:365]. Далее он отмечает, что ядро научно-исследовательской программы может быть разрушено только тогда, когда она – программа – перестает

предсказывать и объяснять факты или появляется новая теория, делающая это лучше. При этом нужно учитывать, что «даже самые динамичные и последовательно прогрессивные исследовательские программы могут «переварить» свои «контрпримеры» только постепенно. Аномалии никогда полностью не исчезают» [5:366].

Наряду с отрицательной эвристикой каждая программа имеет в своем арсенале и положительную эвристику, которая «складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменить и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, как модифицировать, уточнять «опровержимый» защитный пояс. Положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий» [5:366]. Исследователи классического психоанализа и ключевые фигуры в *современном психоанализе* Х. Томэ и Х. Кэхеле [11] соглашаются с Боденом (1977) в том, что эвристика как метод направляет мышление по малоизвестному пути, на котором вероятнее всего достижение цели. И в добавление к эвристическому подходу отмечают важность подхода алгоритмического, также применимого в психоанализе. Практически невозможно ошибиться в достижении цели, если двигаться алгоритмически предписанным путем. Авторы отмечают, что, хотя Фрейд и не делал различий между эвристическим и алгоритмическим методами, «тем не менее, его технические рекомендации в значительной степени соответствуют нашему пониманию эвристических стратегий» [11:368]. Основной целью эвристических стратегий, положительной эвристики является сбор и организация соответствующей информации, которая фильтруется в самом процессе поиска. Сбор и переработка информации сопровождаются формированием рабочих гипотез, моделей внутри исследовательской программы. С помощью постоянно формируемых и выбраковываемых моделей происходит ее развитие [5:369]. Модели позволяют оперативно отвечать на «опровержения» и сохраняют до определенного времени в недостижимости ядро программы. Литература по истории развития психоанализа изобилует примерами рабочих моделей З. Фрейда и других авторов. В целом можно сказать, что психоанализ сформировался как *метapsихология* в двух основных значениях – широком и узком. «В широком смысле – это совокупность теорий, составляющих концептуальную основу психоаналитической терапии; в узком – ряд базовых концепций З. Фрейда» [10:26]. Р. Гринсон [12] определяет психоаналитическую метапсихологию минимальным количеством допущений, на которых базируется психоанализ как система. Эта система развивалась за счет выраженной положительной эвристики и предсказательной силы. И. Лакатос считал, что положительная эвристика является более гибкой, чем отрицательная. Он отмечал, что именно положительная эвристика имеет ключевое значение в развитии программы, при почти полном игнорировании опровергающих фактов и опыта. «Более того, время от времени случается, что когда исследовательская программа вступает в регрессивную фазу, то маленькая революция или творческий толчок в ее положительной эвристике может снова подвинуть ее в сторону

прогрессивного сдвига» [5:367]. Важным при этом оказывается понимание, что именно объяснительная способность исследовательской программы, а не опровергающие примеры поддерживает ее работу. Нужно отдать должное З. Фрейду, что при создании психоанализа и скором появлении противоречивых сведений о его эффективности он все равно двигался вперед. В духе И. Лакатоса можно было бы сказать, что З. Фрейд обладал низкой чувствительностью к разрушительной силе аномалий.

Отмечая эволюционные процессы в развитии научного знания, И. Лакатос пишет, что «некоторые из самых значительных исследовательских программ в истории науки были привиты к предшествующим программам, с которыми находились в вопиющем противоречии» [5:377]. Это справедливо и для психоанализа. Важно понимать, что возникновение этой программы произошло не на пустом месте. Накануне (Вундт, 1879; Бехтерев, 1885) возникла экспериментальная психология, появились успехи в неврологии, Ж. Шарко и И. Бернхейм разрабатывали теоретические положения к гипнотической практике, Й. Брейер предложил катартический метод в лечении пациентов с неврозами. З. Фрейд плотно общался с этими и другими коллегами и еще активно интересовался философией. Когда «привитый» росток психоанализа окреп, то он составил мощную конкуренцию как теоретико-практической психологии, так и философским построениям. Основными «аномалиями» в психоаналитической практике начального периода оказывались случаи психотических и нарциссических расстройств. И если нарциссическим расстройствам З. Фрейд сначала не придавал большого значения, сосредоточившись на неврозах, то в отношении психотических пациентов он считал психоанализ беспомощным, малоперспективным занятием. Лишь при развитии психоанализа до современного состояния появилась возможность помогать пациентам с более широким спектром проблем.

Продолжая рассматривать психоанализ З. Фрейда с позиции развития научно-исследовательских программ, стоит еще раз вернуться к неразрывному единству эмпирической практической стороны дела и ее теоретического сопровождения. «Диалектика исследовательских программ... совсем не сводится к чередованию умозрительных догадок и эмпирических опровержений. Типы отношений между процессом развития программы и процессами эмпирических проверок могут быть самыми разнообразными; какой из них осуществляется – вопрос конкретно-исторический» [5:396]. И. Лакатос отмечает важный момент в этом диалектическом единстве: необходимость избегания увлеченности сбором данных, что может помешать формулировке даже «наивных эмпирических гипотез» [5:396]. При этом «крен» в другую сторону, в излишнее теоретизирование грозит сделать программу косной, излишне жесткой и «нежизнеспособной» [5:398]. Важно отметить, что именно тенденциозность З. Фрейда, претензии на исключительную правильность его взглядов, даже авторитарность в научном подходе стали теми основаниями, в связи с которыми его талантливые ученики из последователей превратились в критиков и «отступников». Хотя нужно признать, что это «отступничество» вылилось в итоге в самобытные,

развивающие дерево психоаналитического знания ветви. А. Адлер разработал свою индивидуальную психологию, К.-Г. Юнг – аналитическую, В. Райх стал родоначальником телесно-ориентированной психоаналитической психотерапии, а Э. Фромм предложил гуманистический психоанализ. Ф. Перлз, начавший свой путь в психотерапии как психоаналитик, сейчас известен всем как создатель гештальт-терапии. Появление ответвлений от основного ствола психоанализа, критика и конкуренция, безусловно, способствовали развитию психоаналитического подхода в целом. «История науки была и будет историей соперничества исследовательских программ (или, если угодно, «парадигм»), но она не была и не должна быть чередованием периодов нормальной науки, чем быстрее начинается соперничество, тем лучше для прогресса. «Теоретический плюрализм» лучше, чем «теоретический монизм»» [5:400]. Говоря о конкурентных отношениях, нужно признать, что к текущему моменту психоанализ так прочно завоевал позиции в психологии и психотерапевтической практике, что другим научно-исследовательским программам приходится нелегко. Разработчикам таких программ очень трудно преодолеть притяжение психоанализа, дабы не быть поглощенным или не вступить на путь скрытых или неявных заимствований. В начале XX века психоанализ, будучи молодой программой, сам испытывал те проблемы, которые создает в настоящее время для других. И. Лакатос, исследуя похожие аспекты взаимодействия научно-исследовательских программ, отмечал, что, пока рациональные реконструкции программы сохраняют надежды на прогрессивный сдвиг проблем, ее (программу) следует оберегать от распада [5:402]. Завершая обзор основных положений классического психоанализа З. Фрейда в оптике И. Лакатоса, нужно еще раз подчеркнуть скептическое отношение последнего к работе первого. В своем скепсисе в отношении психоанализа, да и психологии вообще, И. Лакатос соглашается с П. Милем [13], считая, что развитие статистической техники и улучшение экспериментальных условий дает аппарат лишь для фальшивых подкреплений, снижения барьера валидности и создания видимости научного прогресса, за которым (прогрессом) стоит в таком случае «лишь псевдоинтеллектуальный мусор». Однако З. Фрейд изначально пытался выразить свои идеи на языке строгой науки, ориентируясь, к примеру, на основателя психофизики Г. Фехнера, который, в свою очередь, рассматривал психику как гомеостатическую систему с возможным ее описанием в духе физических моделей. З. Фрейд писал, что «в психических функциях следует выделять нечто, обладающее всеми характеристиками количества – степени аффекта или порции возбуждения, которые могут возрастать, убывать, смещаться и разряжаться, его можно описать по аналогии с электрическим зарядом» [14].

РАБОТА «ЗАЩИТНОГО СЛОЯ». СОЗДАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Рассмотрим теперь некоторые ключевые трудности, с которыми пришлось столкнуться психоанализу (теперь именуемому *классическим*) практически с самого начала. Эти трудности, артефакты стали «добычей» и «пищей»

защитного слоя научно-исследовательской программы. Х. Томэ и Х. Кэхеле, описывая ранние этапы развития психоанализа, солидарны с дочерью З. Фрейда Анной Фрейд, ставшей впоследствии знаменитым детским психоаналитиком, и отмечают, что в течение некоторого времени детище отца-основателя находилось в стадии революции и почти анархии [11:41]. Далее они цитируют самого З. Фрейда, очень емко описавшего свой новый лечебный метод еще в 1914 году. Тот отмечает ключевые позиции, два факта, всегда наблюдаемые в лечении невротика: формирование переноса и работу сопротивления. «Любая линия исследования, которая признает эти два факта и относится к ним как к начальным точкам своей работы, имеет право называться психоанализом, даже если она придет к результатам, отличным от моих собственных» [11:41]. Х. Томэ и Х. Кэхеле, анализируя работы более поздних коллег и последователей классического психоанализа, признают их несомненную связь с работами З. Фрейда, ссылаясь на очевидную сложность отношений между психоаналитической теорией и практикой. Авторы отмечают диалектическое противостояние психоаналитической ортодоксии и нововведений.

На укреплении позиций психоанализа – уточнение положений ядра и мощи защитного слоя – поработала, например, А. Фрейд, которая стала одним из апологетов эго-психологии. Она положила начало коррективам в детском психоанализе, обозначив соответствующую специфику: у ребенка отсутствует представление о своей болезни; с детьми не формируется невроз переноса в традиционном понимании; ребенок не способен исполнять основное правило психоанализа – свободно ассоциировать; родители активно присутствуют в лечебном процессе; супер-эго ребенка еще не сформировано, эту функцию приходится брать на себя психоаналитику. М. Кляйн, еще один известный детский психоаналитик, полемизируя с А. Фрейд, предложила технику игры взамен невозможным свободным ассоциациям. Она считала игровые действия ребенка аналогами свободных ассоциаций. А. Фрейд, не соглашаясь с таким подходом, видела эквивалентом свободных ассоциаций фантазии, эмоции и детские рисунки. Далее она систематизировала представления о психических защитах Я (эго), что помогло расширить представления о защитных и синтетических функциях этой инстанции. Также А. Фрейд развивала теорию влечений, особо уделяя внимание агрессивным импульсам, и исследовала важность связи ребенка с матерью, закладывая основы в теорию «объектных отношений». «В целом работа А. Фрейда содействовала пониманию эго как относительно независимой организации, находящейся в постоянном взаимодействии с внешним миром, влечениями и другими интрапсихическими требованиями» [15:33]. М. Кляйн также активно рассматривала роль агрессии и любви в формировании детской психики. Ввела понятие о «хорошей» и «плохой» материнской груди, где появление такого разделения является результатом действия агрессивных детских импульсов неудовольствия, результатом расщепления. Любовь, напротив, выполняет синтетическую функцию, отвечает за целостность объекта. В процессе раннего развития, по предположению М. Кляйн, ребенок проходит *шизоидно-параноидную*

(связанную с агрессивными импульсами) и *депрессивную* (связанную с либидо) стадии.

Теорию ранних объектных отношений развивал и М. Балинт. Из ключевых позиций можно упомянуть концепцию «базового доверия» и углубленного описания доэдипальных нарушений. Проводя сравнения, М. Балинт указывает, что эдипальные отношения триангулярны по своей сути: в интрапсихическом конфликте пациента участвуют кроме него оба родителя. «Язык взрослых» является адекватным для описания этого уровня нарушений. Доэдипальные нарушения диадичны по своей сути (отношения с матерью), и описания возможности осознания и описания этих нарушений в целом находятся вне (до) языка. Именно поэтому более нарушенные пациенты не невротического уровня столь сложны в понимании и в успешной терапии.

Также среди апологетов теории объектных отношений можно упомянуть Д. Винникотта. Одной из его интересных идей оказалось различие между «субъективным объектом» (интродектом) и «использованием объекта» [15:72]. Отметим, что публикация работ Д. Винникотта приходится уже на 70-е годы XX века. Психопсихология как программа развивается уже более 80 лет, все более разрастаясь идеями и сторонниками. Приведенные примеры демонстрировали работу «защитного слоя» программы с постепенной модификацией ядерных постулатов и допущений. Современный психоанализ продолжил свое формирование. Из ключевых направлений можно отметить селф-психологию Х. Кохута, интерперсональный и интересубъективный подходы, внушительную работу нашего современника О. Кернберга, выделившего регистры, уровни душевных расстройств (невротический, пограничный, психотический). Таким образом, та часть психоанализа, которая опиралась на непосредственную практику помощи пациентам с психическими расстройствами, в своей теоретической части все ближе смыкалась с эмпирикой, с процессами, фактами, наблюдаемыми в непосредственном контакте анализируемого и аналитика. Этому сближению теории и практики способствовало совершенствование фиксирующей аппаратуры, различного рода технических устройств и установок, прогресс в фарминдустрии, развитие когнитивной и экспериментальной психологии. Уязвимость допущений в классическом психоанализе постепенно нивелировалась. Описанные процессы разработки продолжают до сих пор. Однозначно можно утверждать, что эвристическая ценность психоанализа как метода исследования личности и помощи ей в психических расстройствах до сих пор крайне велика. Сама структура «помогающего» психоанализа имеет сильно разветвленный вид и сложную организацию из-за массы направлений и школ. Примером может быть резюме Е. Змановской относительно психоаналитических подходов: «В современном психоанализе выделяют *шесть метапсихологических подходов*: топографический, динамический, экономический, генетический, структурный и адаптивный. Это одновременно и теории психоанализа, и аспекты рассмотрения психической динамики пациента. Последнее означает то, что для полного понимания любого психического феномена необходимо проанализировать его с шести различных точек зрения» [10:26].

Среди последующей критики отмечается необходимость а) усиления герменевтических процедур, а не потворствование «научному самозаблуждению» (Ю. Хабермас, 1971); б) отказа от метапсихологии в угоду клинической части, что сильно повысило бы доказательность эффективности психоанализа; в) наведения порядка в идеях о психических связях, моделирование которых является источником противоречий и несоответствий; преодоления крена в «биологизаторство». Выдвигая защитные гипотезы, З. Фрейд надеялся, что разрабатываемая им метапсихология со временем все больше будет получать подтверждения на «органическом фоне» исследований головного мозга и нервной системы в целом. Одновременно он надеялся на вспомогательные концепции глубинной психологии, которые должны были бы внести большую ясность в работу бессознательного. Х. Томэ и Х. Кэхеле констатируют, что в последние десятилетия XX века психоанализ вобрал в себя идеи из психологии развития и когнитивной психологии. Осознавая существующий кризис психоаналитической программы, авторы ставят задачу для современников – «обновить психоаналитическую теорию, существовавшую раньше в форме метапсихологии и потому основанную на зыбкой почве, содержательно и методологически ему чуждой». И далее: «При клинической или экспериментальной проверке теорий нельзя начинать с метапсихологических измышлений, которые состоят из беспорядочной смеси идеологических постулатов, выведенных из натурфилософии, метких метафорических высказываний о человечестве и ярких наблюдений и теорий по поводу происхождения душевных болезней» [11:46]. В 60-х годах прошлого столетия Д. Рапопорт и М. Гилл расширили метапсихологию, включив в нее генетическую и адаптивную точки зрения. Генетический подход, опирающийся на историю развития пациента, как и адаптивный, состоит из психосоциальных элементов, преодолевающая биологические положения экономического принципа психоанализа. Вслед за ними Р. Холт предложил отказаться от энергетических концепций, включающих идеи о катексисе и либидо, а также от знаменитой объясняющей триады «Я», «Оно», «Сверх-Я». Х. Томэ и Х. Кэхеле отдают должное метапсихологическим построениям в классическом психоанализе. Тем не менее эти построения должны смениться на более современные [11:47]. Р. Уэлдер (1962) выстроил уровни психоаналитической программы от индивидуальной клинической интерпретации через клиническое обобщение и клиническую теорию до уровня абстрактных понятий. Он полагал, что чем выше уровень, тем менее он соответствует практике. Б. Фэррелл (1981) характеризовал отношения между высшими и низшими уровнями теории метафорой двуликого Януса. В практике аналитика верхние уровни помогают ему организовать материал пациентов. С другой стороны, теоретизируя, он использует концепции, чтобы лучше понять работу психического аппарата пациентов. Практическая связанность материала («пища» для теорий) существует на низших уровнях.

Обозначая дальнейшее развитие классического психоанализа, «перерождение» его в современный, Х. Томэ и Х. Кэхеле отмечают ключевую важность психосоциальных

процессов, предполагающих «способность к символизации», которая не может быть приписана биологии [11:57]. В результате исследования рассогласований в психоанализе авторы признают, «что критика метапсихологии так, как она сформулирована Гиллом, Холтом, Клейном и Шафером, убедительна» [11:57]. Они выступают за теорию психоанализа, основанную на представлениях из психологии и психодинамики, на исследованиях психофизиологических корреляций. И отмечают, что многим психоаналитикам очень трудно отказать от метапсихологии, т.к. с годами метафоры метапсихологии приобрели психодинамические смыслы, далекие от изначальных физических. В определенном смысле происходит возврат к ранним открытиям З. Фрейда и их ревизия.

НОВЫЕ ТЕРРИТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА

В 1970 году вышла одна из знаковых работ Эриха Фромма «Кризис психоанализа». Сначала автор пишет об успехах, о грандиозном распространении психоаналитического подхода не только в узком терапевтическом направлении, но и шире, в других социальных областях. При этом человек, обратившийся за помощью, становился членом довольно экзотической секты, в которой аналитик был жрецом; проводя время на кушетке, человек чувствовал себя менее озадаченным и менее одиноким [16:12]. Развивая свое наблюдение дальше, Э. Фромм предполагает, что кушетка аналитика стала для многих (как для пациентов, так и для последователей) некоей тихой гаванью, в которой можно укрыться от беспокойства и дискомфорта. Причем такой уют устраивал обоим – и аналитика, и его врача. То есть, на взгляд Э. Фромма, участники психоаналитического процесса «договорились» не беспокоить друг друга, и это стало одной из самых больших проблем, ведущих психоанализ к стагнации и регрессии [16:13]. К тому же практикующие психоаналитики, видя непрерывающийся поток клиентов в их кабинеты, стали «ленивыми», все более обеспеченными, с все более крепким ощущением непогрешимости собственной истины. Попутно автор отмечает развитие других вариантов психотерапевтического лечения, часто более быстрых и более дешевых. Или появление, к примеру, групповой психотерапии, эффективность которой тоже стала признаваться (о таковой эффективности появилось много свидетельств после Второй мировой войны) и которая значительно сэкономила ресурсы всех участников. Эти описанные причины кризиса Э. Фромм относит к поверхностным и обозначает более глубокие: движение психоанализа от радикальной теории к конформистской и респектабельной [16:16]. Само по себе это замечание в отношении психоанализа ценно тем, что, скорее всего, его можно выдвинуть ко многим научно-исследовательским программам, имеющим длительный период жизни. Период борьбы за существование, расталкивание всех локтями сменяется временем видимого благополучия и спокойствия. Защитный слой программы скорее укрепляется массой адептов и последователей, чем атакуется с появлением урона.

Отдельным пунктом Э. Фромм отмечает кризисное участие философов, не всегда корректно и адекватно

развивающих идеи З. Фрейда вне терапевтической практики. Примером такого философа, внесшего массу искажений, он называет Г. Маркузе. В том, что Э. Фромм упоминает философов в книге по психоанализу, есть и обратная очень важная сторона: жизни и развитию психоанализа как программе во многом способствовал выход этой метапсихологии далеко за пределы лечебного пространства для душевнобольных. Психоанализ практически сразу стал еще и частью наук о человеке, разместившись в социологии, антропологии, философии и т.д. Для преодоления кризиса Э. Фромм считает, что в психоаналитических процедурах и исследованиях фокус должен быть смещен с изначально проблематизированных вопросов сексуальности на феномены, формирующие патологию в современном обществе: тревожность, пассивность, боязнь глубоких чувств, одиночество, безрадостность [16:50].

Среди основных последователей и одновременно модификаторов психоанализа, давших новое дыхание этой программе не только в лечебной практике, но и в философском дискурсе, необходимо назвать Ж. Лакана, который обогащает психоанализ лингвистическими идеями Ф. де Соссюра: «...никогда в психоанализе речь не шла о бессознательном как о резервуаре влечений или, хуже того, инстинктов. Открытие Фрейда состояло как раз в том, что бессознательное – неосознаваемые представления, что бессознательное высказывает субъекта в свободных ассоциациях. Субъект выговаривается, проговаривается» [17:101]. Ж. Лакан предлагает три порядка психического (третью топикку): символическое, воображаемое, реальное. Он утверждает, что «символическое предшествует появлению на свет субъекта. Субъект рождается в символическом» [17:133]. И далее: «Вхождение в собственно человеческий регистр связано с Эдипом, Законом, Другим, Кастрацией, Отцом, Именем Отца. Открытие символического порядка, по Лакану, как раз и составляет главное открытие Фрейда» [17:133]. Говоря о Ж. Лакане, стоит упомянуть об описанной им стадии зеркала, которая важна для формирования человеческой субъектности, о его исследованиях взаимоотношений означающего и означаемого. Еще раз отметим, что в цель данной работы не входит обзор всего наследия упоминаемых авторов. Выборочные примеры на протяжении жизни психоанализа как научно-исследовательской программы дают представление о ее сохраняющейся эвристической силе [18]. Присоединение мыслителей продолжало усиливать позиции психоанализа не только в практике психической помощи, но и в целом в науках о человеке.

Популярность идей психоанализа в философии связана, конечно, прежде всего с тем, что в этой модели были предложены новые ответы, гипотезы на давний, традиционный вопрос «что такое человек?». З. Фрейд сам инициировал внетерапевтические размышления, написав, например, такие работы, как «Моисей и монотеизм», «Недовольство культурой», и прочие. Упоминание связи, отношений философии и психоанализа демонстрирует живучесть психоаналитической исследовательской программы и прирост ее эвристичности за счет возникновения корректирующей полемики в других, не психотерапевтических, областях. Без преувеличения можно сказать,

что лучшие исследовательские умы XX века участвовали в дискуссии вокруг и по поводу психоанализа. Возникла масса критической философской литературы, в которой обсуждались (и развивались) основные положения метапсихологии З. Фрейда. Зачастую эта литература строилась в полемическом направлении, как ответ одного ученого другому [6:211]. Упомянутую полемику можно найти, к примеру, в философской антропологии М. Шелера и А. Гелена, экзистенциальном психоанализе Ж.П. Сартра, М. Босса и Л. Бинсвангера, в феноменологии К. Ясперса и М. Мерло-Понти, в логотерапии В. Франкла [19:121]. П. Рикер, Ю. Хабермас и Б. Фаррел развивают герменевтические идеи психоаналитического направления: «Фрейдская метапсихология может быть рассмотрена как метагерменевтика, и, следовательно, можно говорить о «метагерменевтической роли психоанализа» [6:287].

Развитию психоаналитических идей способствовало рассматривание их в параллели с марксистскими. З. Фрейд и К. Маркс стали самыми известными мыслителями XX века. Начиная с ученика З. Фрейда В. Райха, их работы рассматривались в общем русле. Объединяющей оказалась идея о скрытых основаниях как социально-экономического развития общества, так и поведения отдельного человека. По этой характеристике скрытости, необходимости герменевтической работы в отношении истинных мотивов и движущих сил П. Рикер отнес З. Фрейда и К. Маркса (вместе с Ф. Ницше) к философам «школы подозрения» [20]. М. Фуко в своем предисловии к американскому изданию «Анти-Эдипа» Ж. Делеза и Ф. Гваттари [21] пишет об определенном стиле, этике интеллектуала – необходимости быть в контексте обоих направлений. Ж.-Ф. Лиотар, продолжая критику марксизма и фрейдизма, предлагает идеи экономики либидинальных интенсивностей [22]. Э. Фромм исследует, как должны измениться фокусы внимания, мишени для работы психоаналитика в развивающемся капиталистическом обществе [16]. Ж. Бодрийяр рассматривает эвристичность обоих направлений в отношении возможностей описания процессов нынешней жизни и критикует их в общих основаниях за обладание связностью «лишь в своих частично-ограниченных пределах» [23:386]. С. Жижек констатирует, что «между интерпретационными процедурами Маркса и Фрейда, точнее, между анализом товара и анализом сновидения существует фундаментальное сходство» [24:19]. А. Дугин, вводя понятие археомодерна, необходимое для «понимания особенностей русского общества в целом» [25:3], также опирается на конструкции К. Маркса и З. Фрейда. Конечно, нужно еще раз оговориться, что в строгом научном смысле нужно разделять фрейдизм и психоанализ (психоанализ шире, создан усилиями не только З. Фрейда), психоанализ классический и современный и т.д. Еще раз отметим, что упоминание политэкономической теории К. Маркса в рамках текущей работы дано в качестве примера взаимного укрепления исследовательских программ: критика, полемика, нахождение смежных и соответствующих областей позволило привлечь в ряды оппонентов или союзников большое количество мыслителей в XX веке. Идеи не оставались без их носителей. Все это позволяло распространяться

психоаналитической программе дальше и постоянно обновляться, обновляться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье проанализировано развитие психоанализа как научной исследовательской программы в модели И. Лакатоса. Было показано, за счет каких положений и допущений было сформировано твердое ядро программы, что стало защитным слоем, чьими силами программа была введена в научное пространство. Далее было показано развитие программы, работа защитного слоя, отмечена существенная эвристическая ценность. Высокая объяснительная сила и терапевтическая ресурсность, значимые возможности для лечения людей с психическими расстройствами способствовали укреплению позиций психоанализа. Опора на клинику и соответствующая необходимость пересмотра метапсихологии, движение в направлении все большей объективации эмпирической составляющей позволили не оставаться психоанализу умозрительной теорией. Современные технологии, развитие когнитивной психологии и усиление нейронаук способствуют все большему «заземлению» психоанализа, формированию верифицируемой научной базы. Сохраняется развитие психоаналитических идей в социальных науках [26] и философии [27], что характеризует психоаналитическую программу как имеющую ценность в отношении вопросов современности. «Современный психоанализ представляет собой непрерывно развивающуюся систему, в рамках которой классическое наследие закономерно преобразуется в актуальное знание» [9:2]. Сохранение методологической психоаналитической платформы позволяет смягчать проявления кризиса в психотерапии и способствовать развитию тенденций на его продуктивное преодоление. При этом весомость и разработанность этой программы, длительный период ее жизни являются угрозами для новых разработок, как в плане поглощения их, так и в плане усвоения ими исконных психоаналитических черт. Так тормозятся оригинальные психотерапевтические подходы и развиваются различные психоаналитические школы и направления.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Heigl-Evers A, Heigl F, Ott Yu, Ryuger U. *Basic Guide to Psychotherapy*. SPb., 2001. (In Russ.). [Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. *Базисное руководство по психотерапии*. Пер. с нем. СПб., 2001].
2. Zotov AM. Homo psychotherapeuticus, or Psychotherapy in the reflection of contemporary philosophy. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(7-8):40-48. (In Russ.). [Зотов А.М. Homo psychotherapeuticus, или Психотерапия в отражении современной философии. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2021;(7-8):40-48]. doi: 10.55531/2072-2354.2021.21.4.40-48
3. *Psychiatric care for the population of the Russian Federation in 2019: an analytical review*. [Internet]. (In Russ.). [Психиатрическая помощь населению Российской Федерации в 2019 году: аналитический обзор]. Available at: <https://psychiatr.ru/news/1264>
4. Berrios GE, Marková IS. Does the concept of "dimensions" apply to psychiatric objects? *Russian version of the WPA journal "World Psychiatry"*. 2013;12(1):73-75. (In Russ.). [Berrios GE, Marková IS. Применима ли концепция «дименсий» к психи-

- атрическим объектам? *Русская версия журнала ВПА «Всемирная психиатрия»*. 2013;12(1):73-75]. Available at: https://psychiatr.ru/files/magazines/2013_02_wpa_546.pdf
5. Lakatos I. *Selected Works on Philosophy and Methodology of Science*. Trans. from English. М., 2008. (In Russ.). [Лакатос И. *Избранные произведения по философии и методологии науки*. Пер. с англ. М., 2008].
  6. Leibin VM. *Freud, psychoanalysis and modern Western philosophy*. М., 1990. (In Russ.). [Лейбин В.М. *Фрейд, психоанализ и современная западная философия*. М., 1990].
  7. Hjelle L, Ziegler D. *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications*. Trans. from English. SPb, 1997. [Хьелл Л., Зиглер Д. *Теории личности: основные положения, исследования и применение*. Пер. с англ. СПб., 1997].
  8. Tolkacheva ON. Research program of psychoanalysis. *Theory and practice of psychoanalysis*. 2016;2. [Internet]. (In Russ.). [Толкачева О.Н. Научно-исследовательская программа психоанализа. *Теория и практика психоанализа*. 2016;2]. Available at: <http://vol2-2016.ecpp-journal.ru/920.html>
  9. Freud Z. *Introduction to psychoanalysis*. Trans. from German. М., 2016. (In Russ.). [Фрейд З. *Введение в психоанализ*. Пер. с нем. М., 2016].
  10. Zmanovskaya EV. *Modern psychoanalysis: theory and practice*. SPb., 2011. (In Russ.). [Змановская Е.В. *Современный психоанализ: теория и практика*. СПб., 2011].
  11. Kächele H, Thomä H. *Modern psychoanalysis*. Trans. from English. М., 1996. (In Russ.). [Томэ Х., Кэхеле Х. *Современный психоанализ*. Пер. с англ. М., 1996].
  12. Grinson RR. *Technique and practice of psychoanalysis*. Trans. from English. М., 2010. (In Russ.). [Гринсон Р.Р. *Техника и практика психоанализа*. Пер. с англ. М., 2010].
  13. Meehl P. Theory-Testing in Psychology and Physics: A Methodological Paradox. *Philosophy of Science*. 1967;34(2):103-115. doi: 10.1086/288135
  14. Freud Z. *The neuro-psychoses of defence*. The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. 1962.
  15. Starovoitov VV. *Modern psychoanalysis: integration of subject-objective and subject-subjective approaches*. М., 2004. (In Russ.). [Старовойтов В.В. *Современный психоанализ: интеграция субъект-объективного и субъект-субъективного подходов*. М., 2004].
  16. Fromm E. *Crisis of psychoanalysis*. Trans. from German. М., 2017. (In Russ.). [Фромм Э. *Кризис психоанализа*. Пер. с нем. М., 2017].
  17. Mazin VA. *Introduction to Lacan*. М., Novosibirsk, 2004. (In Russ.). [Мазин В.А. *Введение в Лакана*. М., Новосибирск, 2004].
  18. *Freud Forever: An Interview with Jacques Lacan*. [Internet]. (In Russ.). [Фрейд навсегда: *Интервью с Жаком Лаканом*]. Available at: <https://tovievich.ru/news/7725-freyd-navsegda-intervyu-s-zhacom-lakanom.html>
  19. *Psychology of Personality*. Eds. Yu.B. Gippenreiter, A.A. Puzyreya. М., 1982. (In Russ.). [Психология личности. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982].
  20. Emelyanova MA. "Philosophy of Suspicion" in the 20th Century: Barthes and Baudrillard. [Internet]. (In Russ.). [Емельянова М.А. «Философия подозрения» в XX веке: Барт и Бодрийяр]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-podozreniya-v-xx-veke-bart-i-bodriyyar/viewer>
  21. Deleuze G, Guattari F. *Capitalizme et schizophrénie: L'Anti-Edipe*. Trans. from French. Ekaterinburg, 2007. (In Russ.). [Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Пер. с фр. Екатеринбург, 2007].
  22. Lyotard J-F. *Libidinal economy*. Trans. from French. М.; SPb., 2018. (In Russ.). [Лиотар Ж.-Ф. *Либицинальная экономика*. Пер. с фр. М.; СПб., 2018].
  23. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*. М., 2011. (In Russ.). [Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М., 2011].
  24. Žižek S. *Sublime object of ideology*. Trans. from English. М., 1999. (In Russ.). [Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. Пер. с англ. М., 1999].
  25. Dugin AG. *Archeomodern*. М., 2011. (In Russ.). [Дугин А.Г. *Археомодерн*. М., 2011].
  26. Naumova EI. Freud's psychoanalysis as a rationalistic concept. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*. 2012;3(18):22-26. (In Russ.). [Наумова Е.И. Психоанализ Фрейда как рационалистическая концепция. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2012;3(18):22-26].
  27. Goricheva T, Orlov D, Sekatskii A. *From Oedipus to Narcissus*. SPb., 2001. (In Russ.). [Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А. *От Эдипа к Нарциссу*. СПб., 2001].

■ Автор для переписки

Зотов Алексей Михайлович
Адрес: ул. Вольская, 81, кв. 92, г. Самара, Россия, 443008.

■ Corresponding Author

Aleksei M. Zotov
Address: ap. 92, 81 Volskaya st., Russia, 443008.

E-mail: am-zotov@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

А.А. Костерин

ФГКВБОУ ВО «Военный университет» имени князя Александра Невского Министерства обороны России (Москва, Россия)

Для цитирования: Костерин А.А. Социальное управление в современном мире: социально-философский аспект. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):36-40. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.36-40

■ Сведения об авторе

Костерин А.А. – адъюнкт кафедры социологии управления. E-mail: kosterin.a1917@gmail.com

Рукопись получена: 12.03.2022

Рецензия получена: 12.04.2022

Решение о публикации: 19.07.2022

■ Аннотация

Цели – структурирование понятия «социальное управление» по его основополагающим составляющим, которые в настоящее время понимаются как управление персоналом или организацией на базовом принципе «цель – воздействие – результат», а также разделение подходов к рассмотрению социального управления как по функциональности, так и по принципиальным составляющим данного понятия, которые отличаются от «социального менеджмента» в ключе процесса управления.

Разделение по ключевым особенностям позволяет убедиться во включении социального менеджмента в социальное управление как одну из составляющих процесса; увидеть необходимость таких составляющих процесса социального управления, как взаимодействие, интеграция, информационный обмен; спрогнозировать возможные варианты развития процесса управления при переходе его к позиции исключительно производственного концепта, а именно исключения роли социального капитала.

■ **Ключевые слова:** социальное управление; научный менеджмент; социальные практики; эффективность; социальный капитал; принципы управления.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

SOCIAL INTENDANCE IN THE MODERN WORLD: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Artem A. Kosterin

Military University (Moscow, Russia)

Citation: Kosterin AA. Social intendance in the modern world: social and philosophical aspect. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):36-40. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.36-40

■ Information about author

Artem A. Kosterin – adjunct of the Department of Sociology of Management. E-mail: kosterin.a1917@gmail.com

Received: 12.03.2022

Revision Received: 12.04.2022

Accepted: 19.07.2022

■ Abstract

Aim – to review the concept of "social intendance" according to its fundamental components, which are currently understood as personnel or organization management with the basic principle of "goal – impact – result", as well as to separate the approaches to the social intendance both in terms of functionality and principle components of this concept, which differ from "social management" in the way of the management process.

After separating by key features, it is clear that social management is included in social intendance as one of the components of the process. We can observe the need for such components of the social intendance process as interaction, integration, information exchange, and we can predict possible options for the development of the management process to the position of an exclusively production concept, namely, the exclusion of the role of social capital.

■ **Keywords:** social intendance; scientific management; social practices; efficiency; social capital; management principles.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «социальное управление» является одним из ведущих и наиболее актуальных понятий сегодняшних социальных наук. При этом оно не полностью идентично более узкому и экономически ориентированному понятию «социальный менеджмент». Грамотное концептуальное обращение с понятием «социальное управление» предполагает его анализ в трех фундаментальных аспектах. Это функции социального управления; обозримое количество наиболее общих принципов этого процесса, из которых можно вывести все прочие его принципы; критерии управленческой эффективности.

ИНВАРИАНТНЫЙ НАБОР ФУНКЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Классический перечень инвариантных управленческих функций любой современной организации был сформулирован более тридцати лет назад Р. Томпсоном как результат обобщения большого числа исследований. Речь идет о следующих чертах организации:

а) *взаимодействие* (любой процесс целенаправленного формирования и дальнейшего поддержания социальных контактов);

б) *интеграция* (всестороннее «укрупнение» и объединение деятельности членов организации на разных уровнях, с разными векторами и задачами);

в) *предупреждение* сбоев, ошибок и нарушений в работе организации или системы, корректировка отклонений от поставленных перед организацией задач через включение «обратной связи»;

г) *информационная функция* (передача значимой информации без искажений, отсева и фильтрация незначимой информации и т.д.);

д) рациональное *распределение* ресурсов – как в соответствии с общей долгосрочной стратегией организации / системы, так и исходя из ситуативных краткосрочных требований [1].

Современные исследователи добавляют к этому списку целый ряд более специальных, служебных и детально прорисованных функций, а именно: управленческие инновациями; правовое регулирование; структурное регулирование; разрешение конфликтов на основе ценностного консенсуса (ценностное регулирование); регулирование отношений между организациями разных уровней; всестороннее стратегическое планирование деятельности организации; контроль за текучестью кадров; переговорные процессы; формулирование задач и долгосрочных векторов деятельности отдельных членов организации [2]. К этому списку также следует добавить целый комплекс взаимосвязанных функций: целеполагание; выработка мотивационных стратегий; принятие решений; подбор персонала; работа по согласованию целей и задач организационных подструктур; деятельность по рациональному учету результатов управления; анализ результатов.

Рассмотрение этих дополнительных функций поможет лучше различать (там, где это необходимо) универсальное понятие социального управления от понятия «социальный менеджмент», взятого на вооружение преимущественно западными исследователями. Согласно А.А. Иванову, «менеджмент составляет относительно небольшую часть социального управления, а гипертрафированное внимание к нему объясняется, главным образом, политическими мотивами, связанными с ожиданиями скорейшего перехода к рыночной экономике и демократии. Именно менеджмент, по мнению экономистов-рыночников, должен был обеспечить успех рыночным реформам» [3]. Однако, по мнению автора, профессиональные компетенции менеджеров-рыночников являются более узкими, чем те, которые сегодня требуются специалистам в области социального управления: многообразные навыки управления не только чисто экономическими институтами, но и общественными процессами и социальными подструктурами, и институтами на самых разных уровнях жизни современного общества.

Следовательно, менеджмент нельзя отождествлять с социальным управлением, поскольку он является составным элементом последнего и включен в него. Кроме того, управление политическими процессами также является социальным управлением, поэтому его нельзя отделять от государственного управления, помещая этот процесс как бы над государственной властью.

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Сам термин «принципы управления» следует датировать началом прошлого столетия. И само это понятие, и соответствующие теории своим возникновением обязаны экономической школе «научного менеджмента», которая связана прежде всего с именами Ф. Тейлора, Г. Форда, А. Файоля и Г. Эмерсона. Центр их исследовательского внимания был сосредоточен на научной организации труда. Научность в этом случае означала соответствие рационально организованного производственного процесса ряду принципов. Этими принципами являются оптимальность, эффективность, объективность, верификация, нормативность, комплексность, планируемость, мотивация и ответственность за ход и результаты трудового процесса.

Так, принципы оптимальности, эффективности и планируемости в сумме предполагают глубоко продуманную теоретическую и методологическую базу. Речь идет о целостной теории управления, которая вбирала бы в себя весь комплекс выводов и рекомендаций социальных, гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Такая теория, по замыслу родоначальников школы научного менеджмента, должна быть способна определять и предсказывать наиболее оптимальные способы внедрения научно-технических инноваций в управленческую сферу (речь прежде всего о новых информационных технологиях).

Принцип объективности, который стоит рассматривать отдельно, включает в себя такие элементы, как: изучение закономерностей и особенностей развития объекта управления в ходе достижения поставленных целей; реалистичную оценку всего, что имеет место в системе в настоящий момент; сведение к минимуму субъективных искажений восприятия значимой информации (т.е. предвзятых оценок, произвольных мнений и желаний: так называемое *wishful thinking*, т.е. мышление по схеме «выдавать желаемое за действительное»); минимизацию или даже полное устранение волюнтаристских элементов из процесса управления (преувеличение реальных возможностей и игнорирование объективных ограничений под влиянием «слепых пятен» (*blind spots*) недостаточно добросовестного менеджера).

Наконец, соблюдение принципа верификации получаемой информации (ее повторное сличение с реальным положением дел) выступает здесь как финальное условие успешности и эффективности всего процесса.

Именно А. Файоль стал первым ученым, попытавшимся сформулировать инвариантные и универсальные принципы администрирования, применимые независимо от специфики и особенностей той или иной конкретной сферы управленческой деятельности. Речь шла о таких принципах, как иерархия, разделение труда, корпоративный дух, авторитет, централизация, дисциплина, наличие единого управленческого центра (единоначалие), порядок, подчинение индивидуальных интересов общим, вознаграждение, постоянство должностей персонала, инициатива.

В целом в теории социального управления принято различать три вида принципов: общие (описывают всю систему управления в целом), специальные (описывают только отдельные ее сферы и сегменты) и частные (применимы только

по отношению к конкретным локальным процедурам внутри большой системы).

Авторитетные западные исследователи базовых структур социального менеджмента Г. Кунц и С. О'Доннел формулируют десять принципов, на которых основывается процесс планирования, пятнадцать принципов, лежащих в основе процесса организации, четырнадцать принципов выделяются в процессе контроля, и еще десять лежат в социально-психологической области мотивации управленческой деятельности [4]. Суммируя столь многомерную картину, мы вслед за этими исследователями должны говорить уже о сложных интегрированных принципах социального менеджмента, т.е. о таких, которые одновременно соединяют в себе сразу несколько разнородных принципов, фундамирующих любые управленческие процессы.

Как следствие мы получаем уже более крупные единицы анализа: пять комплексных групп («ядер») принципов, вокруг которых организуются все остальные: принцип целостной взаимозависимости между правами, обязанностями и мерой ответственности руководителей разных уровней и компетенций; требование оптимального баланса централизации и децентрализации управленческого процесса; необходимое условие адекватного сочетания единоначалия и коллегиальности в ходе принятия стратегически значимых управленческих решений; принцип справедливого распределения сил и разграничения властных полномочий; требование взаимосвязи между демократичностью и уровнем мотивации участников управленческого процесса [5].

«СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ» КАК КРИТЕРИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Поскольку социальное управление напрямую затрагивает экономические интересы участников управленческого процесса, при определении общей управленческой эффективности необходимо учитывать два разных, хотя и тесно взаимосвязанных способа оценки. Критерием чисто экономической эффективности традиционно считается *максимизация полезности при ограниченности ресурсов*. Иначе говоря, речь идет о получении максимального результата при максимально же возможной экономии затрат природных, трудовых и инвестиционных ресурсов. При этом предельно общей категорией, которой описывается мера экономии затрат в том или ином конкретном случае, является экономия времени (так называемый «закон экономии времени», сформулированный еще К. Марксом).

Однако социальная эффективность в большей степени выступает как результат социальной практики, нежели как предмет исключительно экономической деятельности. Поэтому в исследовательской литературе специфически социологической категорией принято считать *социальное время* – сложные качественные и количественные взаимосвязи времени человеческой жизни. При этом качественная определенность обусловлена такой категорией, как «качество жизни», т.е. степенью удовлетворенности человека теми условиями и обстоятельствами, которые эту жизнь организуют и выстраивают. Как следствие базовой характеристикой социальной эффективности следует считать *экономия социального времени*. Таким образом, мы можем сделать вывод,

что критерием эффективности социального управления выступает мера использования и экономии социального времени в самых разных областях общественной жизни.

Категория социального времени тесно переплетается с понятием *социальный капитал*. Отсюда возникает настоятельная исследовательская потребность определить и зафиксировать саму сущность социального капитала во всем ее отличии от других форм капитала: материального, финансового и так называемого человеческого капитала. Другими словами, экономия времени может рассматриваться как показатель повышения социальной эффективности только в том случае, когда она выражается в увеличении социального капитала общества, т.е. в повышении качества жизни людей.

В целом экономия социального времени проявляется в нескольких показателях. Согласно наиболее распространенной сегодня методике измерения качества жизни (методика программы развития ООН), данный показатель сводится к обобщенному индексу развития человеческого потенциала, который включает в себя три главных фактора: продолжительность жизни, уровень образования и объем ВВП на душу населения. Следовательно, наиболее важными показателями при таком подходе выступают человеческий и материальный капиталы, но не социальный капитал как отдельная и самодостаточная категория.

Согласно широко известной концепции Д. Коулмена, социальный капитал – это весь спектр ресурсов социальных отношений. Сюда включаются целые сети отношений, облегчающих взаимодействие людей друг с другом за счет выстраивания системы взаимного доверия, формулирования общих норм, соблюдения межличностных договоренностей и групповых соглашений. В другой не менее распространенной концепции – «теории символического капитала» – ее автор П. Бурдьё изображает социальный капитал как главный цивилизованный инструмент борьбы между индивидами за право обладания наибольшим количеством ресурсов – экономических, политических и культурных. Такой инструмент всегда погружен в среду многообразных социальных связей и применяется как средство получения привилегированного индивидуального статуса в той или иной сфере. Важными условиями доминирования в такой борьбе являются обладание финансовым капиталом, а также определенный уровень личных способностей, навыков, компетенций и знаний (т.е. все то, что составляет уже человеческий капитал) [6].

Однако в современной исследовательской литературе неоднократно отмечалась ограниченность обеих названных интерпретаций, а также производных от них теорий, в которых социальный капитал искусственно обособляется просто в качестве некоей части общего капитала индивида, социальной группы или общества. При таком подходе, если финансовый капитал локализован в банковских счетах, человеческий воплощен в сумме индивидуальных навыков и компетенций, то социальный капитал просто растворяется в самой структуре социальных отношений как что-то изначально ей присущее. Однако, по мнению современного отечественного исследователя Б.К. Злобина, при таком подходе социальный капитал сводится к простому «довеску» – к прочим главным

ресурсным возможностям индивида. Предотвратить такую концептуальную неопределенность автор предлагает с помощью различия между социальным капиталом как всеобщей формой капитала общества и социальным капиталом как таковым. «Собственно социальный капитал, в отличие от реального экономического капитала, непосредственно не является базисным общественным отношением. Но в своей интериоризации, внедряясь в видовую структуру совокупного капитала общества, собственно социальный капитал становится фактором социализации всех видов и форм капитала, обуславливающим эффективность социального устройства, социальной структуры и системы социального управления обществом... Эффект интериоризации собственно социального капитала в совокупный капитал и превращения последнего в социальный капитал общества зависит от того, насколько сбалансированы интересы социальных образований, на которые разделено общество, в какой мере в социальном управлении отражена необходимость повышения качества жизни людей, усиления заинтересованности трудящихся масс в эффективном приращении социального капитала» [7].

В этом случае усредненное качество жизни можно приравнять к доле валового внутреннего продукта на душу населения, что становится значимым при оценке совершенствования общественного устройства и эффективности социального управления. При этом список благ, исходя из которого определяется степень социального неравенства, является более или менее константным: экономические ресурсы (землевание, собственность на предприятия и рабочую силу); политические (общественные властные полномочия); социальные (доступ к статусным социальным связям и ассоциациям); престижные (категории имиджа и репутации, «честного имени», славы, уважения и общественного почета); этническая и религиозная чистота; человеческий капитал (жизненный опыт, мастерство, знания и способность к обучению, формальное образование); культурный капитал (особенности потребления, стиль общения, манеры, поведение в обществе, образ жизни).

В результате перед исследователем открываются перспективы детального описания разнообразных показателей качества жизни индивидов на основе их социальной атрибуции. Иначе говоря, речь может идти о раскрытии всего спектра параметров, характеризующих качество жизни в социологическом аспекте:

- параметры объема и качества экономических ресурсов, которые становится возможным классифицировать по собственникам, видам и размерам дохода (собственники природных ресурсов – рента; собственники предпринимательских способностей – предпринимательский доход; доход от капитала – собственность; собственники рабочей силы – заработная плата);
- параметры, связанные со способом получения социального капитала чиновников (власть, связи, управленческий опыт и др.);
- параметры интеллектуального капитала (прибыль, полученная в результате воплощения научных открытий и изобретений в социальную практику; доход от прав на интеллектуальную собственность);

- параметр квалификации рабочей силы и его соотношение с уровнем заработной платы;
- параметры здоровья и степени доступности здравоохранения.

Таким образом, экономический рост сам по себе еще не является достаточным критерием уровня социального развития, т.е. эффективности социального управления. В этом, в частности, легко убедиться, если обратить внимание на весьма симптоматичный факт современного капитализма: именно наиболее богатая часть общества зачастую получает непропорционально большие выгоды от экономического роста.

Также представляется важным зафиксировать отличие категории «социальный капитал» от уже упоминавшейся родственной ей (но не тождественной) категории «человеческий капитал». Последний представляет собой некую виртуальную величину, которая воплощена в отдельных людях, т.е. в индивидах как субъектах социального процесса. Человеческий капитал, собственно, и составляет своеобразную сумму этих величин, результирующую совокупного человеческого потенциала общества – от продолжительности жизни индивидов до их уровня образования. Однако то, что мы здесь называем социальным капиталом, – это более обобщенная характеристика. Это все тот же совокупный человеческий потенциал, но рассмотренный уже на более высоком уровне социально-философской абстракции. Речь идет уже о постоянном и неотъемлемом эффекте, который порождается любыми социальными отношениями внутри общества; социальный капитал – это функция от самой структуры социальных отношений во всем ее многообразии, включая, например, и культурный ресурс общества. Рассмотренные в общественном измерении, индивиды как носители человеческого капитала берутся уже как существа *первично и нередуцируемо социальные*, как то, что составляет сам субстрат общественных отношений.

С этой точки зрения, человеческий капитал – это частный случай социального капитала, но не наоборот.

В целом же отметим, что увеличение эффективности производства социального капитала и прирост качества жизни коррелируют с эффективностью социального управления лишь постольку, поскольку эти процессы выступают как следствия действительных управленческих решений, реализующих социально ориентированную политику государства. С этой точки зрения, главным субъектом социального управления может быть только государство – в том случае, если оно на деле воплощает в жизнь ценности *социального* государства.

Кроме того, принципиальное решение вопросов, связанных с повышением качества жизни, напрямую обусловлено уровнем научно-технических инноваций в сфере производства, т.е. созданием условий для качественного, производительного и высокооплачиваемого труда. С другой же стороны – и без противоречия с предыдущим тезисом – рост технологической составляющей труда никак не отменяет необходимости устранения перекосов в оплате труда, в том случае, когда эти перекосы складываются в результате властного (а вовсе не рыночного) перераспределения

национального богатства. В этой ситуации, как представляется, государство не должно идти на поводу у бизнеса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Менеджмент нельзя отождествлять с социальным управлением, поскольку он является составным элементом последнего и включен в него. Управление политическими процессами также является выражением социального управления, поэтому его нельзя отделять от государственного управления, помещая этот процесс как бы над государственной властью.

2. Специфика научной организации труда сводится к рационально структурированному производственному процессу, выстроенному по принципам оптимальности, эффективности, объективности, верификации, нормативности, комплексности, планируемости, мотивации и ответственности (согласно классическому подходу школы научного менеджмента).

3. В соответствии с теорией социального управления выделены три вида принципов: общие (описывают всю систему управления в целом), специальные (описывают только отдельные ее сферы и сегменты) и частные (применимые только по отношению к конкретным локальным процедурам внутри большой системы).

4. Критерием эффективности социального управления выступает мера использования и экономии социального времени. При этом в исследовательских целях не следует искусственно обособлять понятие «социальный капитал» в качестве некой части общего капитала индивида, социальной группы или общества.

5. Зафиксировано различие между понятиями «социальный капитал» и «человеческий капитал». Социальный капитал – это функция от самой структуры социальных

отношений во всем ее многообразии (включая, например, и культурный ресурс общества), человеческий же капитал – это частный случай социального, но не наоборот.

6. Экономический рост сам по себе еще не является достаточным критерием эффективности социального управления.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Andreev SS. Theory of social control. Subject and object of social management. *Social and humanitarian knowledge*. 2001;1:80-96. (In Russ.). [Андреев С.С. Теория социального управления. Субъект и объект социального управления. *Социально-гуманитарные знания*. 2001;1:80-96].
2. Anufriev EA. *The concept of "social" and the subject of social management*. In: Problems of Social Management. M., 1999. (In Russ.). [Ануфриев Е.А. Понятие «социальное» и предмет социального управления. В кн.: Проблемы социального управления. М., 1999].
3. Ivanov AA. Social management and social management. *Theory and Practice of Social Development*. 2005;1:42-44. (In Russ.). [Иванов А.А. Социальное управление и социальный менеджмент. *Теория и практика общественного развития*. 2005;1:42-44].
4. Koontz H, O'Donnell C. *Management: a systems and contingency analysis of managerial functions*. Trans. from English. M., 1985. (In Russ.). [Кунц Г., О'Доннел С. *Принципы управления: анализ управленческих функций*. Пер. с англ. М., 1985].
5. Minaeva OV. Principles of social management. *Bulletin of the International Institute of Economics and Law*. 2016;2(23):15-24. (In Russ.). [Минаева О.В. Принципы социального управления. *Вестник Международного института экономики и права*. 2016;2(23):15-24].
6. *Sociological Encyclopedia*. Vol. 2. M., 2003. (In Russ.). [Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003].
7. Zlobin BK. Efficiency of social management. *Sociology of Power*. 2007;5:5-13. (In Russ.). [Злобин Б.К. Эффективность социального управления. *Социология власти*. 2007;5:5-13].

■ Автор для переписки

Костерин Артем Андреевич
Адрес: Военный университет (кафедра социологии управления),
ул. Б. Садовая, 14, г. Москва, Россия, 123001.

■ Corresponding Author

Artem A. Kosterin
Address: Military University (Department of sociology of
management), 14 B. Sadovaya st., Moscow, Russia, 123001.

E-mail: kosterin.a1917@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Е.В. Листвина

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Для цитирования: Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: проблема ценностных ориентиров. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):41-43. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.41-43

■ Сведения об авторе

Листвина Е.В. – д-р филос. наук, профессор, заведующая кафедрой философии культуры и культурологии. ORCID: 0000-0003-2179-6477

E-mail: listvamer@yandex.ru

Рукопись получена: 13.06.2022

Рецензия получена: 08.07.2022

Решение о публикации: 19.07.2022

■ Аннотация

Цель – определение ценностных ориентиров в рамках концепта метамодерна. В статье отмечается, что после нескольких десятилетий постмодерна общество обращается к метамодернизму как к новой попытке уловить свое положение в постоянно варьирующемся настоящем, как к попытке быстрого реагирования на предложенные вызовы времени.

Рассмотрены основные черты метамодернизма, и на их основании предложена характеристика актуальных ценностных ориентиров, приходящих на смену модернистским установкам: признание ценности состояния «находиться между», ценностный приоритет чувства и ощущения, ориентация на глубинные смыслы, стремление к причастности к большой истории. Сделаны выводы о том, что метамодернизм предлагает новые варианты осмысления социального бытия и в их рамках выстраивание новой иерархии ценностных ориентиров.

■ **Ключевые слова:** ценности; ценностные ориентиры; социокультурная ситуация; метамодернизм.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

MODERN SOCIO-CULTURAL SITUATION: THE PROBLEM OF VALUE ORIENTATIONS

Evgeniya V. Listvina

Saratov State University (Saratov, Russia)

Citation: Listvina EV. Modern socio-cultural situation: the problem of value orientations. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):41-43. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.41-43

■ Information about author

Evgeniya V. Listvina – PhD, Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies. ORCID: 0000-0003-2179-6477

E-mail: listvamer@yandex.ru

Received: 13.06.2022

Revision Received: 08.07.2022

Accepted: 19.07.2022

■ Abstract

Aim – to identify value orientations within the concept of metamodernism. The article notes that after several decades of postmodernism, society turns to metamodernism as a new attempt to grasp its position in a constantly varying present, as an attempt to respond quickly to the proposed challenges of time.

The author considers main features of metamodernism, and on their basis offers a characteristic of current value orientations, replacing the modernist attitudes: recognition of the value of "to stay between", the value priority of feeling and sensation, orientation on deep meanings, the desire to be involved in the great history. We conclude that metamodernism offers new ways of comprehending social being and, within their framework, the construction of a new hierarchy of value orientations.

■ **Keywords:** values; value orientations; socio-cultural situation; metamodernism.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Специфика современной социокультурной ситуации состоит в обостренном внимании к проблеме ценностной ориентации участников современных социальных процессов. Любой исторический отрезок социального развития характеризуется потребностью в ценностных основаниях, которые могли бы способствовать обоснованию для общества актуальной картины мира. Но современный период выделяется повышенными требованиями к аксиологическому фундаменту. В нынешних условиях, по мнению Г. Люббе, сокращается темпоральное расстояние между прошлым и настоящим, но при этом прошлое быстрее становится все более отдаленным и малопонятным, плохо семантически считываемым [1:108]. Прошлое, таким образом, увеличивается, настоящее уменьшается, будущее воспринимается, с одной стороны, слишком детализированно (благодаря развивающимся технологиям), а с другой – слишком отстраненно, так как массовое общество больше ориентируется на тезис жизни «здесь и сейчас». В этих условиях человек нуждается в крепких основаниях своего ментального существования, как бы ему ни казалось, что это не так.

Каждая эпоха, каждый даже небольшой период существования общества требуют ценностных оснований, скрепляющих социокультурных моментов, дающих ощущение связи времен. Не случайно после нескольких десятилетий постмодерна, привлекая современников своими размытыми установками, нынешнее общество пришло к новому витку своего развития, которое характеризуется иными особенностями. В последнее время представители гуманитарно-го знания стали все активнее говорить о метамодернизме.

МЕТАМОДЕРНИЗМ КАК ОТВЕТ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОБЩЕСТВА

Метамодернизм явился откликом на стремительно меняющееся настоящее, которое определенное время воспринималось через призму постмодернистского скольжения. Скольжение наряду с другими характеристиками постмодерна, такими как отсутствие иерархичности, циничное отношение к жизни, ирония и скепсис, отказ от тотальности и стремление к разорванности, фрагментарности, интерпретативность, отрицание единого миропорядка, представление о мире как о большой инсталляции, стали настолько привычными

при восприятии реальности, что выглядят часто декларативно, как общее место. Однако нельзя сказать, что такая декларативность не оказывает воздействия на способы исследования современности. Напротив, можно предположить, что, продолжая жить в постмодернистской парадигме, мы пытаемся найти актуальные, адекватные средства для оценки действительности, в которой мы пребываем. И таким образом приходим к метамодернизму как к новой попытке уловить свое положение в постоянно варьирующемся настоящем, которая, понятно, не предлагается в качестве единственной и неоспоримой. В большей степени это попытка быстрого реагирования на предложенные вызовы времени, существующая наряду с другими версиями толкования современной эпохи.

Как и постмодернизм, который часто описывался как чувство, мироощущение, не поддающиеся жесткой схематизации, так и метамодернизм, по мнению авторов, заявивших о нем, является «структурой чувства», «восприятием, которое структурирует» [2]. «Онтологически метамодернизм раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множественностью, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью», отмечают Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер [2].

В какой-то мере метамодернизм становится ответом на «жизнь после оргии», утверждая возможность поиска смысла жизни после того, как этот поиск был объявлен законченным и несостоявшимся. Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер афористично обозначают фактически главную идею, суть метамодернизма, который «составлен из напряжения, нет, из двойного послания модернистского стремления к *смыслу* и постмодернистского сомнения в смысле всего этого» [2].

Постмодернистские десятилетия отказа от большой истории, большого нарратива, ценностной иерархии, раскрывающиеся на фоне нарастающей экологической катастрофы, террористических опасностей, локальных войн и нерешающихся социальных проблем, не смогли удовлетворить человечество предложенными интерпретациями. Видимо, это неизбежное явление, которое сопровождает смену поколений и исторических периодов, характеризующихся сменой социокультурных ориентиров.

В настоящее время мы наблюдаем этот процесс и одновременно являемся его участниками. Он имеет свои особенности, и проблема ценностей здесь занимает одно из важнейших мест. Л. Тернер отмечает, «что дискурс о сущности метамодернизма будет охватывать процесс возрождения искренности, надежды, романтизма, влечения и возврата к общим концепциям и универсальным истинам» [3]. Таким образом, стремление к универсальному, большому, всеохватному, которое могло бы удерживать вечно раскачивающийся маятник постоянных технологических, природных, социальных, культурных, человеческих колебаний, для самого человека необходимо, иначе чувство бездны полностью поглотило бы его и действительно привело бы к «концу истории». Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер считают, что метамодернизм означает глобальный выбор между прошлым и будущим, а не решения частных дилемм. Мы накопили

обширное прошлое, от которого не можем оторваться и полностью его забыть, уничтожить. При этом наступающее будущее требует новых подходов и ответов. И сегодняшним поколениям, для того чтобы формировать свое настоящее, приходится обживать узкий темпоральный «зазор», включаясь в это обживание во всей полноте антропологического переживания. Метамодернизм фокусирует на этом особое внимание, откликаясь на запрос времени.

Можно согласиться с М.С. Гусельцевой в ее утверждении, что «философские и общегуманитарные концепции, новые движения искусства являются той оптикой, которая помогает отследить неочевидные трансформации нашей повседневности» [4:335]. Для этого необходимы ценностные ориентиры, к которым сейчас социум испытывает усиливающийся интерес. Как отмечала поэтесса О. Седакова, еще на рубеже XX-XXI вв. ощущалась «тоска по образу, по символу, тоска по этике, по прямому и сильному высказыванию» [5:336]. К началу 2020-х гг. это становится все более выраженным. Отсюда – возрастающее значение ценностей и ценностных ориентиров как для всего общества, так и для отдельных личностей. Постмодернистское отрицание целей и ценностей создало слишком неустойчивые параметры жизни для отдельного человека, который нуждается в определенных рамках и ценностной опоре в любой период существования общества, и в период, когда все слишком быстро меняется, ему это, возможно, еще нужнее.

Ценности, являющиеся каркасом, на которых выстраивается социальное и личностное пространство, могут оказывать фундирующим звеном – тем звеном, благодаря которому можно строить и сохранять, транслировать социальные, ментальные стержневые основания бытия. Деструктивность ряда положений постмодерна потеряла свою остроту и воспринимается в настоящее время сквозь призму ряда реальных событий, слишком жестких для постмодернистской игры в деструктивность. В то же время актуализируются такие состояния индивида, которые Р. Уильямс обозначил термином «структура чувств», делающим акцент на непротиворечивости мысли и чувства, находящихся в процессе взаимного освоения и переплетения [6]. Такое состояние неизбежно приводит социум к необходимости определения ценностных ориентиров, так как современный человек обостренно нуждается в смыслах своего существования, мотивированности своих действий. Размытая и подвижная реальность подталкивает к поиску темпоральной преемственности, выстраивания причинно-следственных связей в калейдоскопической социокультурной картине и определению личностного и социального вектора развития.

Условимся под ценностью понимать одну из важнейших универсалий, характеризующую, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта или явления действительности в отвлечении от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную (оценочную) сторону явлений общественного сознания (субъектные ценности) [7]. Из этого вытекает обозначение ценностных ориентиров, которые можно определить как воспроизведение стратегически важных жизненных целей и мировоззренческих установок, которые оказывают глубинное

влияние на поведение и действия индивида. Это то, что выражает основную направленность личности и проявляется в ее манифестации как активной социальной единицы.

После нескольких десятилетий признания постмодернистского хаоса и флуктуирующего пребывания «в моменте», метамодернизм пытается ухватить это колебание и придать ему смысл. Так, в «Манифесте метамодернизма» утверждается, что «колебания – естественный миропорядок», и это положение становится отправной точкой для всей дальнейшей социальной и индивидуальной деятельности [8]. Метамодернизм предоставляет свое пространство для формирования ценностных площадок.

ВЫВОДЫ

Что же можно отметить в качестве специфики метамодерна в создании ценностных ориентиров нынешнего дня? Во-первых, это признание ценности состояния «находиться между». Если раньше промежуточное положение воспринималось как незавершенное, незначительное, краткое по времени, которое нужно быстро пройти и оказаться в финальной точке, то теперь оно становится чуть ли не краеугольным. Оно утверждает «возможность одновременного восприятия и разыгрывания событий с множества позиций» [8]. Последние несколько лет наглядно продемонстрировали мировому сообществу, что мы практически каждый год открывали новые варианты существования (яркий пример – феномен пандемии COVID-19), поэтому находиться между эпохами вполне реально и, более того, пожалуй, это единственное наше подлинное состояние. Подлинное в том смысле, что жизнь социума и индивида заключается в непрерывном потоке, в смене событий, ситуаций. И если воспринять эти метаморфозы как основу, то они-то как раз и создают фундамент для социального существования, как течение воды создает плотное пространство реки.

Во-вторых, это ценностный приоритет чувства и ощущения (вспомним «структуру чувств» Р. Уильямса и Д. Урри и синкретическое восприятие мысли и чувства, человека и тех сообществ, в рамках которых он реализуется и существует). Все это создает сложную чувственно-эмоциональную взаимосвязанность сетевой природы, такой близкой и естественной для молодых поколений начала XXI века, выдвигающей значимость переживания как ценностного ориентира. Структура чувств соединяет в себе нерационализированное, несистематизированное нечто, имеющееся в несформулированном потенциале, но при этом оказывающее влияние на коммуникации, поступки, программы деятельности.

В-третьих, это ориентация на глубинные смыслы вопреки постулированному постмодерному скольжению по поверхности. П.Е. Спиваковский предлагает перевести термин, предложенный авторами «Заметок о метамодернизме», как *глубиноподобие*. Он делает акцент на том, что это не серьезная глубина предшествующих концепций, которые стремились представить свое видение в развернутой полноте

[9:207], а *признание* глубины бытия, но не претензия на ее обживание и разъяснение. Однако наличие глубины усиливает значительность любого действия, ощущение ее присутствия придает вес и усиливает социальную ответственность.

В-четвертых, ценностный ориентир, связанный с причастностью к большой истории. Трудно сказать, будет ли возвращение большого нарратива, но стремление к ощущению себя в чем-то большем, чем собственная индивидуальная история, захватывает молодые поколения. Они начинают тяготеть к тому, что может в метамодерне называться большим мифом, чтобы почувствовать себя звеном в исторической перспективе, включаясь, например, в традицию разными способами – либо принимая правила этнических, религиозных традиций, либо конструируя их сообразно требованиям и правилам общепризнанных и доминирующих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно отметить, что современный этап развития общества предлагает новые варианты осмысления социального бытия и вместе с тем отмечает необходимость новых акцентов и ценностных ориентиров для освоения данного этапа.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Lyubbe G. Keeping up with the times: About reducing our stay in the present. *Voprosy filosofii*. 1994;(4):94-113. (In Russ.). [Люббе Г. В ногу со временем: О сокращении нашего пребывания в настоящем. *Вопросы философии*. 1994;4:94-113].
2. Vermuylen T, van den Akker R. Misunderstandings and clarifications. [Internet]. *Notes on "Notes on Metamodernism"*. (In Russ.). [Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Недопонимания и уточнения [Электронный ресурс]. *Заметки о «Заметках о метамодернизме»*. Available et: <https://metamodernism.ru/misunderstandings-and-clarifications>. Accessed: 25.01.2022.
3. Turner L. Metamodernism: A Brief Introduction [Internet]. *Metamodern*. (In Russ.). [Тернер Л. Метамодернизм: краткое введение]. Available et: <http://metamodernism.ru/briefintroduction> Accessed: 25.01.2022.
4. Guseleva MS. Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes of subjectivity. *Vestnik of St Petersburg University. Psychology*. 2018;8(4):327-340. (In Russ.). [Гусельцева М.С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018;8(4):327-340].
5. Sedakova OA. *Moralia*. М., 2010. (In Russ.). [Седакова О.А. *Moralia*. М., 2010].
6. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford, New York, 1977.
7. Shohin VK, Abushenko VL. Value. *Humanitarian portal*. [Internet]. (In Russ.). [Шохин В.К., Абушенко В.Л. Ценность. *Гуманитарный портал*]. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6895> Accessed: 09.03.2022.
8. Manifesto of metamodernism [Internet]. (In Russ.). [Манифест метамодернизма]. Available et: <https://web.archive.org/web/20160429115624/http://www.metamodernism.su>. Accessed: 25.01.2022.
9. Spivakovskiy PE. Metamodernism: contours of depth. *Moscow University Philology Bulletin*. 2018;4:196-211. (In Russ.). [Спиваковский П.Е. Метамодернизм: контуры глубины. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2018;4:196-211].

■ Автор для переписки

Листвина Евгения Викторовна
Адрес: ул. Рабочая, 4/6, кв. 49, г. Саратов, Россия, 410028.

E-mail: listvamer@yandex.ru

■ Corresponding Author

Evgeniya V. Listvina
Address: apt. 49, 4/6 Rabochaya st., Saratov, Russia, 410028.

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ

И.В. Степанов^{1, 2}

¹ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

²ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России (Самара, Россия)

Для цитирования: Степанов И.В. **Российская военная теория первой половины XX века: попытки создания философии войны.** *Аспирантский вестник Поволжья.* 2022;22(3):44-49. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.44-49

■ Сведения об авторе

Степанов И.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Института инженерного, экономического и гуманитарного образования; доцент кафедры философии и культурологии Института социального, гуманитарного и цифрового развития медицины. E-mail: stivan1981@mail.ru

Рукопись получена: 30.05.2022

Рецензия получена: 15.06.2022

Решение о публикации: 04.07.2022

■ Аннотация

В современном мире проблематика войны приобретает особую актуальность, требуя философского осмысления. В рамках российской военной теории XX века уже предпринимались попытки по созданию философии войны. Эти усилия были направлены на синтез философского и военно-теоретического знания.

Цель – анализ концепций А.А. Керсновского, Н.Н. Головина и А.Е. Снесарева для выявления теоретических оснований и задач философии войны в работах указанных авторов.

Выводы. В творчестве А.А. Керсновского философия войны становится национальной теологией войны, в работах Н.Н. Головина философия войны преобразуется в социологию войны, в трудах А.Е. Снесарева философия войны понимается как нравственный и научный синтез военной проблематики.

■ **Ключевые слова:** война; военная теория; философия войны.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

RUSSIAN MILITARY THEORY OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: ATTEMPTS TO CREATE A PHILOSOPHY OF WAR

Ivan V. Stepanov^{1, 2}

¹Samara State Technical University (Samara, Russia)

²Samara State Medical University (Samara, Russia)

Citation: Stepanov I.V. **Russian military theory of the first half of the XX century: Attempts to create a philosophy of war.** *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya.* 2022;22(3):44-49. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.44-49

■ Information about author

Ivan V. Stepanov – PhD, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences of the Institute of Engineering, Economic and Humanitarian Education; Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology of the Institute of Social, Humanitarian and Digital Development of Medicine. E-mail: stivan1981@mail.ru

Received: 30.05.2022

Revision Received: 15.06.2022

Accepted: 04.07.2022

■ Abstract

In the modern world, the problems of war are becoming particularly relevant, requiring philosophical reflection. Within the framework of the Russian military theory of the XX century, attempts have already been made to create a philosophy of war. These attempts were aimed at the synthesis of philosophical and military-theoretical knowledge.

Aim – to analyze the concepts of A.A. Kersnovsky, N.N. Golovin and A.E. Snesarev in order to identify the theoretical foundations and tasks of the philosophy of war in the works of these authors.

Conclusion. In the works of A.A. Kersnovsky, the philosophy of war becomes the national theology of war, in the works of N.N. Golovin, the philosophy of war is transformed into the sociology of war, in the works of A.E. Snesarev, the philosophy of war is understood as a moral and scientific synthesis of military issues.

■ **Keywords:** war; military theory; philosophy of war.

■ **Conflict of interest:** *nothing to disclose.*

АКТУАЛЬНОСТЬ

Западный и российский дискурсы сегодня выстраиваются вокруг военных действий на Украине. Эти действия, выходящие за рамки противостояния армий и политических институтов, уже приобрели масштабы бескомпромиссного мировоззренческого конфликта. Актуализация военной тематики требует обращения к попыткам формирования философии войны как особого раздела философии, сосредоточенного вокруг проблемы выявления фундаментальных оснований войны. До сих пор такие попытки

предпринимались преимущественно не философами, а военными теоретиками. Именно к опыту российской военной теории первой половины XX века мы обратимся в настоящем исследовании.

Теоретическим и методологическим основанием анализа выступает теория «языковых игр» Людвиг Витгенштейна. Обратившись к трудам российских военных теоретиков А.А. Керсновского, Н.Н. Головина и А.Е. Снесарева, мы попытаемся прояснить значения словосочетания «философия войны».

«ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ» КЕРСНОВСКОГО

Главный труд А.А. Керсновского «Философия войны» издавался с 1932 по 1939 год в эмигрантском журнале «Царский вестник». Несмотря на заглавие, слово «философия» в этой работе используется крайне редко. Из предисловия мы узнаем, что автор говорит, в первую очередь, о необходимости создания русской военной доктрины: «Строки эти представляют сильную и поэтому скромную лепту в наше общее великое дело – возрождение нашей национальной доктрины, а тем самым и военной доктрины, составляющей одно нераздельное целое с национальной – одну из многочисленных ее граней» [1:28]. По Керсновскому, любая доктрина как фундамент военного дела является синтезом военной науки и военного искусства: «Рациональная, вещественная часть военного дела – достояние военной науки. Иррациональная, духовная – достояние военного искусства. Смотреть телесными глазами может каждый зрячий человек – смотреть и видеть духовными очами дано не всякому» [1:47]. В качестве теоретической основы духовности выдвигаются положения «богословской науки» (именно такой термин использует автор в главе «О природе войны»), опирающиеся на выборочные тексты Библии, в которых допускается ведение справедливой войны.

Из двух составляющих военного дела искусству принадлежит первое место. Главным сегментом военного (и любого другого) искусства русский теоретик считает национальную составляющую: «Национальность является характернейшим его признаком, его, так сказать, “букетом”, квинтэссенцией – все равно, будет ли речь идти о военном искусстве, литературе или живописи. Отвлеченного интернационального “междупланетного” искусства не существует» [1:51].

Сложнее у Керсновского обстоит дело с определением критериев научности вообще и военной науки в частности: «Математика, физика, химия, медицина – науки объективные, равно как и догматическая часть философии. И француз, и немец, и коммунист, и монархист одинаково опишут теорему Пифагора. Науки социальные – эмпирическая часть философии, история, социология, право – наоборот, субъективны, ибо занимаются исследованием явлений жизни и выводом законов их развития. Француз и русский, одинаково формулируя теорему Пифагора, совершенно по-разному опишут кампанию 1812 года... Военная наука относится к категории социальных наук, она, стало быть, национальна и субъективна. Ее обычно считают частью социологии, что, по нашему скромному мнению, совершенно ошибочно. Военная наука является сама в себе социологией, заключая весь комплекс, всю совокупность социальных дисциплин, но это – патологическая социология» [1:52].

Во всем этом хаосе употребления терминов разобраться достаточно сложно. Во-первых, совершенно неясно, какой статус Керсновский придает философии. Это лишь одна из наук? Или же это область междисциплинарного научного знания, синтезирующая данные естественных наук в догматической части с данными социальных наук в эмпирической части? Каково, в таком случае, различие между эмпирической частью философии войны и социологией

войны? Во-вторых, непонятно, в каком отношении к науке и искусству состоит «богословская наука». Является ли именно она методологическим фундаментом любого знания? Или речь идет о русском национальном способе получения знания? В-третьих, в чем вообще заключается смысл терминов «рациональность» и «иррациональность», если естественные, социальные и, видимо, богословские науки носят столь различный характер? В-четвертых, каким образом соотносятся методы социологии и военной науки? Если последняя является социологией на военном положении, значит ли это, что исследовательские принципы обычной социологии перестают работать во время войн?

Используя в качестве основы анализа методологию Витгенштейна, можно прийти к следующим выводам. Керсновский пытается употреблением слов «богословская наука», «иррациональность», «национальность», «военное искусство», «субъективность» подчеркнуть сакральный, не подлежащий критике статус фундамента своей теории. Используя слова «объективность», «рациональность», «военная наука», русский мыслитель связывает свою теорию со сциентистской традицией Нового времени. Термины «социальные науки» и «философия» употребляются одновременно в обоих контекстах, теологическом и сциентистском, что и является основным источником концептуальной путаницы. Поскольку второй термин используется гораздо реже, концептуальная путаница проявляется менее отчетливо. Этим, вероятно, объясняется выбор наименования «философия войны» в качестве компромиссного варианта между религиозно-националистическими основаниями теории и данью научной объективности. Однако концептуальный хаос мог бы быть уменьшен, если бы Керсновский употребил название, прямо указывающее на характер его теории, например, «Основы русской национальной военной доктрины».

«ФИЛОСОФИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА» ГОЛОВИНА

В ранних трудах Н.Н. Головина часто встречается словосочетание «философия военного искусства». Однако понять, что автор имеет в виду, довольно сложно. Вот что он пишет в одной из первых серьезных работ «Французская высшая военная школа» по поводу реформы высшего военного образования в России: «Из всей теории военного искусства нужно выделить курс наивысшего обобщения. Этот курс составит то, что генерал Леер называет стратегией, – философия военного искусства. Этот курс обнимает, с одной стороны, чистую науку о войне, то есть изучение войны как явление общественной жизни, с другой стороны, будет содержать в себе философию военного искусства. Таким образом, этот курс будет до некоторой степени соответствовать тому, что у нас ныне в программе называется принципиальной стратегией» [2:61]. Уже здесь «философия военного искусства» трактуется то как синоним «высшего учения о войне», то лишь как часть этого учения, отличного от «чистой науки о войне». В свою очередь это словосочетание тоже используется в качестве синонима «высшего учения о войне».

В общем, употребление терминов «философия» и «чистая наука» одновременно в двух контекстах только создает дополнительные проблемы для понимания.

В статье «История военного искусства как наука» Головин вводит следующий принцип дифференциации между военной историей, историей военного искусства и стратегией: «Первая стремится установить событие какой-нибудь войны или даже периода войн в их хронологическом порядке и выяснить их взаимоотношения и причинную связь. Таким образом, для военной истории необходимо более или менее полное и хронологическое исследование событий войны. История военного искусства рассматривает военные события с более общей, философской, точки зрения; ей не столько важно хронологическое расположение событий, как должна это делать военная история... Обстановка рассматривается военной историей в ограниченных рамках. Общие социальные факторы большей частью ею пропускаются. У военной истории не может быть того широкого размаха, того философского взгляда, который должен быть присущ истории военного искусства. Другая наука, с которой история военного искусства очень тесно связана, – это стратегия, понимаемая в смысле науки, изучающей войну как явление общественной жизни. История военного искусства заимствует из стратегии законы, которые эта наука установила для явлений войны. Правда, нельзя тут не заметить, что в этом отношении сделано очень мало. Если стратегия как теория военного искусства уже в значительной степени разработана, то как чистая наука о войне, как один из отделов социологии она находится в младенческом состоянии» [2:130-132]. Здесь «философия военного искусства» употребляется как синоним «истории военного искусства». Задачей «философии военного искусства» служат широкие социальные обобщения, но при этом она отличается от социологии войны как чистой науки о войне, призванной выявлять социальные закономерности в области военных действий. Социология войны, в свою очередь, рассматривается как часть стратегии, отличная от военной теории. Сразу же возникает вопрос: если история (философия) военного искусства заимствует из стратегии законы, то что служит эмпирическим материалом для этих обобщений? Вероятно, данные военной истории. Но тогда как понимать смысл фразы: «История военного искусства есть высшее обобщение военной истории – ее философия» [2:132]. В чем, в конце концов, состоят различия между «философией военного искусства» и «социологией»? Возникает впечатление, что первая выступает лишь в качестве комплекса социологических методов применительно к данным исторической науки.

В основе концептуальной путаницы, возникающей при употреблении слова «философия», лежат противоречия, которыми вообще отмечены подходы, базирующиеся на слишком глубокой вере в возможности классического позитивизма. «Философия» у Головина обобщает данные, касающиеся всех сфер военной деятельности. Но ту же самую функцию выполняет социология войны, рассматриваемая как часть общей социологии. Подобно тому, как Кант, первоначально отводивший философии лишь

роль «уборщика» пережитков теологии и метафизики, мучительно искал этому термину место в границах позитивистского мировоззрения, так и Головин пытается увязать метафизические коннотации философии с современными ему представлениями о критериях социальных наук.

В конечном счете Головин, продолжая действовать в духе идей Френсиса Бэкона, Огюста Конта, Джона Стюарта Милля, Вильфредо Парето и Питирима Сорокина, с которым был знаком лично, разрубил концептуальный узел при помощи радикальных шагов, направленных в сторону эмпирико-позитивистской парадигмы.

Основному труду «Наука о войне», вышедшему в 1938 году в Париже, Головин дал подзаголовок «О социологическом изучении войны». Уже в первой главе, опираясь на «Новый Органон», Головин пытался соотнести уровень научной разработанности проблем войны, достигнутый к концу 30-х годов, с тем, что Френсис Бэкон называл «естественным состоянием наук». Согласно Бэкону, подобное состояние характерно для такой науки, которая соотносит свои требования, главным образом, с требованиями повседневной практики, имея дело лишь с «непосредственно полезным опытом». Для того чтобы наука вышла из «естественного состояния», она должна стать отраслью теоретического знания, четко определившей свои границы, переключив внимание на «опыт, проливающий свет». Продолжая выводы Бэкона и Милля, Головин говорит о том, что «всякая наука переживает три фазиса развития: сбор материалов; систематизация, выработка методов и исследование; предсказания» [2:41].

Русский мыслитель убежден, что современная ему наука о войне не разрабатывает метода, но при этом произвольно систематизирует материал и переходит к предсказаниям, нарушая тем самым логику научного исследования. Главную причину подобного состояния Головин усматривает в том, что под «наукой о войне» понимается лишь раскрытие стратегической составляющей военных действий. В итоге, за редкими исключениями, не ставится вопрос: что такое война?

Пытаясь показать недостатки военно-теоретического знания XIX – начала XX века, российский теоретик использует излюбленный позитивистский прием – сравнивает современные ему стратегические концепции со схоластикой: «История развития наук показывает, что каждый раз, когда человеческий ум сосредоточивает все свое внимание на форме, а не на сущности, появляется схоластическое направление. В особенности резко это можно заметить в средние века в философии: тенденция и метод, преобладающие тогда, – диалектика. Рассуждают, аргументируют, делают бесконечные выводы, не проверяя принципов, которые стоят выше всякого анализа, так как сущность идей определялась догматом; мышление могло быть свободно только в методах объяснения и применения» [2:34].

Рассуждая о проблемах научного языка, Головин приходит к выводу, что термин «правило» плохо отражает суть открытий, которые могут быть сделаны наукой, в том числе и наукой социологической. Когда говорят о правилах, то неосознанно подразумевают два разных явления – закон и принцип. Принцип следует рассматривать в качестве

частного случая закона. Первый шаг для формирования науки о войне должен заключаться в том, чтобы определить рамки проблематики социологии войны областью законов, оставив теории военного искусства выработку принципов: «Ввиду того, что явления войны подчиняются известной закономерности, наука о войне (социология войны) будет стремиться к открытию законов. Между тем наука о ведении войны (теория военного искусства) даже при самых широких обобщениях может свести таковые лишь к принципам» [2:33-34].

Стремление к классификации знания, характерное для позитивизма, подвигает российского теоретика разделить социологию войны на две дисциплины частного характера – военную психологию и военную статистику. Однако эти две части неразрывно связаны друг с другом, выражая закономерность количественно-качественных изменений. Военная статистика должна заниматься количественной составляющей: «На первом месте среди этих методов нужно поставить метод статистический, позволяющий применять количественное измерение многих из качественных изменений, происходящих внутри общества. Отыскивая при помощи этого метода проявление закона большого числа, исследование получает возможность выяснить объективный ход социальных явлений» [2:94].

Природу военной психологии Головин считает более сложной, нежели природу статистики, поскольку первая рассматривает человека не как функциональную единицу, но как индивида, обладающего внутренним, неповторимым миром. Для того чтобы психология стала положительным знанием применительно к процессам, протекающим в сознании индивида, вовлеченного в вооруженный конфликт, следует выделить в качестве отдельных дисциплин индивидуальную и коллективную психологию: «Первая уделит большое внимание психоанализу, иначе говоря, “качественной” стороне наблюдаемого явления; коллективная же психология, в особенности в ее части, изучающей “социальную психологию”, может уделить большое внимание “количественному измерению изучаемого явления”. Имея дело не с отдельными индивидуумами, а с их массой, она может широко использовать метод статистический и при помощи последнего чаще, чем в индивидуальной психологии, находить выявления “закона большого числа» [2:92]. Военная статистика у Головина подчиняется военной психологии, что становится ясно из той роли, которую российский теоретик отводит коллективной психологии. Именно она переводит качественные изменения в количественные и наоборот.

Очевидно, что последовательная социологизация постановки проблемы создания «науки о войне» делает для русского теоретика использование слова «философия» излишним. Термин «философия» у позднего Головина становится синонимом схоластики.

«ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ» Снесарева

Значительная попытка по сближению философской и военно-теоретической проблематики была предпринята знаменитым русским военным мыслителем А.Е. Снесаревым. В основу его главного труда «Философия войны» лег курс лекций, прочитанный слушателям Академии

Генштаба Красной Армии, начальником которой Снесарев состоял в 1919–1921 годах. Хотя в этой работе концептуальная путаница проявляется местами достаточно заметно, в целом попытку Снесарева можно назвать наиболее удачной.

Прежде всего, у Снесарева, в отличие от Керсновского и в меньшей степени от Головина, отсутствует стремление механически употреблять слово «философия» просто как синоним военно-теоретических обобщений, отрывая его от исторического контекста развития философской мысли в целом. Напротив, «Философия войны» начинается с анализа тех значений, которые придавали этому термину досократики, классические греческие философы, классические немецкие философы и позитивисты. В процессе этого анализа Снесарев приходит к выводу, что основной задачей любого мыслителя является разрешение вопроса о соотношении «спекулятивного» (философского) и «практического» (научного) способа познания путем преодоления отчуждения между трансценденталистской и эмпирико-сциентистской линиями. Именно это отчуждение не позволяет состояться «философии войны» ни как разделу военно-теоретического, ни как разделу философского знания, ведь «...философия в своих построениях слабо подпитывается снизу, не сдерживается земными ограничениями и увлекается в область спекулятивных фантазирования, а науки, не объединенные и не облагоустроенные философско-этическим началом, разбрасываются по техническим мелочам и треплются на рынке минутных человеческих настрояний» [3:51].

Для Снесарева гносеологический аспект играет главную роль при выявлении точек соприкосновения науки и философии: «Философия имеет с наукой то общее, что она есть познание; с наукой она имеет общей точкой отправления рассудочное понимание действительности, то есть, говоря просто, она наука. Но в чем они могут расходиться?.. Если наука может отказаться от спекулятивного способа мышления и это, может быть, не помешает ей ни в ее чисто научных, ни тем более практических достижениях, то философия не может отказаться от этого орудия мысли, каким бы клеймом презрения оно в новейшее время ни было опозорено. Что касается до содержания, то всегда остается ряд вопросов, которые не исследуются ни одной из специальных наук; например, о методе и содержании таких понятий, как *бытие, причинность, сверхсознательная реальность души и внешнего мира*, а между тем философия мимо их пройти не может, и, включая эти темы в область посильных решений, философия неминуемо отойдет от науки своим содержанием» [3:48-50]. В представленном отрывке может смутить употребление термина «рассудочное понимание действительности». Возможно, Снесарев таким образом пытался передать кантовский смысл «критического отношения к познанию».

Русский теоретик осознавал, что понимание философии как науки требует развернутого объяснения и одним указанием на общее качество – «жажду познания» – здесь отделаться не удастся: «Так или иначе, но существующее некогда совпадение философии и науки утеряно, почему в настоящее время отождествление философии с наукой

может быть понимаемо в тройном смысле: или так, что термин «философия» есть не что иное, как собирательный термин множества наук; или так, что философия есть общая наука, обнимающая своими положениями частные науки; или, наконец, в смысле тождества идеи философии и науки, фактическое осуществление которого есть конечная цель их развития. Первый взгляд уже совершенно изжит историей, и его следы мы видим в узком понимании философии как науки, в которую входят метафизика, теория познания и этика» [3:50]. Далее следует аргументация, направленная против крайнего сциентизма (второго способа понимания философии как науки), смысл которого сводится к повторению указания на характер некоторых проблем, которыми ни одна частная наука не занимается, после чего автор присоединяется к третьему варианту: «Наука по идее своей едина; специализация науки есть лишь последствие вполне законного, по ограниченности человеческих способностей, разделения умственного труда. Поскольку, однако, такое разделение, хотя бы по вполне законным основаниям, фактически существует, единство науки – пусть внешне только – нарушается. Противовесом такому единству служит философия, которая твердо стоит на идее единства науки. Осуществляет философия эту идею не через формальное, внешнее энциклопедическое сочетание наук. Которое как таковое не вносит в них никакой внутренней связности, но через систематическое подведение всей области познания под единство основоначала» [3:50-51].

Все философские идеи Снесарев делит на четыре категории: 1) трансцендентные идеи (в принципе не поддающиеся восприятию в опыте); 2) идеи, занимающие промежуточное место между априорным и апостериорным исследованием (идеи, «для которых дорога опыта еще не намечена»); 3) общечеловеческие идеи (идеи, для изучения которых специальные науки не обладают достаточным методологическим масштабом); 4) идеи, связанные с общими вопросами классификации, структуры и методологии наук [3:52].

Эти рассуждения отражают стремление русского мыслителя найти средний путь между метафизическими и позитивистскими тенденциями при явной склонности к априоризму. Не менее ярко эта склонность проявляется в той части «Философии войны», которая касается принципов систематизации философского знания: «Все возможные исследования могут быть подведены под три точки зрения: они касаются или природы мира (природы действительного, *реального*), или формы познания (*объем, границы, достоверность человеческого познания*), или поставленных человеческой деятельностью задач (*познание ценностей или благ*)» [3:42-43]. И сразу возникает вопрос: чем эти представления принципиально отличаются от «первого взгляда» на соотношение науки и философии (см. выше), по мнению Снесарева, совершенно «себя изжившего»? Здесь мы имеем дело с одним из узлов концептуальной путаницы, который завязывается еще туже при привлечении материала, касающегося конкретного места «философии войны» в системе наук.

Это место русский мыслитель пытается определить через позицию вынужденного компромисса, вызванного разрывом между наукой и философией: «Как исход из этого

тягостного положения и как средство заполнить указанный выше разрыв история наук выдвинула на сцену ряд дисциплин, занимающих среднее промежуточное место между философией и наукой. Такими дисциплинами являются философия права, истории, математики, естественных наук и т.д., и, наконец, занимающая нас философия войны [3:51-52]. Сообразно со сказанным мы можем дать нашему предмету такое определение: *философия войны есть научно переработанное или обнаученное военное миро-созерцание*» [3:56]. Но в то же самое время Снесарев отвергает подход, представленный в ранних работах Головина, в котором предполагались все обобщения, касающиеся проблем войны и мира, объединить в рамках одной дисциплины: «Нельзя в функции одной дисциплины вводить и данные высокого научного обобщения, и общую доктрину приложения принципов к жизни, то есть во втором случае обобщенное военное искусство: слишком различны эти функции, различные приемы и, скажу даже, различна психика этих двух углов зрения. Есть и возможна философия математики, медицины и т.д., но трудно себе представить философию математического творчества или философию врачевания людей...» [3:63]. Однако вышеприведенная и во многом конструктивная критика «философии военного искусства» (понятие, от которого сам Головин постепенно отказался) только запутывает позицию самого Снесарева в решении вопроса о соотношении роли априорного и апостериорного знания в «философии войны». Получается, что попытка отождествления науки и философии в позитивистском русле является концептуальной ошибкой, а попытка их сближения в русле традиций немецкой классики остается недостижимым идеалом, и потому следует довольствоваться промежуточным результатом?

Представляется, что главным источником концептуальной путаницы служит неопределенность терминов «познание» и «целеполагание», вызванная отсутствием при их употреблении сравнительных конструкций. Например, Снесарев мог попытаться объяснить, чем познание отличается от веры. Или же, скорее, само употребление слова «вера» в религиозном контексте стало бы средством демаркации между религиозно-мистическим и научно-философским способом получения данных.

Согласно Снесареву, конечная цель развития науки и философии состоит в стремлении к доказательному познанию всех явлений, с одной стороны, и выработке системы всеобщих морально-нравственных ценностей, с другой: «Содержание философии: 1) существо войны; 2) основные идеи, с этим существом связанные; 3) пути к познанию войны и 4) наука о войне в целом и ее классификация. Все вытекающие из этих четырех рубрик темы рассматриваются в философии войны с точки зрения общечеловеческой, нравственной, практически-неизбежной и проверочно-познавательной. Конечной целью философии войны будет сведение к нравственно-научному синтезу всех понятий о войне и присоединение этого синтеза как слагаемого к сумме других научных обобщений, объединяемых общей философией» [3:55]. Подобная трактовка объясняется апелляцией к Канту и Соловьеву, которые для Снесарева остаются главными авторитетами в области философии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские военные теоретики первой половины XX века используют термин «философия войны» в трех разных значениях. У А.А. Керсновского философия войны выступает в качестве религиозного фундамента национальной военной доктрины. У Н.Н. Головина философия войны представляет собой критическую работу, призванную устранить из знания о войне все умозрительные спекуляции и расчистить пространство для социологии войны. У А.Е. Снесарева философия войны понимается как нравственно-научный синтез понятий о войне.

На наш взгляд, при явной ограниченности указанных подходов и концептуальной путанице, демонстрируемой российскими военными теоретиками, именно подход

А.Е. Снесарева является наиболее продуктивным. Он позволяет, с одной стороны, критически дистанцироваться от идеологии, а с другой стороны, требует от философа выработки определенной нравственной позиции в отношении такого сложного явления, как война.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kersnovsky AA. *Philosophy of war*. М., 2010. (In Russ.). [Керсновский А.А. *Философия войны*. М., 2010].
2. Golovin NN. *Science of war*. М., 2008. (In Russ.). [Головин Н.Н. *Наука о войне*. М., 2008].
3. Snesarev AE. *Philosophy of war*. М., 2013. (In Russ.). [Снесарев А.Е. *Философия войны*. М., 2013].

■ Автор для переписки

Степанов Иван Викторович
Адрес: ул. Фадеева, 48, кв. 36, г. Самара, Россия, 443111.

■ Corresponding Author

Ivan V. Stepanov
Address: apt. 36, 48 Fadeev st., Samara, Russia, 443111.

E-mail: stivan1981@mail.ru

5.7.6. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ / PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

УДК 165

DOI: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.50-56

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФФОРДАНСОВ АРТЕФАКТОВ КАК ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ ЗНАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОРУЖИЯ)

В.В. Ларионов

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (Вологда, Россия)

Для цитирования: Ларионов В.В. Возникновение аффордансов артефактов как процесс накопления знаний (на примере оружия). *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):50-56. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.50-56

■ Сведения об авторе

Ларионов В.В. – аспирант заочной формы обучения. ORCID: 0000-0002-3082-9763 E-mail: larsvic79@gmail.com

Рукопись получена: 04.07.2022

Рецензия получена: 01.08.2022

Решение о публикации: 29.08.2022

■ Аннотация

Цель – определение типологии видов оружия и обоснования необходимости проведения оценки степени разрушительного воздействия аффордансов артефактов, используемых в качестве оружия, на окружающие объекты и общество в целом. В качестве методологической основы исследования использована теория М. Коула, которая обладает большим аппликативным потенциалом и позволяет дать объекту целостную характеристику. Под артефактом понимается материальный объект, созданный человеком в процессе творческой преобразовательной деятельности и предназначенный для определенной цели. Термин «аффорданс», введенный Д. Гибсоном, трактуется как «потенциальная возможность» и позволяет детально проанализировать все возможные варианты применения того или иного артефакта человеком в зависимости от его текущих намерений. Процесс активной познавательной деятельности субъекта, приводящий к изобретению новых функций по использованию материальных объектов, рассматривается автором с позиции эпистемологического реализма. Существующая классификация оружия, с точки зрения процесса смыслообразования, не раскрывает в полном объеме всех особенностей его появления и функций, закладываемых на этапах проектирования и производства. На основе анализа этапов эволюции человечества, смены научных картин мира и типов научной рациональности в статье приведена авторская типология оружия. Наличие на законодательном уровне строгой регламентации, касающейся торговли, производства, приобретения, ношения и использования определенных видов оружия, толкает людей в случаях угрозы их жизни и здоровью к использованию в качестве средств защиты обычных бытовых предметов. В этих условиях возникает необходимость пересмотра существующих подходов и методов проведения экспертизы и оценки создаваемых людьми артефактов, которые могут быть использованы в качестве оружия.

■ **Ключевые слова:** артефакт, аффорданс, встроенные и случайные функции, конструктивный реализм, теория М. Коула, типология оружия.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

THE EMERGENCE OF AFFORDANCES OF ARTIFACTS AS A PROCESS OF KNOWLEDGE ACCUMULATION (ON THE EXAMPLE OF WEAPONS)

Viktor V. Larionov

Vologda State University (Vologda, Russia)

Citation: Larionov VV. The emergence of affordances of artifacts as a process of knowledge accumulation (on the example of weapons). *Aspirantskiy vestnik Povolzhya*. 2022;22(3):50-56. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.50-56

■ Information about author

Viktor V. Larionov – part-time postgraduate student. ORCID: 0000-0002-3082-9763 E-mail: larsvic79@gmail.com

Received: 04.07.2022

Revision Received: 01.08.2022

Accepted: 29.08.2022

■ Abstract

Aim – to determine the typology of weapons and to substantiate the need to assess the degree of destructive impact of the affordances of artifacts used as weapons on the surrounding objects and society as a whole. The Michael Cole's theory was used as the methodological basis of the study, which has a great applicative potential and allows you to give an object a comprehensive description. An "artifact" is a material man-made object produced in the process of creative transformation and intended for a specific purpose. The term "affordance", introduced by James Gibson, is interpreted as a "potential opportunity" for a detailed analysis of all possible options for the use of an artefact, depending on the person's current intentions. The author considers the process of active cognitive activity of the subject resulting in the invention of new functions of material objects from the standpoint of epistemological realism. The existing classification of weapons, from the point of view of the process of meaning formation, does not fully reveal all the features of its creation and functions laid down at the stages of design and production. The article presents the original typology of weapons based on the analysis of the stages of the evolution of mankind, the change in scientific representation of the world and the types of scientific rationality. The strict legislative regulation of the trade, production, acquisition, carrying and use of certain types of weapons pushes people, in cases of a threat to their life and health, to use ordinary household items as means of protection. Under these conditions, there is a need to revise existing approaches and methods for examination and evaluation of artefacts created by people that allow their use as a weapon.

■ **Keywords:** artefact, affordance, built-in and random functions, constructive realism, M. Cole's theory, weapon typology.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

До второй половины XX в. образ оружия ассоциировался с конкретным изделием военной промышленности. В настоящее время с учетом экспоненциального роста накопления знаний и появления новых технологий границы, определяющие оружие как предмет, размываются. В процессе разработки и внедрения современных технологий появляются новые типологии функций оружия и возрастают его потенциальные возможности, которые недостаточно осмыслены в рамках существующих философских подходов. К современным видам оружия можно отнести не только хорошо известные механизмы и комплексы массового поражения, но и нестандартные решения, включающие климатические, информационные, когнитивные, психологические и миграционные воздействия, разработку компьютерных и биологических вирусов, а также оружие, построенное на новых физических принципах. Все это является результатом расширения смысловых связей в области военно-промышленного комплекса, рассматриваемых в контексте взаимоотношений между государствами с целью обеспечения национальной безопасности.

Объектом исследования выступают функции техники, рассматриваемые с позиций теории артефактов М. Коула. В качестве предмета исследования выбран процесс возникновения функций аффордансов артефактов.

Цель работы заключается в определении типологии видов оружия и обоснования необходимости проведения оценки степени разрушительного воздействия аффордансов артефактов, используемых в качестве оружия, на окружающие объекты и общество в целом. В качестве методологической основы для системного исследования аффордансов оружия может быть использована теория артефактов М. Коула [1], которая определяет психологическое развитие человека как результат его приобщения к культурной среде посредством овладения значениями и смыслами исторически выработанных форм и способов деятельности, неотъемлемо включающих в себя продукты общественного прогресса.

Важной концептуальной составляющей фундамента теории артефактов являются труды советского ученого Л.С. Выготского, стоявшего у истоков развития культурно-исторической теории психики человека и которого на Западе считают одним из родоначальников конструктивизма. «Американские психологи (включая меня), – отмечает М. Коул, – кое-что отобрели из идей Л. Выготского и его последователей» [1], тем самым положив начало появлению целого ряда трудов, посвященных анализу теории социокультурного подхода в области психолингвистики. Ключевым элементом психического развития человека является феномен опосредствования, анализ которого М. Коул начинает с общего понятия артефактов, под которыми понимает «аспекты материального мира, модифицированные в ходе истории в процессе использования в целенаправленной человеческой деятельности» [2:117]. Выготский раскрывал механизм акта опосредствования, опираясь на средства и «психологические орудия», отмечая при этом, что не всякий стимул является орудием [3]. Применительно к мышлению таким «орудием» стала система знаков и символов, главным из которых является язык, а в концепции артефактов стимул связывает

полюса «субъект» и «объект» и используется субъектом для преобразования своих психологических возможностей. Общим для значения языка как последовательности знаков и символов, по Л. Выготскому, и для артефактов, по М. Коулу, является то, что это искусственные образования, созданные человеком для достижения определенной цели. Артефакты воздействуют на развитие человека посредством взаимосвязи опыта, деятельности и мотивов деятельности и ведут за собой развитие единой системы, включающей в себя эффективные элементы прошлого, настоящего и будущего опыта [4]. Теории артефактов, изначально формировавшиеся как социологические подходы к пониманию техники, неизбежно сталкиваются с фундаментальными философскими проблемами сущности техники, что сближает их с философией техники. Их методологической особенностью является рассмотрение сферы технического через раскрытие понятия артефакта как элементарной единицы, «атома» всего создаваемого человеком.

Для обеспечения трансдисциплинарной стратегии исследования необходимо изучить процесс эволюции оружия и определить типологию его видов в контексте смены научных картин мира и типов научной рациональности на всем этапе культурно-исторического развития человека, взяв за основу четырехуровневую структуру процесса творческой преобразовательной деятельности индивида. На *первом уровне* решается фундаментальная проблема, определяющая превращение «...идей, собственно представлений о цели в оформленные объекты внешнего мира, исполняющие задачи» [5], в которой можно выделить три отдельных компонента. Иницирующий компонент определяет момент зарождения и целевое предназначение проектируемых артефактов непосредственно в сознании самого человека. Содержательный компонент отражает субстанциональность смысловых установок, определяющих первоначальную форму и материал, из которого планируется изготовление артефакта. И наконец, динамический компонент, являющийся общим вектором развития функций, закладываемых в артефакты под действием смыслообразующих мотивов, основанных на целях и потребностях индивида.

Второй уровень определяет артефакт как произведенный и логически законченный продукт, включенный в пространство жизнедеятельности человека и выступающий в качестве конституирующего элемента, позволяющего связать воедино различные уровни социального бытия. *Третий уровень* является оценочно-пограничным, преодолеть который могут лишь те артефакты, которые активно используются человеком в соответствии с разработанными инструкциями, алгоритмами, схемами и правилами. Благодаря работе маркетологов и наличию обратной связи в звене «пользователь – производитель» популярные артефакты переиспользуются или модернизируются, а непопулярные снимаются с производства. Всесторонний анализ поведения человека в природном и социальном мире не позволяет рассматривать индивида в качестве рационально действующего субъекта, в его поведении и поступках присутствует много нерационального или даже иррационального, нередко чувства возобладают над умом, а эмоции над волей. Именно этот факт может быть рассмотрен в качестве отправной точки

к переходу на *четвертый уровень*, определяющий возможность использования артефактов для реализации тех функций, для которых они не были предназначены.

Исходной точкой в процессе смыслообразования артефактов является некоторая неопределенность восприятия универсального множества всех возможностей окружающего мира, сопровождающаяся переходом от мистико-мифологических структур к понятийным, порождая логику и способности тем самым появлению ряда гипотез абстрактных представлений. Дальнейшее формирование мировоззрения как результата теоретических размышлений закладывает основу знаний и является предшествующей ступенью к освоению потенциальных возможностей материального, социального и духовного миров в реализации растущих потребностей общества. Таким образом, обретение смысла есть результат актуализации познавательной деятельности человека в отношении определения потенциальных возможностей проектируемых и уже созданных им артефактов.

Использование термина «аффорданс» дает нам возможность выделить процесс активного участия человека в изобретении новой функции. В этом плане мы придерживаемся позиции эпистемологического реализма [6] и понимаем артефакт как созданный человеком, но далее существующий независимо от его сознания познаваемый объект, появление аффордансов которого не является случайным, а происходит в результате познавательной и преобразующей деятельности человека. Это дает нам возможность провести детальный анализ всего множества возможных вариантов применения того или иного артефакта человеком в зависимости от его текущих намерений.

АРТЕФАКТЫ, ИХ ФУНКЦИИ И АФФОРДАНСЫ

В повседневной жизнедеятельности у подавляющего количества людей слово «артефакт» ассоциируется с древним предметом, результатом проведенных археологами раскопок, в то время как у писателей и разработчиков компьютерных игр он наделяется различными магическими свойствами, и обладание им позволяет открыть и реализовать способности, не доступные другим персонажам. Артефакт как материальный объект берет свое начало из Древней Греции, где было обозначено и введено различие между естественными объектами, существующими в природе, появление которых происходит в строгом соответствии с ее законами, и объектами, которые появились в результате работы ремесленников. Отметим, что некоторые из веществ окружающего нас мира при непосредственном участии человека перешли из разряда естественных в искусственные (бронза, железо, бетон). Под артефактом мы понимаем материальный объект, созданный человеком в процессе творческой преобразовательной деятельности и предназначенный для достижения определенной цели.

Предмет становится артефактом после выполнения двух обязательных условий. Во-первых, любой артефакт должен быть создан намеренно, с определенной целью и иметь в итоге завершенный вид, полностью соответствующий «эскизу», который находится в сознании создателя. Если кто-нибудь без какой-либо практической цели (просто так) заострит один конец деревянной палки,

то он не получит инструмента для выполнения чего-либо, то есть не создаст артефакт. С другой стороны, если кто-то другой произведет те же самые действия, но уже с целью охоты на зверей, то он определенно создаст артефакт (копье). В процессе изготовления артефактов должна присутствовать обязательная процедура модификации природных или искусственно созданных материалов, чтобы исключить из анализа предметы естественного происхождения, которые также могут использоваться намеренно и с определенной целью. Например, на первоначальном этапе выделки шкуры животного ее необходимо очистить от остатков мяса, жира и сухожилий. Для этого древними людьми в качестве некоего подобия скребка очень часто использовались морские или речные раковины.

Для полного осмысления понятия артефакта как материального объекта необходимо учесть и тот факт, что некоторые из них создаются для формирования у людей эстетического восприятия, к которым можно отнести произведения искусства, включающие в себя скульптуры, картины, музыкальные произведения, художественные фильмы, стихи и поэмы. Операционные системы, средства разработки и языки программирования, исполняемые файлы также являются артефактами, созданными человеком для того, чтобы «компьютерное железо» не являлось по своей сути просто «железом», а упрощало пользователю проведение вычислений в ходе решения научных задач, помогало в управлении и осуществлении контроля функционирования сложных систем. В сфере современной биотехнологии к артефактам можно отнести генетически модифицированные микроорганизмы с заданными свойствами, успешно применяемые как для лечения, профилактики и диагностики различных заболеваний, так и для очистки сточных вод. Социальные институты, нормативно-правовые акты, соглашения и контракты также являются результатом инновационной деятельности человека, следовательно, тоже относятся к артефактам.

Отдельно стоит рассмотреть предметы естественного происхождения, которые в огромном количестве окружают человека на протяжении всей его жизни. К ним относятся представители флоры и фауны, планеты и звезды, камни и просто ветки деревьев, сломанные ветром и лежащие на земле. Однако, например, паутина сама по себе в природе не встречается, она является результатом жизнедеятельности пауков, которые создают ее с четко определенной целью. Должны ли мы рассматривать ее появление как артефакт, если сам процесс модификации материала отсутствует? Если я привезу домой из летнего отпуска, проведенного на море, камень необычной формы и буду использовать его в качестве пресс-папье, могу ли я считать процесс транспортировки модификацией? Абсолютно точно, основываясь на всех приведенных выше примерах, можно сказать, что создание необязательно должно быть преднамеренным, а использование необязательно предполагает обязательную модификацию.

Основной проблемой, активно изучаемой философией техники в настоящее время, является анализ соотношения встроенных функций, случайных функций и аффордансов артефактов. Наличие функции, которая понимается нами

как «работа, выполняемая артефактом и направленная на реализацию некоторого заданного человеком предназначения» [7], является отличительной чертой артефактов, а также связующим звеном между физической структурой объекта и целеполаганием индивида. Данное определение позволяет нам сделать вывод о бинарной природе существования артефакта, то есть он либо функционирует правильно и позволяет человеку достичь поставленной цели, либо имеют место неисправность или критическая поломка. Допустим, что в матрице экрана ноутбука появились «битые» пиксели, расположенные в случайном порядке, которые абсолютно не влияют на выполняемые функции устройством и не доставляют визуального неудобства пользователю. В данном случае мы можем утверждать, что наш ноутбук, с одной стороны, не является исправным, но, с другой стороны, битые пиксели не участвуют в процессе производимых вычислений и никакого влияния на само функционирование ноутбука не оказывают, следовательно, он является работоспособным. Однако если рассматривать поломку жесткого диска, то уже в этом случае ноутбук однозначно переходит в разряд неисправных. В случае, когда артефакт перестает выполнять свои встроенные функции, приобретенные им на стадии проектирования, делается заключение о его неисправном состоянии, и при условии нецелесообразности или невозможности ремонта человеком может быть принято решение о его утилизации или использовании не по прямому предназначению. Это соответствует приобретению артефактом аффордансов, являющихся прямым следствием инновационной деятельности индивида.

Термин «аффорданс» (affordance) был введен американским психологом Д. Гибсоном, который показал, что у любого объекта есть явно выраженные свойства, сигнализирующие человеку, каким именно способом и для каких именно действий этот объект может быть использован [8]. Так, стул можно использовать не только для того, чтобы на нем сидеть, но им также можно разбить окно и покинуть помещение в случае отсутствия возможности выхода через дверь. Понятие аффорданса нашло широкое применение в различных областях деятельности человека (когнитивная психология, дизайн, социология), в результате чего оно имеет разное толкование. Нами аффорданс понимается как функция использования (отличная от встроенных и случайных функций) того или иного артефакта человеком в зависимости от его текущих намерений, являющаяся результатом процесса познавательной и преобразующей (конструирующей) деятельности, определяющая все множество возможных вариантов в рассматриваемый момент времени. Так, например, Н. Тесла предложил способ обнаружения подводной лодки ранее изобретенным им радиоустройством, успешно использовавшимся при поисках залежей подземных руд.

Непосредственной реализации аффорданса в деятельности человека, по мнению британского философа и психолога Р. Харре, должны предшествовать два одновременно выполняемых условия [9]. Во-первых, значение вероятности актуализации события не должно быть слишком малым или вообще нулевым и, во-вторых, нужен актер, то есть тот, кто способен определить возможность появления этого события и непосредственно участвовать в его осуществлении,

обладая необходимыми для этого способностями и средствами. Отсутствие актора в реализации того или иного события снижает значение вероятности его актуализации, а в некоторых случаях появление события может вообще приобрести статус потенциально невозможного. Поэтому аффорданс, являясь объектом эпистемологического внимания, не должен пониматься нами как нечто существующее само по себе, а должен рассматриваться как результат познавательного процесса, осуществляемого актором. Последовательность упорядоченного ряда процедур и действий, выполненных актором с помощью определенных средств, позволяет в итоге перевести значение вероятности появления аффорданса из состояния потенциального в действительное, тем самым предоставляя возможность артефакту аккумулировать в себе характеристики своей деятельности, соответствующие поставленным задачам.

Введение термина «аффорданс» в философское поле позволит избежать «...путаницы, связанной с философским принципом, согласно которому объекты объединяются в фиксированные классы по определенным общим признакам, а затем этим классам даются названия. Но при наличии класса объектов, которому присвоено имя, нельзя определить необходимые и достаточные признаки, задающие этот класс» [10]. Принцип фиксированных классов определяет строгие границы использования объектов классификации, в то время как аффорданс не требует знания признаков и названия классов, а дает возможность найти применение этим объектам для достижения поставленных целей, но уже в других областях и сферах применения. Возможность использования артефактов для реализации тех функций, для которых они не были предназначены, хорошо описана в литературе [11].

Случайные функции отличаются от аффордансов тем, что их появление является абсолютно непрогнозируемым событием и требует от человека только их своевременного обнаружения (фиксации). Примером случайной функции можно назвать изобретение микроволновой печи, явившееся следствием работы над созданием объемно-резонансного магнетрона или, иными словами, микроволнового радара. Другим примером может служить радиотелескоп «Марк I», установленный в Англии и предназначенный для исследования космических лучей, метеоров и Луны. Случайно обнаружившаяся военная ценность радиотелескопа заключалась в том, что в ночь на 4 октября 1957 года он «абсолютно неожиданно оказался единственным на Земле радаром огромной дальности действия, способным предупредить о запуске межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) в СССР» [12] и впоследствии осуществлять передачу команд на спутники с целью получения с них телеметрической информации.

ТИПОЛОГИЯ ВИДОВ ОРУЖИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ АНАЛИЗА СМЕНЫ НАУЧНЫХ КАРТИН МИРА И ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Связь между знаниями и технологиями не является прямой, она опосредована концепциями техники, которые в свою очередь обусловлены рядом факторов, включающим в себя развитие культуры и науки, личность изобретателя,

актуальные в текущий период проблемы и способы их решения. Военный энциклопедический словарь определяет оружие как средство поражения противника в вооруженной борьбе, применяемое как для нападения, так и для защиты (обороны). Принято выделять обычное оружие, оружие массового поражения и оружие на новых физических принципах [13].

Существующая классификация видов и типов оружия, с точки зрения процесса смыслообразования, не раскрывает в полном объеме всех особенностей появления оружия и его функций, закладываемых на этапах проектирования и производства.

С момента появления человека и вплоть до начала бронзового века людьми использовалось *примитивное метательное оружие* в виде копий, бумерангов и луков со стрелами. Уже в то время человек понял, что уничтожить врага лучше с расстояния, нежели в рукопашной схватке. Кроме этого, во время охоты подойти незамеченным вплотную к животным просто невозможно. В качестве материала, из которого изготавливалось оружие, использовались дерево, камни и кости. В простом с виду устройстве атлалль, используемом ацтеками для метания копий, убийная сила и дальность полета являлись результатом не столько мускульной силы, сколько сноровки бросающего и возникающей центробежной силы, которая значительно увеличивала поступательный момент в точке выброса копья, позволяя тем самым поражать выбранные цели на расстоянии свыше 100 метров.

Следующий вид оружия, определяемый нами как *древнее оружие на начальных эмерджентных свойствах*, охватывает временной промежуток более чем 4000 лет – от начала бронзового века до конца железного. Эмерджентные свойства предмета возникают в результате его изготовления посредством соединения между собой различных комбинаций материалов, что приводит к появлению новых физических свойств, которыми не обладает ни один из используемых материалов по отдельности. Применительно к металлам можно говорить о синергетических свойствах сплавов. Бронза как раз является смесью меди и олова, и предел ее прочности на растяжение выше, чем сумма пределов двух этих компонентов, взятых по отдельности [14]. Отличительной особенностью данного периода является то, что одновременно с появлением пробивающего и рубящего оружия (стрелы с железными наконечниками, мечи, топоры и т.д.) начинается активное изготовление средств защиты (шлемы, доспехи и кольчуги).

Методология натурфилософии заключалась в проведении экспериментальных исследований и в последовательной обработке их результатов. Изобретение пороха положило начало *оружию на основе фазовых переходов в неорганической материи*. Для получения пороха в том виде, который нам известен в настоящее время, ремесленникам пришлось решить целый ряд вопросов относительно соединения трех его основных компонентов (селитры, серы и древесного угля) в правильных пропорциях и определить процесс их смешивания, создав в итоге гранулы для проникновения воздуха через зазоры между ними, ускоряя тем самым процесс горения. Этот результат достигался путем смешивания

компонентов, находящихся во влажном состоянии, и уже далее в процессе высыхания происходил первый фазовый переход по образованию твердой массы, которую впоследствии разбивали на гранулы. Второй фазовый переход пороха соотносится с его критическими точками (сингулярностями) в потоке энергии и материи с инициацией сверхзвуковой ударной волны, определяющей процесс детонации и порог давления, достигаемый в результате образования пороховых газов внутри замкнутого пространства ствола, что впоследствии используется для разгона находящейся внутри пули.

Классический тип научной рациональности характеризуется двумя свершившимися в этот период научно-техническими революциями, положившими начало появлению *механизированного оружия с гироскопическими свойствами поражающего элемента*. В основу механической картины мира были положены философские установки механистического материализма, что позволило оружейникам выделить в огнестрельном оружии три основных механизма, отвечающих за процессы заряжания, зажигания и наведения на цель. Последующие процессы разработки и производства этих устройств развивались независимо друг от друга и часто осуществлялись разными мастерами, что объясняет их большое разнообразие. Поиск путей повышения точности и дальности стрельбы стал исходной точкой в отслеживании баллистических сингулярностей, определяющих критические точки, или, иными словами, пороги не абсолютной, а относительной скорости движущегося тела посредством отношения между инертными силами и силами вязкости среды, через которую оно движется. Измеряется данное отношение в безразмерных величинах и выражается числами Рейнольдса [15]. В результате ряда проведенных исследований форма, вес и материал, из которого производились пули, постоянно менялись, внося при этом изменения в конструкцию и работу основных механизмов оружия. Настоящим прорывом рассматриваемого периода стало появление нарезного оружия, в котором под воздействием давления пороховых газов пуля, пройдя период форсирования (время от начала движения до полного врезания в нарезы ствола), начинает свое поступательно-вращательное движение по направляющей части канала ствола, приобретая гироскопические свойства, позволяющие сохранить неизменным направление полета в пространстве. В этот же временной промежуток появление цельнометаллической подводной лодки, имеющей форму, сходную с формой конусовидной пули, закладывает основы гидродинамики, ознаменовав начало эпохи изучения человеком подводного пространства, чему определенно способствовало, как это ни странно, определение баллистических сингулярностей.

Объяснение природы, свойств и отличий химических смесей от соединений, осмысление взаимосвязей между онтологическими постулатами науки и методами, посредством которых происходит процесс познания объекта, стали результатом целого ряда революционных открытий в различных областях знания, что неминуемо привело к появлению *оружия на основе токсичных химических соединений и энергии вновь образованных частиц*. Так, полученный в 1774 году шведским химиком и фармацевтом Карлом Вильгельмом Шееле хлор в различных химических соединениях с другими

веществами активно использовался не только в качестве быстродействующего дезинфицирующего вещества и текстильного отбеливателя. В результате своей высокой плотности и способности концентрироваться низко над землей, вызывая сильные отеки слизистых оболочек и удушье, приводящие к летальному исходу, хлор стал основой для создания химического оружия, успешно примененного немцами в ходе Первой мировой войны. Вряд ли многие известные ученые, работая над фундаментальными научными и математическими проблемами деления и синтеза частиц, могли предположить, что в итоге ими будет создано оружие, основанное на преобразовании энергии ядерной реакции в поражающие факторы определенной направленности.

Переход к исследованиям сложных саморегулирующихся и саморазвивающихся систем, выявивших эффекты фазовых переходов и образования диссипативных структур (структуры в жидкостях, химические волны, лазерные пучки, неустойчивость плазмы, явления выхлопа и флаттера) [16], положил начало появлению *нетрадиционного оружия*, поражающее действие которого основывается на ранее не использовавшихся в создании вооружения физических процессах и природных явлениях. Термин *нетрадиционное оружие* наиболее точно передает принцип его действия по отношению к словосочетанию *оружие на новых физических принципах*, которое отражает лишь технологическую и природную его составляющие. В последнее время информационное и психологическое воздействие, санкционная политика и миграционные потоки по масштабам наносимых ими «разрушений» не уступают ядерному оружию, а где-то его даже превосходят.

Большие потенциальные возможности по использованию в качестве оружия приобрели предметы, в избытке окружающие человека на протяжении всей истории его развития, что позволяет выделить их в отдельный вид – *бытовое оружие*. Действительно, жертвами атомного оружия первого поколения, включая последующее воздействие радиации, стали порядка 300 тысяч человек, в то время как традиционные виды тяжелого вооружения унесли миллионы человеческих жизней, а от легкого стрелкового оружия умерли уже десятки миллионов. Однако посредством кухонных ножей, ваз, бутылок, хозяйственных топоров, строительных инструментов и других предметов повседневного обихода, использованных в качестве средств решения бытовых конфликтов, было уничтожено больше людей, чем всеми видами боевого оружия, вместе взятыми.

Рассматривая порядок смены технологических укладов и анализируя их влияние на военную сферу, можно отметить, что в отличие от естественных наук, в истории развития которых появление новых теорий неизбежно приводило к пересмотру старых, а в некоторых случаях и к полной их отмене, в сфере оружия, наоборот, наблюдается ярко выраженная экспоненциальная тенденция накопления знаний, нежели процесс их замены. Появление огнестрельного оружия не стало причиной отмены холодного оружия, точно так же, как создание оружия на новых физических принципах не привело к отказу от ядерного или огнестрельного. С некоторыми оговорками область производства оружия может рассматриваться как сфера накопления знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Торговля, производство, приобретение, ношение и использование оружия в России строго регламентировано [17], поэтому сложно определить и проверить все аффордансы применения, например, противотанковой управляемой ракеты. Процесс разработки, производства и накопления оружия как результат развития общества и свершения крупных научных открытий еще с древних времен являлся средством оказания давления на потенциального противника или парирования аналогичных действий с его стороны. Животный инстинкт самосохранения до сих пор заставляет человечество искать пути достижения если не превосходства, то хотя бы равновесия в военной сфере, имея при этом эффективные средства защиты от средств нападения противника. Если рассмотреть перспективы применения концептуально нового образца оружия, то следует быть готовым к тому, что в первое время оно не будет отличаться высокой эффективностью и надежностью ввиду полного отсутствия опыта применения. Современные комплексы и средства вооруженного поражения создаются не столько с целью полной замены предшествующих систем, сколько ориентированы на их дополнение, позволяя решать боевые задачи более совершенными методами.

Средства массовой информации и коммуникативные системы, санкционные меры, затрагивающие экономическую, социальную, политическую и другие сферы общества атакемого государства, миграционные потоки – все это в одночасье стало не просто эффективным инструментом ведения войны, а самым настоящим оружием.

Поэтому сегодня необходимо проводить детальный анализ аффордансов, наделяющих функциями оружия те объекты, которые оружием по своей природе не являются. Любые гипотезы, которые определенно могут приобрести фундаментальное или прикладное значение, но первоначально имеющие слабую научную обоснованность, не следует недооценивать. Их анализ необходимо проводить с позиции того, что через определенный отрезок времени они могут стать базой для создания перспективных образцов оружия, способных коренным образом изменить весь ход ведения вооруженной борьбы.

В этих условиях необходимо произвести полный пересмотр существующих подходов и методов проведения экспертизы и оценки создаваемых людьми артефактов, дополнив их всесторонним анализом не только проектируемых, встраиваемых функций, но и аффордансов, определяющих весь спектр потенциальных возможностей применения разработанных объектов в качестве оружия.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Koul M. *Cultural-historical psychology*. М., 1997. (In Russ.). [Коул М. *Культурно-историческая психология*. М., 1997].
2. Cole M. *Cultural Psychology: A Once and Future Discipline*. Cambridge, 1998.
3. Vygotskii L.S. *Development of higher mental functions*. М., 1960. (In Russ.). [Выготский Л.С. *Развитие высших психических функций*. М., 1960].
4. Vygotskii L.S. *Collected Works in 6 volumes*. Ed. A.M.

- Matyushkin. M., 1983. Vol. 3. (In Russ.). [Выготский Л.С. *Собрание сочинений в 6 томах*. Под ред. А.М. Матюшкина. М., 1983. Т. 3].
5. Dessauer F. *Dispute about technology*. Trans. from German. Samara, 2017. (In Russ.). [Дессауэр Ф. *Спор о технике*. Перевод с нем. Самара, 2017].
  6. Lektorsky VA. Constructive realism as the contemporary form of epistemological realism. *Philosophy of Science and Technology*. 2018;23(2):18-22. (In Russ.). [Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма. *Философия науки и техники*. 2018;23(2):18-22]. doi: 10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22
  7. Yastrebn NA. Between functionalism and semiotics: two ways to change the functions and meanings of technical objects. *Semiotic studies*. 2021;1:19-25. (In Russ.). [Ястреб Н.А. На границе функционализма и семиотики: два способа изменения функций и смыслов технических объектов. *Семиотические исследования*. 2021;1:19-25]. doi: 10.18287/2782-2966-2021-1-1-19-25
  8. Gibson JJ. Reasons for Realism. *Resources for Ecological Psychology*. New Jersey: Erlbaum, 1982.
  9. Harré R. *Constructivism and the foundations of knowledge*. M., 2009. (In Russ.). [Харре Р. *Конструктивизм и основания знания*. М., 2009].
  10. Gibson JJ. *Ecological approach to visual perception*. Trans. from English. M., 1988. (In Russ.). [Гибсон Дж. *Экологический подход к зрительному восприятию*. Пер. с англ. М., 1988].
  11. Klenk M. How Do Technological Artefacts Embody Moral Values? *Philosophy & Technology*. 2021;34:525-544. doi: 10.1007/s13347-020-00401-y
  12. Tyson ND. *In the service of war: the tacit union of astrophysics and the army*. Trans. from English. M., 2020. (In Russ.). [Тайсон Н.Д. *На службе у войны: негласный союз астрофизики и армии*. Пер. с англ. М., 2020].
  13. *Military Encyclopedic Dictionary*. Ed. A.M. Prokhorov. M., 2001. (In Russ.). [Военный энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. М., 2001].
  14. Delanda M. *War in the age of intelligent machines*. Trans. from English. M., 2014. (In Russ.). [Деланда М. *Война в эпоху разумных машин*. Пер. с англ. М., 2014].
  15. McMahon TA, Bonner JT. *On Size and Life*. Washington, DC: Scientific American Library, 1983.
  16. Stepin VS. *History and Philosophy of Science*. M., 2017. (In Russ.). [Степин В.С. *История и философия науки*. М., 2017].
  17. *On weapons*. Federal law. 13.12.1996 N 150. (In Russ.). [Об оружии]. Федеральный закон РФ от 13 декабря 1996 г. №150-ФЗ].

■ Автор для переписки

Ларионов Виктор Владимирович
Адрес: ул. Первомайская, 38а, кв. 16, г. Череповец, Вологодская область, Россия, 162605.

■ Corresponding Author

Viktor V. Larionov
Address: ap. 16, 38a Pervomaiskaya st., Cherepovets, Vologda region, Russia, 162605.

E-mail: larsvic79@gmail.com

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ / PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

УДК 1(091)

DOI: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.57-60

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ «НЕМОТЕ» ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

В.Л. Афанасьевский

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (Самара, Россия)

Для цитирования: Афанасьевский В.Л. К вопросу о философской «немоте» древнерусской книжности. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):57-60. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.57-60

■ Сведения об авторе

Афанасьевский В.Л. – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. ORCID: 0000-0002-4837-4533

E-mail: adler_vadim@mail.ru

Рукопись получена: 28.04.2022

Рецензия получена: 26.06.2022

Решение о публикации: 04.07.2022

■ Аннотация

Цель – рассмотреть процесс формирования русского философского дискурса. Автор исходит из позиции, что в книжной культуре древних русичей философский дискурс отсутствовал и оригинальная русская философия начала формироваться только в XVIII веке. Для книжности Древней Руси характерно отсутствие прямой связи с античной философской традицией. Идеи античных авторов попадали на Русь через Византию. Однако древние русские книжники воспринимали их в качестве «елинских борзостей», проявления язычества.

Автор приходит к выводу, что особенностью русской религиозной книжности выступает ее сущностная ориентация на греческую религиозную литературу IV-VI столетий. Но анализировать религиозные тексты историкам русской философии нужно обязательно, поскольку именно с их помощью можно понять специфику формирования русской интеллектуальной культуры.

■ **Ключевые слова:** Киевская Русь; Византия; философия; книжная культура; христианство; православие; религиозная литература; отцы Церкви; книжники; античная традиция.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

ON THE PHILOSOPHICAL "DUMBNESS" OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

Vadim L. Afanasevskii

Samara Law Institute (Samara, Russia)

Citation: Afanasevskii VL. On the philosophical "dumbness" of ancient Russian literature. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):57-60. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.57-60

■ Information about author

Vadim L. Afanasevskii – PhD, Associate professor, Department of Theory and History of State and Law. ORCID: 0000-0002-4837-4533

E-mail: adler_vadim@mail.ru

Received: 28.04.2022

Revision Received: 26.06.2022

Accepted: 04.07.2022

■ Abstract

Aim – to review the process of formation of Russian philosophical discourse. The author supports the position that there was no philosophical discourse in the literature of the ancient Russians, and the original Russian philosophy began to form only in the 18th century. The books of Ancient Russia are characterized by the absence of a direct connection with the ancient philosophical tradition. The ideas of Ancient authors came to Russia through Byzantium. However, the ancient Russian scribes perceived them as "Hellenic sophistry" and manifestations of paganism.

The author comes to the conclusion that the Russian religious literature is specific for its essential orientation to the Greek religious literature of the IV-VI centuries. Russian philosophy historians can understand better the specifics of the Russian intellectual culture analyzing religious texts.

■ **Keywords:** Kievan Rus; Byzantium; philosophy; bookish culture; Christianity; Orthodoxy; religious literature; Church fathers; scribes; ancient tradition.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость изучения истории русской философии все еще является серьезной задачей философов-исследователей. К настоящему времени в распоряжении ученых находятся серьезные труды, в которых представлены глубокие исследования концепций русских мыслителей. Историю русской философии освещали философы русского послеоктябрьского зарубежья [1], советские исследователи [2], историки философии современной России [3]. Серьезный вклад в исследование русской философской мысли внес польский ученый А. Валицкий [4]. При анализе доступной научной литературы можно констатировать, что исследователи концентрируют свое внимание на периоде истории русской философии XVIII – первой трети XX столетий. Пожалуй,

только А.Ф. Замалева и Л.В. Поляков в своих трудах принимали попытки эксплицировать определенное философское содержание в древнерусской книжности. Однако в основном получалось высветить то, что можно маркировать как мировоззренческие аспекты. Возможно, поэтому исследователи достаточно часто позиционируют идеи древнерусской книжности как общественную мысль [5].

В исследованиях по русской философии можно вычленировать две точки зрения, касающиеся времени формирования русской философской мысли. Первая – история оригинальной русской философии именно в качестве теоретической мысли начинается только с XVIII или даже с XIX столетий. Вторая – памятники русской письменности носят нефилософский характер, что следует

из обзоров летописных сводов, художественной, житийной литературы и т.д.

«НЕМОТА» ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Возникновение и становление духовных феноменов возможно только при наличии определенных социокультурных условий, которые представляют собой экзистенциальные и историко-культурные предпосылки. Исходя из этого, в течение длительного времени «...древнерусская культура оставалась безгласной и точно немой. Русский дух не сказался в словесном и мысленном творчестве» [6:12]. Интересы книжников периода Киевской Руси при выстраивании своего способа воззрения на мироздание характеризуются отсутствием теологических и собственно философских размышлений.

Причина «немоты» древнерусской культуры, по-видимому, связана с тем, что, приобщившись к книжному интеллекту Болгарии эпохи Симеона Великого и получив христианство в форме православия на старорусском языке, киевские русичи не сочли возможным воспринять и традицию философских построений античного мира: «...Россия получила свое христианство не от Рима, а от Византии и, следовательно, не на латинском языке, а на болгарско-македонском диалекте» [7:588]. И этот факт имел далеко идущие последствия и смыслы. Философские изыскания византийцев не смогли пробудить собственно русскую интеллектуальную культуру. У русских книжников отсутствовали как археологическая, так и лингвистическая преемственность к ценностям Римской империи, не выработалось чувства причастности к общему культурно-историческому пространству, к античным традициям. Однако византийская философская традиция сумела вызвать к жизни русскую духовную культуру и, прежде всего, в области религиозных изысков как адаптации православного христианства к культурному своеобразию восточных славян.

ГДЕ И КАК ИСКАТЬ ФИЛОСОФСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ТЕКСТАХ?

Отсутствие в Киевской Руси исторического периода, подобного античности, заставляет исследователей обращаться к характеристике форм средневекового мышления. Не касаясь вопроса о правомерности подобного привязывания русской письменности к Средневековью и очень важного вопроса о хронологических рамках этого периода, обратимся к понятию «средневековая философия». В условиях принявшей христианство Киевской Руси мы имеем дело с религиозным мирозерцанием, которое в странах Западной Европы соответствует периоду Средних веков. Соответственно и облик философствования может быть описан в терминах средневековой интеллектуальной традиции, спецификой которой выступает теснейшая связь с религиозным мирозерцанием, базирующимся на монотеизме и божественном Откровении. Этот факт задавал пространство проблем философствования и предопределял набор инструментов для их решения. Причем важно отметить, что философская проблематика не растворялась в пучине христианского вероучения. Характерное для западного философствования

частичное растворение философской проблематики в религиозном сознании наглядно проявилось в доминировании в древнерусском рукописном наследии литературы церковного или церковно-литургического характера [8]. Именно поэтому для описания философских опытов русичей важно исследовать и русские церковно-служебные книги, и памятники переводной богословской литературы, широко функционировавшей на Руси, и первые опыты доморощенного богословского философствования. Подчеркивание значимости переводной литературы можно зафиксировать уже в произведении Черноризца Храбра «О письменах»: «Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письмена или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них (это) знает. Если же спросишь славянских книжников, ... то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его» [9:104]. Кирилло-мефодиевская традиция всегда присутствовала как один из основных компонентов в духовной культуре Киевской Руси. Противостояние двух миров – западноевропейского и восточнославянского, двух цивилизаций – латинской и православной как борьба двух философско-идеологических просветительских установок, начатая славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием в Моравии и Паннонии и продолженная их последователями – епископами Климентом, Константином, Наумом Охридским и другими – была унаследована Киевской Русью и прошла через историю ее духовного становления и развития. Однако говорить о существовании философского теоретического текста, скорее всего, будет искажением реального положения дел. Недаром крупный русский мыслитель Г.Г. Шпет назвал этот период становления русской интеллектуальной культуры «невегласием», т.е. невежеством. Духовная культура Киевской Руси в течение долгого времени определялась «отсутствием нужд и интересов в теоретическом обосновании или анализе веры и вероучения» [10:78]. Исходя из ситуации «невегласия», сформировать рационально-теоретический философский дискурс было невозможно. Для книжности Руси характерно формирование особого образа культуры, который не имел ничего общего с интеллектуальной культурой Западной Европы и Византии. В силу объективных причин русичи не получили доступа к образованности классического типа, у них отсутствовала «школьная» традиция приобщения к философским текстам и теологии. У русичей доминировало не рациональное, образное мировосприятие, «умозрение в красках» (П.А. Флоренский), а при таком типе знания университеты становятся излишними.

Русские книжники, особенно церковные иерархи, далеко не формально отдавали высокую дань Святому Писанию, церковной и богословской литературе. Например, святитель Кирилл Туровский в своей притче говорил о пользе понимания смысла Святого Писания: «Поэтому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, божьим насытятся словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь...» [11:292]. «Святые книги» на Руси не только прилежно переписывались и читались, но и усердно комментировались. Уже митрополит Климент Смолятич одно из своих посланий заканчивал такими словами: «...Изложил

я шестнадцать рассказов, удивительных и похвалы достойных, которые не даются в церковном чтении из-за величия мысли и глубины, за сокровенный смысл и глубокий» [11:289]. Значительно позже, в XVIII в., М.В. Ломоносов писал о пользе церковных книг: «В древние времена, когда словенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известным, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше приобретено купно с греческим законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на словенский для славословия божия» [12:51-52]. Признавая необходимость славословия божественного творца и его промысла, М.В. Ломоносов разделял сферы богословия и науки как не противоречащие друг другу. При этом он считал необходимым принимать во внимание размышления одного из величайших отцов восточной церкви Василия Великого, который, по его мнению, представлял как философ и святой, способный проникать в истину.

«Греческий закон», о котором писал М.В. Ломоносов, и православный клир киевским русичам транслировала Византийская империя, но все же, скорее всего, большая часть произведений античных авторов пришла в распоряжение русских неопитов из болгарского государства. После развала царства Болгарского в конце X – начале XI столетий многие болгарские беженцы, прибыв на Русь, заняли в русской церковной иерархии позиции низшего и среднего священства. Можно предположить, что именно они и доставили в Киевское государство многие рукописи и церковно-славянские книги. Характерной особенностью болгарских и русских книжников была их ориентированность на классиков греческой церковной литературы IV–VI вв. Патриотическая литература составляла огромную часть древнерусской письменности. А.В. Горский и К.И. Невоструев, описавшие и систематизировавшие рукописи Московской синодальной библиотеки, пришли к выводу о том, что на Руси был «...большой запас переводов отчужденных писателей, какого не представляет ни одна древняя литература новых западных народов» [13:VI].

Особое внимание книжники Киевской Руси обращали на религиозные труды крупных богословов каппадокийской школы IV столетия, прежде всего святых Григория Нисского, Григория Богослова, Василия Великого. Всех представителей каппадокийской школы отличала направленность на осознанное ортодоксальное православие. Этот факт и делал их значимыми для русских книжников-неофилов. Православное мирозерцание, завоевывавшее господствующее положение в Киевской Руси и становившееся определяющим фактором развития духовной культуры, ориентировало своих служителей и почитателей на восточных «отцов Церкви». Уже древние критики христианства усматривали в нем черты и элементы стоицизма, платонизма и аристотелизма. Особенно много общих черт у христианства с платонизмом, хотя основы христианства и платонизма различны. Средневековый теолог и философ Тертулиан, подчеркивая это различие, задавался вопросом о том, что можно найти общего у Иерусалима и Афин,

у христианской Церкви и платоновской Академии? Афины и Иерусалим были своеобразной формулой, позволяющей различать христианское вероучение и собственно философские вкрапления в религиозных текстах [14]. Вообще христианское вероучение предстает по своим основаниям как принципиально различные интеллектуальные построения. Однако справедливости ради необходимо констатировать, что «христианизация» учений неоплатоников и даже концепции самого Платона все же оказали некоторое влияние на формирование христианских идей [15]. В период схоластики ведущим авторитетом для католических теологов стали определенным образом переработанные идеи Аристотеля, что нашло свое концентрированное выражение в «Сумме теологии» Фомы Аквинского. Именно это и определило направленность развития философии схоластов.

В советской и российской историко-культурной литературе стал часто подниматься и муссироваться вопрос об уместности и в определенных случаях даже о необходимости обращаться к философским основаниям нефилософских текстов (общественно-политическим, конкретно-научным, художественным и т.д.) [16]. К таким «нефилософским текстам», в основании которых лежат философские учения Платона и Аристотеля, можно отнести церковно-служебные и богословские памятники переводной и русской книжности. Здесь необходимо обратить внимание на то, что в Киеве была известна только та переведенная на древнеславянский язык византийская литература, которая явно представляет собрание библиотеки греческого монастыря из далекой византийской провинции. И если византийские книжники считали античных авторов образцом для своего творчества, а их изучение было обязательно при получении образования, то славянские книжники знание идей классиков античности необходимым не считали. Более того, философские построения античных авторов воспринимались русичами в качестве антихристианской и языческой традиции, и «елинские борзости» считались не имеющими культурного значения. Это приводило к тому, что русичи должны были работать именно с трудами отцов восточной Церкви (Григория Нисского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и некоторых других), поскольку как авторы Киева, так и авторы Московского государства (здесь необходимо отметить, что ситуация у московитов была еще более ущербной) работали только с теми текстами, которые они могли успешно усваивать. В основном это и были церковно-литургические, агиографические и летописные тексты. Теологические тексты с элементами философствования читались крайне редко и еще реже понимались. Русское боярство, дворянское сословие и священство так и смогли трансформироваться в интеллектуальную элиту Руси.

В случае игнорирования памятников русской духовной письменности и при отсутствии ориентации на вычленение философского слоя в каком-либо религиозном тексте перед историком русской философской культуры появляются серьезные трудности. Основная из них заключается в сложности работы с подобными текстами: требуется умение противопоставить теологическому толкованию священных текстов герменевтику философского типа как важнейшего элемента любого историко-философского

исследования, особенно в тех случаях, когда предметом исследования являются религиозные тексты. В качестве примера можно указать на антиномизм и парадоксию, лежащие в основе христианского способа мышления, как на философский аналог диалектики. Другой трудностью является необходимость обосновать правомерность обращения к религиозной проблематике. Методология историко-культурного исследования должна быть в состоянии помогать исследователю в экспликации и разрешении определенных проблем богословского «философствования», которые представляют собой глубокий коллективный пласт духовной культуры конкретного социокультурного региона.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. A.I. Vvedensky, A.F. Losev, E.L. Radlov, G.G. Shpet: *Essays on history (rus. Philosophy)*. Sverdlovsk, 1991. (In Russ.). [А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет: *Очерки истории (рус. философии)*. Свердловск, 1991].
2. Zamaleev A.F. *Philosophical Thought in Medieval Russia (XI-XVI centuries)*. L., 1987. (In Russ.). [Замалеев А.Ф. *Философская мысль в средневековой Руси (XI-XVI вв.)*. Л., 1987].
3. Sapronov P.A. *Russian Philosophy. The Problem of Originality and the Main Lines of Development*. SPb., 2008. (In Russ.). [Сапронов П.А. *Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития*. СПб., 2008].
4. Valitsky A. *History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism*. M., 2013. (In Russ.). [Валицкий А. *История русской мысли от Просвещения до марксизма*. М., 2013].
5. *Public Thought of Slavic Peoples in the Early Middle Ages*. Ed. by B. N. Florya. M., 2009. (In Russ.). [Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. Под ред. Б.Н. Флоры. М., 2009].
6. Florovsky G. *Paths of Russian Theology*. M., 2009. (In Russ.). [Флоровский Г. *Пути русского богословия*. М., 2009].
7. Stepun FA. *Spirit, Face and Style of Russian Culture*. M., 2000. (In Russ.). [Степун Ф.А. *Дух, лицо и стиль русской культуры*. М., 2000].
8. Levshun LV. *History of the East Slavic Book Word in the XI-XVII centuries*. Minsk, 2001. (In Russ.). [Левшун Л.В. *История восточнославянского книжного слова XI-XVII вв.* Минск, 2001].
9. *The Tale of the Beginning of the Slavic Script*. M., 1981. (In Russ.). [Сказание о начале славянской письменности. М., 1981].
10. Shpet GG. *Sketch of the Development of Russian Philosophy*. M., 2008. (In Russ.). [Шпет Г.Г. *Очерк развития русской философии*. М., 2008].
11. Turovsky Cyril. *The parable of the human soul and the body, and the violation of God's commandment, and the resurrection of the human body, and the terrible judgment, and torture*. In: *Monuments of the literature of Ancient Rus'*. M., 1980. (In Russ.). [Туровский Кирилл. *Притча о человеческой душе и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении*. В кн.: *Памятники литературы Древней Руси*. М., 1980].
12. Lomonosov MV. *Preface on the usefulness of church books in the Russian language*. M., L., 1952. (In Russ.). [Ломоносов М.В. *Предисловие о пользе книг церковных в российском языке*. М., Л., 1952].
13. Gorsky AV, Nevostruyev KI. *Description of the Manuscripts of the Moscow Synodal Library*. M., 1859. (In Russ.). [Горский А.В., Невоструев К.И. *Описание рукописей Московской синодальной библиотеки*. М., 1859].
14. Tertullian. *Selected Works*. M., 1994. (In Russ.). [Тертулиан. *Избранные сочинения*. М., 1994].
15. Losev AF. *Commentary on the dialogue "Timaeus"*. M., 1971. (In Russ.). [Лосев А.Ф. *Комментарий к диалогу «Тимей»*. М., 1971].
16. Gorsky VS. *Methodological problems of the history of philosophy and social thought*. M., 1977. (In Russ.). [Горский В.С. *Методологические проблемы истории философии и общественной мысли*. М., 1977].

■ Автор для переписки

Афанасьевский Вадим Леонидович
Адрес: ул. Высоцкого, 3, кв. 80, г. Самара, Россия, 443099.

■ Corresponding Author

Vadim L. Afanasevskii
Address: ap. 80, 3 Vysotskii st., Samara, Russia, 443992.

E-mail: adler_vadim@mail.ru

ЗРИТЕЛЬ И КИНО: В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Д.Д. Иванова

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов, Россия)

Для цитирования: Иванова Д.Д. Зритель и кино: в поисках смысла. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):61-63. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.61-63

■ Сведения об авторе

Иванова Д.Д. – соискатель кафедры теоретической и социальной философии. ORCID: 0000-0002-0062-0635 E-mail: dinaivanova.97@mail.ru

Рукопись получена: 13.06.2022

Рецензия получена: 26.06.2022

Решение о публикации: 30.06.2022

■ Аннотация

Цель исследования – выявить основные состояния человека относительно действия просмотра фильма и определить момент конструирования смысла. Проанализированы три состояния зрителя: «до», «сейчас», «после». Выявлены их специфические черты по отношению к формированию смысла.

Сделаны выводы, что данное конструирование, обладающее значимостью для зрителя, относится к состоянию «после», которое связано со схватыванием поставленных проблем в кинофильме в прошлом и рефлексией над ними. При этом факторами, влияющими на конструирование смысла, выступают обиденный опыт, биографические обстоятельства, расстояние восприятия. В современном мире в условиях роста внимания зрителей к кинообзорам происходит замещение состояний, что приводит к подмене смыслов жизненного мира и потере возможности их выявления с помощью кино.

- **Ключевые слова:** зритель; кино; жизненный мир; смысл.
- **Конфликт интересов:** не заявлен.

A VIEWER AND A MOVIE: LOOKING FOR THE MEANING

Dina D. Ivanova

Saratov State University (Saratov, Russia)

Citation: Ivanova DD. A viewer and a movie: looking for the meaning. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 2022;22(3):61-63. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.61-63

■ Information about author

Dina D. Ivanova – external PhD student, Department of Theoretical and Social Philosophy. ORCID: 0000-0002-0062-0635

E-mail: dinaivanova.97@mail.ru

Received: 13.06.2022

Revision Received: 26.06.2022

Accepted: 30.06.2022

■ Abstract

Aim – to identify the basic states of a person in the process of watching a movie and to determine the point when the meaning is constructed. Three states of the viewer are analyzed: "before", "now", "after". Their specific features in relation to the formation of meaning are revealed.

The author comes to the conclusion that this construction, which is significant for the viewer, refers to the "after" state, which is associated with the grasping of the problems posed in the film in the past and reflection on them. The factors influencing this process are the ordinary experience, biographical circumstances, the distance of perception. But in the modern world, in the conditions of the growing attention of the viewers to film reviews, states are being replaced, which leads to the substitution of the meanings of the real world and the loss of the possibility of their identification with the help of cinema.

- **Keywords:** viewer; cinema; life world; meaning.
- **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Кинематограф стал настолько привычным явлением, что его присутствие в жизненном пространстве человека удивления больше не вызывает. Когда-то то, что было событием 28 декабря 1885 года в подвале «Гран кафе» на бульваре Капуцинов, 14 в Париже (а еще ранее 22 марта 1885 года в зале на улице Ренн, 44) [1:67], сейчас является частью повседневности. Кино не просто присутствует в мире человека, оно обретает свое место и значение. Как отмечал режиссер А.А. Тарковский: «Искусство существует не только потому, что отражает действительность. Оно должно еще вооружать человека перед лицом жизни, давать ему силы противостоять жизни, обрушивающейся на него всей своей тяжестью, стремящейся его подавить» [2:6]. Кинематограф же позволяет реализовывать и одновременно раскрывать смыслы жизненного мира, является пространством для их

создания и конструирования, способствуя ориентированности человека, его устойчивости в нем.

Понятие смысла становится одним из ключевых при проблематизации кинематографа. Однако зачастую речь идет об угадывании, правильности смысла, о попытке его разглядеть. Зритель оказывается в поиске неизвестного, которое точно есть, но неизвестно, где и когда его можно обнаружить. Возникает ситуация, где, с одной стороны, смыслы необходимы человеку как то, что формирует основания его жизненного мира, и кинематограф является формой для их воплощения, а с другой – вынужденное вглядывание, их искание. Таким образом, прежде чем проникать в смыслы, необходимо понимать то, где они могут разворачиваться.

В рамках данного исследования попытаемся выявить основные состояния зрителя в моменты встречи

с кинофильмом в условиях жизненного мира, а также определить, когда происходит конструирование смысла.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСРЕДСТВОМ КИНОМАТОГРАФА

Человек живет в мире, осуществляет в нем и по отношению к нему определенные действия, трансформируя пространство вокруг себя, или становится сам трансформируемым им. А. Шюц определяет жизненный мир как «мир, в котором он (человек) живет и действует как человек среди других людей, мир, который он постигает как поле своего возможного действия и ориентации, организованное вокруг его личности особым образом, с учетом его планов и вытекающих из них релевантностей» [3:102]. Данное пространство – это поле возможных действий человека, включающее в себя *других*, которые также организуют его уже с их точки зрения. Таким образом, жизненный мир предстает как некая среда, где люди конструируют свое отношение к бытию, к конкретным окружающим объектам, воздействуя на них и находясь под их воздействием.

Само создание кинематографа есть действие человека, целью которого выступает понимание и интерпретация социального пространства. Являясь существом мыслящим, он стремится осмыслить мир и себя в нем. Подбирая различные формы, человек всматривается посредством них в окружающее пространство. А.А. Тарковский делает важное уточнение для понимания сущности кинематографа: «Я имею в виду особые возможности, которыми обладает кино, чтобы наблюдать жизнь, наблюдать ее псевдообъединенное течение» [2:9]. Кино, являясь такой формой и составляя жизненное пространство человека, становится тем, что дает способность вглядываться в жизнь, находя в ней смыслы.

А. Шюц определяет смысл как «результат интерпретации прошлого опыта, видимого из нынешнего «Сейчас» в рефлексивной установке» [4:404]. Это не то, что возникает в потоке сознания как качество, которое присуще сознанию, а то, что схвачено в ретроспекции. Обладая определенными знаниями, зритель через соотношение с похожими уже ранее созданными конструкциями либо через приобретение новых знаний расширяет свой опыт, посредством которого интерпретирует и понимает мир вокруг себя. Отправляясь на поиски смыслов, он оказывается около фильма, зачастую блуждая возле него. Можно выделить несколько состояний зрителя: «до», «сейчас», «после». Каждое из них рассматривается как действие зрителя во времени по отношению к просмотру фильма.

В качестве примеров в дальнейшем обратимся к киноленте режиссера И. Фрэза 1972 г. «Чудак из 5 «Б», сюжет которой строится вокруг мальчика и его духовных открытий, совершающихся в результате вожатской деятельности.

Состояние «до» предполагает ожидание увиденного, но не само увиденное. Это состояние переживания зрителя, которое формируется без прямого взаимодействия с фильмом как через личное столкновение с объектами, так и через *других*. В данном случае воспринимающий имеет дело не со смыслом кинофильма, а с факторами, которые могут определять его ожидания. На этой стадии

складывается опыт неувиденного. Человек осуществляет интерпретацию через соотношение имеющихся знаний с объектами, но, несмотря на связь с кинокартиной, смысл существует обособленно, поэтому утверждается как отсутствующий. Так, человек, не смотревший указанный фильм, рассматривая плакат с изображением мальчика и названием данной киноленты, соотносит свой опыт с увиденным и формирует определенное представление. При этом набор приобретенных образов в сознании позволяет, несмотря на личную историю, выявить некоторые общие переживания «школы», а также «человека, имеющего специфические черты в рамках определенной социальной группы», которые может разделить с *другими*. Однако смысл будет вне кинокартины в связи с разрывом от действия просмотра.

«Сейчас» предстает как момент формирования опыта увиденного, где зритель, обладающий знаниями, соотносит их с происходящим на экране. Он знакомится с проблемой, отображенной в кинофильме, и формирует вопросы, которые в дальнейшем становятся предметом рефлексии. Восприятие фильма будет строиться по принципу «до», однако в отличие от него в данном состоянии образуется целостный опыт, который в дальнейшем будет материалом для интерпретации и возникновения смысла. В качестве иллюстрации можно рассмотреть сцену из приведенной ранее киноленты, где главным героем Боря, являясь вожатым, после похода с первоклассниками в автоматическую фотографию предлагает ребятам поехать на мороженое. В ходе разговора выясняется, что у одного из мальчиков была ангина и он не может есть угощение вместе со всеми. Боря для полной солидарности предлагает купить пирожки с повидлом. А на вопрос ребят о солидарности он отвечает, что это когда один за всех и все за одного. Данный эпизод фиксирует вопрос поведения в коллективе через понятие солидарности. Боря теперь не просто картинка с плаката, именуемая чудачком из конкретного класса; изображение становится думающим, чувствующим и говорящим со зрителем. Однако отдельно взятый кадр мальчика с пирожком в руках ничего не даст зрителю, не знающему содержание фильма или как минимум предшествующего этому моменту фрагмента. Движение набора кадров создает историю, доступную для восприятия и осмысления. В рамках конкретного момента зритель интерпретирует происходящее, но незавершенность действия не позволяет сформировать целостное представление, в связи с этим происходит осмысление только отдельных частей.

Оба приведенных состояния зрителя могут существовать как в последовательности, дополняя друг друга или создавая ситуацию конфликта, так и в разобщенности. При этом по отношению к просмотру конкретного фильма «сейчас» существует всегда, а «до» может исключаться, если, например, поставить человека в ситуацию диалога с кинолентой без предварительного погружения. В то же время стоит отметить, что состояние ожидания может оказывать влияние на действие просмотра и даже определять его.

Состояние «после» – это интерпретация зрителем опыта, который был получен им как в жизненном мире, так и непосредственно при встрече с кинофильмом. Это осмысление приобретенного знания, которое является уже частью

прошлого человека. После просмотра кинофильма запас знания зрителя отличается, так как происходит увеличение опыта, что вносит изменения в биографические обстоятельства. Выбранный фильм, с одной стороны, показывает разность и типичность моментов восприятия, а с другой, указывает на смыслы, ориентирующие зрителя. Личное переживание и расстояние – это то, что будет составлять уникальность при интерпретации. Так, расстояние можно представить через поколение. Школьник будет ближе к пониманию переживаний «школы», однако дальше по отношению к уникальным деталям в виде пионерского галстука и т.д. Взрослый человек в силу своего возраста и опыта является более удаленным от первого, но близким ко второму. Каждый из них может интерпретировать отдельные элементы происходящего на экране по-своему, но наличие общих значений позволяет понимать приведенные социальные конструкции. Предложенные решения вопросов жизненного мира в кинокартине, среди которых понятия доброты, отзывчивости, личной ответственности, обращают внимание детей и взрослых на способ их совместного существования в социальном пространстве.

«После» не зафиксировано во времени и не означает, что, как только заканчивается фильм, к зрителю подкрадывается смысл. После просмотра действие завершается, и выявляются некоторые типичные смысловые основания. Но смысл не есть пересказ содержания или попытка найти идею режиссера, а нечто, происходящее со зрителем. Можно сказать, что это то, что в настоящее время, являясь уже прошлым, все еще значимо для человека и обладает ценностью. Смысл есть для зрителя тогда, когда переживание перестает быть связано с актуальностью, то есть с актом просмотра или состоянием «сейчас». Если зритель может восстановить переживание увиденного и испытывает в этом потребность, то оно будет обладать для него смыслом. Так, вопрос солидарности, который ставился в фильме, приобретает смысл в тот момент, когда для человека это становится значимым, то есть когда действие завершено, но возникает потребность в его рефлексии.

В современном мире в эпоху кинообзоров человек удаляется от действия просмотра, доверяя его *другому*. Состояние «после» подменяется состоянием «до». Возникает иллюзия смысла, которая формирует лишь условное представление вопросов и их решений с позиции *другого*. Человеку становится проще посмотреть видеообзор на фильм, чем самому встречаться с ним. Это экономит время, обладает конкретной мыслью, зачастую имеет развлекательный характер. Однако человек не увеличивает собственный опыт через первоисточник, а сталкивается с опытом обозревавшего, продолжая блуждать. А значит, не только не формируется смысл, но и даже ситуация для его возникновения.

■ Автор для переписки

Иванова Дина Дмитриевна
Адрес: ул. Слонова, 74/76, кв. 77, г. Саратов, Россия, 410012.

E-mail: dinaivanova.97@mail.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зритель в поисках смысла – это выражение его определенных состояний в момент встречи с кинофильмом. «До» и «сейчас» связаны с возникновением переживаний, в результате которых формируются опыт неувиденного и опыт увиденного на основе их обыденного знания. Смысл в данных состояниях применительно к кинопроизведению будет либо обособлен, либо не завершен. Это не позволяет обращаться к нему в полной мере. Однако совпадение завершенности действия как окончания просмотра с моментом «после» указывает на возможность, но еще не означает процесса конструирования смысла. Данный момент есть прекращение актуального переживания. Фильм становится опытом прошлого. Состояние «после» – это то, что имеет дело со смыслом с учетом некоторых факторов. В результате просмотра человек интерпретирует материал, устанавливает определенное понимание, определяя смысл, который не обладает ценностью, а привязан к общим конструкциям. Значимые для зрителя основания в жизненном мире возникают в состоянии «после», не имея строгой фиксации во времени. Они связаны со схватыванием их в ретроспективе, конструированием поставленных проблем в кинофильме, рефлексией, на которые влияют обыденный опыт, биографические обстоятельства, расстояние восприятия. «После» не уменьшает значимость остальных состояний, так как без «сейчас» невозможен процесс осмысления, а «до», несмотря на не прямое действие, способно определять движение к смыслу. Таким образом, каждое из оснований имеет особое значение в поиске смыслов.

Данное исследование позволило не только охарактеризовать состояния зрителя, но и выявить в современном мире тенденцию исключения смысла посредством кинообзора. Данная тенденция не дает кинематографу возможность реализовать себя как форму, способствующую устойчивости человека в жизненном мире.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Sadoul G. *General history of cinema*. Vol. 1. M., 1963. (In Russ.). [Садуль Ж. *Всеобщая история кино*. Т. 1. М., 1963].
2. Tarkovskii AA. *Directing lessons*. M., 1992. (In Russ.). [Тарковский А.А. *Уроки режиссуры*. М., 1992].
3. Schütz A. *The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*. M., 2003. (In Russ.). [Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. М., 2003].
4. Schütz A. *Favorites: A world glowing with meaning*. Trans. from German and English. M., 2004. (In Russ.). [Шютц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. Пер. с нем и англ. М., 2004].

■ Corresponding Author

Dina D. Ivanova
Address: ap. 77, 74/76 Slonov st., Saratov, Russia, 410012.

СЕМАНТИКА НЕЛЕПОСТИ НА МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ЦИФЕРБЛАТЕ АНТИУТОПИИ: РОССИЙСКИЕ ИНТЕНЦИИ

В.Б. Малышев

ФГБОУ ВО «Самарской государственной технической университет» (Самара, Россия)

Для цитирования: Малышев В.Б. Семантика нелепости на метафизическом циферблате антиутопии: российские интенции. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):64-67. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.64-67

■ Сведения об авторе

Малышев В.Б. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-3248-7920
E-mail: vlmaly@yandex.ru.

Рукопись получена: 10.05.2022

Рецензия получена: 15.06.2022

Решение о публикации: 28.06.2022

■ Аннотация

Проблема нелепости – многомерная проблема философской антропологии, она поднимает вопрос о человеке постсовременности, о существовании человека в мире антиутопии. Через семантику нелепости становится возможным комплексное рассмотрение проблем эстетического, гносеологического, культурологического свойства в контексте постановки фундаментального вопроса о человеке, о человеке в принципе.

Цель – соотнести семантику нелепости и концепцию метафизического циферблата. Нелепость рассматривается как разрушение идеальной архитектоники метафизического циферблата антиутопии. Тексты антиутопий (романы Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли, Рэя Бредбери) соотносятся с текстами русской культуры (произведения Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя). Они рассматриваются как символический «фон» бытия человека в качестве «нелепого существа». Именно на фоне символического циферблата антиутопии ценны те, казалось бы, нелепые человеческие качества, от которых воображаемое общество хочет отказаться.

■ **Ключевые слова:** нелепость; абсурд; метафизический циферблат; семантика; проблема человека; химеры мышления.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

SEMANTICS OF ABSURDITY ON THE METAPHYSICAL CLOCK OF DYSTOPIA: RUSSIAN INTENTIONS

Vladislav B. Malyshev

Samara State Technical University (Samara, Russia)

Citation: Malyshev VB. *Semantics of absurdity on the metaphysical clock of dystopia: Russian intentions. Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):64-67. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.64-67

■ Information about author

Vladislav B. Malyshev – PhD, Professor of the Department of Philosophy and Social-Humanitarian Sciences. ORCID: 0000-0002-3248-7920
E-mail: vlmaly@yandex.ru

Received: 10.05.2022

Revision Received: 15.06.2022

Accepted: 28.06.2022

■ Abstract

The problem of absurdity is a multidimensional problem of philosophical anthropology, it raises the question of the postmodern man, about the existence of man in the world of dystopia. Through the semantics of absurdity, it becomes possible to consider the problems of aesthetic, epistemological, cultural properties in the context of posing a fundamental question about a person, about a person in principle.

Aim – to correlate the semantics of absurdity and the concept of a metaphysical clock. Absurdity is regarded as the destruction of the ideal architectonics of the metaphysical clock of dystopia. The texts of dystopian novels by Evgeny Zamyatin, George Orwell, Aldous Huxley, Ray Bradbury are compared with texts of the Russian culture by Fedor Dostoevsky, Nikolay Gogol. The dystopias are considered as a symbolic "background" of human existence as a "ridiculous being". It is on the symbolic clock of dystopia, those ridiculous human qualities, which an imaginary society wants to abandon, seem to be the most valuable.

■ **Keywords:** absurdity; absurd; metaphysical clock; semantics; human problem; chimeras of thinking.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

– Знай, послушник, что нелепости слишком нужны
на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может
быть, в нем совсем ничего бы и не произошло.

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

АКТУАЛЬНОСТЬ

Идея настоящего исследования имеет свою достаточно длительную предысторию, проходя сквозь эпохи. Это веки на пути становления идеи. Однако, проходя сквозь призму теории познания, сквозь горнило диалектической мысли, она затем попадает в сферу антропологии. Даже в области философии науки много было сказано о нелепости. Именно в этом смысле Бертран Рассел отмечал, что желающий

стать философом не должен бояться абсурда [1]. Проблема нелепости, сводя в один эвристический клубок проблемы эстетического, гносеологического, культурологического свойства, в эпоху развития антиутопических проектов особенно рельефно ставит вопрос о человеке, о человеке в принципе [2; 3; 4]. Итак, проблема нелепости – многомерная проблема философской антропологии, она поднимает вопрос о человеке постсовременности, о сохранении человека как такового в мире антиутопии.

Актуальность проблемы нелепости в двадцать первом столетии, в эпоху геополитических противостояний, столкновения цивилизаций имеет два аспекта. Первый – вопрос о самом существовании человека как особого рода сущего

в эру трансгуманизма, человека как человека. Второй, так как слова «лепота» и «нелепость» с русскоязычной семантикой – об особенностях уникальной русской культуры в целом, об особенностях отечественного мирозерцания.

В философской мысли эпохи Возрождения, в трудах великих физиков и математиков XX столетия, в методологических изысканиях советских ученых речь идет о нелепости как о некоей конструктивной «глупости». Особым образом проблема нелепости выводится в отечественных текстах романов антиутопий, в особенности в романе Е. Замятина «Мы» [5].

Конструктивный эвристический потенциал нелепости лучше постигается через синонимы, существующие в одном с данным термином семантическом «гнезде». Нелепость как та самая полезная «глупость», о которой высоким стилем писал Эразм Роттердамский [6], нелепость как архетипическое «искусство дурака», аспекты которого мы находим в волшебных сказках и эзотерической культуре в целом. Нелепость как частое обрамление искусства любви, которое отражено в мифологии, литературных и философских текстах... Особенно острым становится дискурс нелепости при сопоставлении текстов антиутопий с текстами Ф.М. Достоевского, на что в эпоху пандемии обращают внимание видные российские исследователи [4].

СЕМАНТИКА НЕЛЕПОСТИ И КОНЦЕПЦИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ЦИФЕРБЛАТА

В настоящем исследовании особенно важно соотнести семантику нелепости и концепцию метафизического циферблата [7]. Известен целый ряд базовых метафор, проливающих свет на проблему антиутопического устройства общества. Циферблат часов является в этом смысле достаточно конструктивной фоновой метафорой [7:91-113]. Здесь социальное устройство является своеобразным нисхождением и проекцией метафизического миропонимания. Циферблат часов как метафора является весьма лаконичной, внятной и семиотически насыщенной. Она включает в себя самую важную онтологическую процессуальность – семантику и прагматику времени. Она также связана с уникальным для европейской культуры конструктом – понятием математической *схемы*. Согласно И. Канту, кажется, что трансцендентальная схема – это частично символ, отчасти образ, а на самом деле нечто третье. Схема совмещает в себе органическую символичность и механистическую утилитарную значимость [7:99]. В конечном счете в нашем исследовании мы акцентируем внимание на онтологических истоках антиутопии, а не на фактологии, и это уводит нас от семантики к трансцендентальной прагматике и этике.

Согласно словарю В. Даля, «лепый» – хороший, красивый, прекрасный, благовидный [8:354]. Привести социальный мир к состоянию «лепости», «навести глянec» на метафизический циферблат математического разума – не это ли одна из основных интенций европейской культуры нового и новейшего времени? Современный человек ценится как элемент информационного банка данных, звено в цепи потребления. В этом смысле хорошим для современного постиндустриального общества на языке О. Хаксли

является «товаропотребляющий гражданин». Слово *нелепый* в числе прочего означает признание ущербным того, что раньше казалось наилучшим и правильным. «Контентонепотребляющий» гражданин, *не живущий онлайн, не присутствующий* везде дистанционно, *не пользующийся* гаджетами, читающий бумажные книги, живущий рыцарскими идеалами несколько «странен» для современности, не говоря об обществе антиутопии, где он точно был бы *нелеп*. Хотелось бы подчеркнуть, что главное для нас – нелепость как средство, а не нелепость как цель. «Лепый», прекрасный, дивный новый мир пленительно влечет своей трансэстетикой, но дело не столько в его красоте, сколько в архитектонике. Лепота, или красота архитектонична и несет в себе аполлоновское начало, нелепость же феерична и дионисична. Понятие нелепости эвристически ценно своим напоминанием о необходимости отмены ложной архитектоники – архитектоники социального устройства, архитектоники потребления, архитектоники мышления, принудительной архитектоники смысла. Недаром, говоря о нелепости, персонажи «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, говорят о бунте [9]. Слова Ивана Карамазова Алеше о необходимости добра с кулаками – «для удовлетворения нравственного чувства расстрелять» – [9] лишний раз напоминают об абсурдной генеалогии человеческой морали, о чем так ярко напоминают тексты Ф. Ницше. Нелепость – прежде всего нарушение, даже разрушение архитектоники идеального утопического мира. Замкнутый на себя мир метаисторического циферблата правильности, благовидности для преодоления избытка конформизма требует своего ритуального нарушения, говоря лотмановским языком, преодоления семиотической границы. Нарушение кода, некая семиотическая аномалия, абсурд создают прецеденты для принятия новых критериев «лепото», наилучшего. Впрочем, современная культура несет в себе определенный потенциал культурных взрывных инверсий и трансформаций. Да, надо признать, что все еще не так плохо, культ нелепого как особого рода стремление к эклектике присущ современной культуре. Особая роль здесь принадлежит эзотерической культуре. Эклектичная смесь магии, фантастики научных данных, домыслов и невероятных гипотетических предположений в проектах Игоря Прокопенко при *самой жесткой критике* тем не менее несет в себе животворный потенциал эвристической нелепости, прорывающей ткань консервативных косных представлений о мире. Если же говорить о западной культуре, наблюдающаяся в мире экспансия медийного фэнтези, бум нелепых нечеловеческих существ – хоббитов, эльфов, гномов, драконов, «белых ходяков» – помимо прочего, отсылает к необходимости высвобождения воображаемого в антропологической проекции. Химера нелепа, она есть соединение несоединимого. Нелепость химерична, а значит, исходит из сферы внечеловеческого. Но именно внечеловеческое является тайным ресурсом человеческого состояния. Человеческое призвано к особого рода преобразованию внечеловеческого как трансцендентного – трансценденталий Бога, природы, вещи, языка [7]. Воображаемое, само по себе имея нечеловеческую природу, будучи высвобожденным, освежает, укрепляет, освещает

особым ореолом человеческое существование. Таким образом, дело не в наличии некоего метафизического или любого иного циферблата, которым экранируется первичная реальность – бытие, природа, мир духа. У любого циферблата есть свои способы и уровни экранирования, установления пределов порядка среди хаоса. Дело в естественном процессе преобразования природной энергии, содержащейся в бессознательном, иначе у человеческой культуры истощится окончательно энергетический потенциал (об этом писал Л. Уайт), и начнутся метастазы системы.

Отдельно стоит сказать о проекте «двоемыслия» и других химерах сознания, с которыми мы имеем дело в романе «1984» Дж. Оруэлла. Это действительно особый вариант антиутопии. Постулируя, что «действительность существует в человеческом сознании и больше нигде» [10:250], Дж. Оруэлл поднимает проблемы гораздо более широкие, чем это необходимо для антиутопического дискурса. В романе «1984», в отличие от других антиутопических проектов, акцент делается на деструкции мышления до стадии нечеловеческой нелепости, духовного уродства. Нелепости или химеры мышления, продуцируемые элитой тоталитарного государства в романе Дж. Оруэлла, являются не избыточными внешними элементами системы, а, напротив, системообразующими принципами мышления, на которых система основана. Двоемыслие, «бело-черный», множество выражений новояза – вот простые подтверждения важности химер мышления в утопической Океании. Напомним слова О'Брайена в адрес главного героя, что тот «последний человек», что человек как вид умер, и только некие фашиствующие нечеловеки наследуют землю [10]. Цель полиции мыслей в Океании – выхолостить сознание, сделать его предельно управляемым, расщепленным, мозги промытыми, а волю морально уничтоженного индивида предельно послушной [10]. Глупость здесь стала так же необходима, как ум. Сформированная искусственно динамика мышления с ее разрушенной архитектурой, где балом правит нелепость, подчинена тому единственному, что *лепо*, прекрасно и вечно – политике правящей элиты, воле Большого брата.

Метафизический циферблат абстрактного европейского мышления, понятый как «механизм без единой соринки» (Е. Замятин) [5], как некая стеклянная мембрана, отделяющая правильный мир от неправильного, «посюстороннее» от потустороннего, нормальное от ненормального, формирует некий метафизический запрет на нелепость. «Борода» нелепости обрамляет состояние «дикого», стихийного бытия природы в противовес приглаженному, стерильному существованию человека в искусственной среде техногенной цивилизации, что особенно характерно для текста романов-антиутопий. Человек «естественный», появившийся не из пробирки, не путем клонирования, становится символическим Дикарем, нарушителем спокойствия и порядка в мире антиутопии, в конечном счете лишним элементом цивилизации антиутопического будущего, как это показано в «Дивном новом мире» О. Хаксли. Общность, одинаковость, стабильность, о которых говорит в романе Хаксли, как некие доминанты глобализации, «боканоуэскизации» людей уже не терпят романтического мироотношения [11].

И это не констатация ницшеанского «Бог умер», это гораздо более жесткая метафизическая битва, битва на уничтожение человеческого *в самом истоке, в принципе*. Слова персонажа О. Хаксли Мустафы Монда о том, что «Бог не совместим с машинами, научной медициной и всеобщим счастьем» [11:318], должны отрезать субъекта, очарованного постутопическими идеалами. И в паноптикуме такого коммуникативного сообщества невозможно сосредоточение мысли. Всякое подлинное мышление в сети сенсорного контента невозможно в принципе. «У нас одиночества нет, – говорит Мустафа Монд. – Мы внедряем в людей нелюбовь к уединению и так строим их жизнь, что оно почти невозможно» [11:319].

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОТИВОВЕС МЕТАФИЗИЧЕСКИМ И МЕТАИСТОРИЧЕСКИМ ЦИФЕРБЛАТАМ

В связи с вышеприведенными утверждениями вполне уместно было бы обратиться к доминантам русской культуры, представив ее в качестве противовеса различного рода метафизическим и метаисторическим циферблатам, матрицам, суперсистемам, расчеловечивающим и человеконенавистническим проектам. Бесконечные споры о сущности Русской идеи, туманность этого проекта рассеет в один миг простая интенция. Это именно то, чего боятся всякого рода антиутопические матрицы общественного устройства, – то самое стремление к уединенному размышлению, к созерцанию красоты, «лепоты» природного бытия. Считать высшим смыслом жизни то самое стремление либо «мыслить и страдать», либо ощутить «радость одиноких дум».

Проведем мысленный эксперимент. За основу возьмем образ Руси как птицы-тройки из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Задача – семантически понять и достроить этот образ в воображении для лучшего понимания. Если мы его достраиваем телесно, уплотняем физически, то получается именно классическая химера, Змей-Горыныч русских сказок. Действительно, птица-тройка – нечто, имеющее три головы, и с крыльями. Полученный образ довольно *нелеп*. Если же мы движемся в сторону разуплотнения образа, стремимся придать ему некую возвышенную эфемерность, воздушность, консистенцию небесного творящего света, можно понять гоголевский образ птицы-тройки как аллегорию мысли, балансирующей между двумя крайностями – мышления через страдание и мышления как радости «одиноких дум» как особого рода наслаждения. При этом метафорические «одинокие думы» не являются только лишь думами, мыслью в чистом виде. Неслучайно автор прозаической поэмы о России не получает, не может получить ответ на вопрос – «куда же несешься ты, Русь?» («куда же несешься ты, мысль русская?»). Такое мышление не выхолощено, оно является онтологическим «здесь и сейчас», мышлением в режиме реального времени, живого времени самой природы. Такое мышление не останавливает сила слова, ведь «мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев). Это свободная мысль, свободная от любых штампов, интеллектуального рабства и преклонения перед философскими авторитетами, логическими правилами, метафизическими паттернами. Ничем не останавливаемое, не имеющее

условных пределов мышление «здесь и сейчас» охватывает любой возможный онтологический горизонт в мгновение ока [12]. Пределов здесь действительно нет, время для такого мышления относительно, в любом случае мысль опережает любые мыслимые скорости материального мира, метафорически несется со скоростью, превышающей скорость света. Таким образом, отказываясь от стратегии выстраивания химер воображаемого в отечественной культуре в сторону их уплотнения, ложной реификации и ухода в пространство возвышенного воображаемого, мы актуализируем лучшие смыслы русской культуры, ориентированной на реализацию некоей трансценденции, несбыточной мечты, которая парадоксальным образом сбывается. Химера нелепа только в низших своих проявлениях, в мире очищенного воображаемого химера становится тем чудесным конем русских волшебных сказок, который помогает преодолеть любые кажущиеся трудности, любые мнимые проблемы, побеждать не числом, а умением.

Таким образом, любая кажущаяся нелепость в русской культуре сказочным образом становится гармонией, красотой, совершенством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящем исследовании тексты антиутопий рассматриваются как символический фон для лучшего понимания места и роли нелепости в жизни человека как своеобразного «нелепого существа». Символическими моделями понимания будущего человечества стали тексты Евгения Замятина, Джорджа Оруэлла, Олдоса Хаксли. Системность и отформатированность мышления людей в воображаемом обществе антиутопии сводит противоречивость и сложность сознания человека к минимуму, подводя траекторию его жизни к некоей абсурдной математической формуле. И именно на фоне символического циферблата антиутопии становится особо ценным то в человеке, от чего воображаемое общество будущего хотело бы отказаться. Проблема нелепости, термина, который звучит, казалось бы, не эстетично, на самом деле вскрывает фундаментальные онтологические константы, по-новому поднимая проблему человека в цифровую эру, в эру, когда начинают воплощаться в действительность антиутопические проекты.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rassel B. *Problems of Philosophy*. Novosibirsk, 2001. (In Russ.). [Рассел Б. *Проблемы философии*. Новосибирск, 2001].
2. Antropova EV. Genre features of nomination in dystopias (an analysis of russian and english texts). *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2021;2(844):60-71. (In Russ.). [Антропова Е.В. Жанровые особенности номинации в текстах антиутопии (на материале русского и английского языков). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2021;2(844):60-71]. doi: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_60
3. Golovneva YuV. The Sun and Boreas: the juxtaposition of the dystopias by E.I. Zamyatin's and G.Orwell's the basis of their characters' inner world. *Vestnik RUDN. Teoriya jazyka. Semiotika. Semantika*. 2017;8(2):257-266. (In Russ.). [Головнева Ю.В. Солнце и Борей: сопоставление антиутопий Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла на материале метафор внутреннего мира их героев. *Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017;8(2):257-266]. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-257-266
4. Tulchinskij GL. Dostoevsky: dystopias of the 20th century and a warning about the present. *Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2021;5(3):56-72. (In Russ.). [Тулчинский Г.Л. Достоевский: антиутопии XX века и предупреждение о настоящем. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;5(3):56-72]. doi: 10.17323/2587-8719-2021-3-56-72
5. Zamyatin EI. *We*. SPb., 2013. (In Russ.). [Замятин Е.И. *Мы*. СПб., 2013].
6. Roterodamus E. *Moriae Encomium, sive Stultitiae Laus*. M., 2018. (In Russ.). [Роттердамский Э. *Похвала глупости*. М., 2018].
7. Malyshev VB. *Metaphors of modernity*. Samara, 2012. (In Russ.). [Мальшев В.Б. *Метафоры современности*. Самара, 2012]. ISBN 978-5-93424-647-2
8. Dal VI. *Explanatory dictionary of the Russian language: Modern spelling*. M., 2003. (In Russ.). [Даль В.И. *Толковый словарь русского языка: Современное написание*. М., 2003].
9. Dostoevsky FM. *The Brothers Karamazov*. M., 2021. (In Russ.). [Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы*. М., 2021].
10. Orwell G. *1984*. SPb., 2005. (In Russ.). [Оруэлл Дж. *1984*. СПб., 2005].
11. Huxle AL. *Brave New World*. M., 2020. (In Russ.). [Хаксли О. *О дивный новый мир*. М., 2020].
12. Malyshev VB. The architectonics of the moment: from the agglutination of chimerical images to the architectonics of time. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Socialnye, gumanitarnye, med.-biol. nauki*. 2018;20(6):68-73. (In Russ.). [Мальшев В.Б. Архитектоника мига: от агглютинации химерических образов к архитектонике времени. *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, мед.-биол. науки*. 2018;20(6):68-73].

■ Автор для переписки

Мальшев Владислав Борисович
Адрес: ул. Куйбышева, 104, кв. 31, г. Самара, Россия, 443099.

■ Corresponding Author

Vladislav B. Malyshev
Address: ap. 31, 104 Kuibyshev st., Samara, Russia, 443099.

E-mail: vlmaly@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ КАК ОБЪЕКТ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**Е.А. Торопова**

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (Вологда, Россия)

Для цитирования: Торопова Е.А. **Антропологические константы как объект футурологического анализа**. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):68-72. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.68-72■ **Сведения об авторе**Торопова Е.А. – аспирант кафедры философии Института социальных и гуманитарных наук.
ORCID: 0000-0001-9333-5755 E-mail: ekat.toropova@gmail.com

Рукопись получена: 05.04.2022

Рецензия получена: 20.04.2022

Решение о публикации: 28.06.2022

■ **Аннотация**

Цель – анализ возможных картин человека будущего с позиции сохранения его сущности. Статья посвящена анализу образа человека в будущем, проблемам философского осмысления сущности человека и прогнозированию возможных изменений человека. Также кратко представлены некоторые подходы к рассмотрению сущности человека в философии. Рассмотрены толкования онтологической границы в синергетической антропологии С.С. Хоружего и антропологических констант в работах Л.Е. Моториной, проанализированы недостатки данных толкований. Во второй части статьи было выделено три раздела футурологии как науки, занимающейся прогнозированием будущего на основе современных достижений и рациональной науки и имеющихся социальных, экономических и культурных трендов. Отмечен форсайт как один из основных методов футурологии, а также обозначены сложности исследования антропологических форсайтов. Также отмечены некоторые подходы при рассмотрении картин человека в будущем, предложенные экспертами в рамках исследования антропологических трендов под руководством С.А. Смирнова.

В заключение раскрывается понятие антропологических практик как возможного пути защиты человека в будущем мире трансформаций.

■ **Ключевые слова:** человек; футурология; форсайт; антропологический тренд; онтологическая граница; антропологические константы.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

ANTHROPOLOGICAL CONSTANTS AS THE OBJECT OF FUTUROLOGICAL ANALYSIS**Ekaterina A. Toropova**

Vologda State University (Vologda, Russia)

Citation: Toropova EA. **Anthropological constants as the object of futurological analysis**. *Aspirantskiy vestnik Povolzhya*. 2022;22(3):68-72. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.68-72■ **Information about author**Ekaterina A. Toropova – postgraduate student of the Philosophy Department of the Institute of Social Sciences and Humanities.
ORCID: 0000-0001-9333-5755 E-mail: ekat.toropova@gmail.com

Received: 05.04.2022

Revision Received: 20.04.2022

Accepted: 28.06.2022

■ **Abstract**

Aim – is to analyze a possible image of a person of the future from the perspective of preserving his essence. The article is devoted to the analysis of a person of the future, to the philosophical problems of understanding of the essence of a person and the prediction of possible human changes. Several approaches to the consideration of the essence of man in philosophy are also briefly presented. The interpretations of the ontological boundary in the synergetic anthropology of S.S. Horuji, as well as anthropological constants in the works of L.E. Motorina are considered, the shortcomings of these interpretations are analyzed. In the second part of the article, three sections of futurology were identified as a science engaged in predicting the future based on modern achievements and rational science and existing social, economic and cultural trends. Foresight was noted as one of the main methods of futurology, as well as the complexity of the study of anthropological foresight. Some approaches to the consideration of human images in the future, proposed by experts during the study of anthropological trends under the leadership of S.A. Smirnov, are also noted.

In conclusion, the concept of anthropological practices is revealed as a possible way to protect a person in the future world of transformations.

■ **Keywords:** human; futurology; foresight; anthropological trend; ontological border; anthropological constants.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Человеку присущ вопрошающий взгляд в далекие горизонты своего существования. Что там будет? К чему мне необходимо подготовиться? Особенно остро такие вопросы встают в кризисные периоды развития общества. Все больше мы говорим о том, что человечество вступило в новую эпоху, и как никогда раньше существует жизненно важная необходимость остановиться и осмыслить, что происходит с человеком и что с ним будет дальше. Выявление прогрессивных путей развития общества, определение новых мировоззренческих установок, возможных изменений в шкале ценностей человека во все времена являлись актуальными вопросами.

В поисках ответов на них человеком движет далеко не праздное любопытство. Сама модель, картина будущего подразумевает некую преобразовательную работу со стороны человека и общества. Человек как биологическое и социальное существо претерпевает колоссальные трансформации, которые сам не успевает осмыслить и проанализировать. Образ человека менялся на протяжении всей истории человечества, но на данный момент скорость происходящих трансформаций выглядит пугающей. Исходя из происходящих преобразований, в картинах человека будущего футурологи выделяют тренд на самоуничтожение человеком самого себя и базовых институтов своего существования.

ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Если мы говорим об изменениях человека, вследствие которых человек перестает быть человеком, то возникают вопросы о том, где проходит граница человеческого и что в человеке должно остаться неизменным, чтобы его можно было считать человеком. С позиции эссенциализма важную роль играет понятие сущности человека, которая рассматривается как нечто неизменное, заданное. Сущность может быть скрыта и проявляться в человеке в неких экстремальных, критических ситуациях, но при этом она остается без изменений. В противоположность этому конструктивизм отвергает наличие неизменной сущности, человек проходит процесс формирования, конструирования себя в течение жизни. Также следует отметить авторов, которые выделяют некое совмещение этих позиций в осмыслении человека, таким образом, предполагают наличие в человеке неизменной сущности, в то же время подчеркивая изменение, конструирование человека. Одним из них является русский философ Н.А. Бердяев, который видел в сущности человека духовность (дух), в то же время дух как некая основа человека обладает возможностью центрировать, конституировать человека. Философ утверждает: «Духовный элемент в человеке означает, что человек не только природное существо, что в нем есть сверхприродный элемент... Достижение целостности человеческого существования и означает, что дух овладевает душой и телом. Именно через победу духовного элемента, через спиритуализацию реализуется личность в человеке, через выявляется его целостный образ» [1].

Дальнейшие размышления о сущности человека приводят нас к понятию антропологических констант и проблеме их сохранения в стремительно меняющемся мире. Само слово «константа» говорит о неизменности, постоянстве определенных параметров. В.И. Самохвалова рассматривает антропологические константы как параметры, которые определяют сущность человека, соответственно, изменение этих параметров ставит под угрозу существование человека. Более того, пренебрежение, изменение этих констант могут привести к уничтожению самой идеи человека. Л.М. Моторина выделяет фундаментальные антропологические константы в качестве определенных границ, при разрушении которых человек перестает быть человеком. В качестве фундаментальных антропологических констант она выделяет такие категории, как самоидентичность, самоидентификацию, целостность, открытость, духовность, свободу, ответственность, творческую активность, телесность. В контексте технологического развития особую актуальность приобретает проблема сохранения этих констант. Сохраняя свое право быть человеком, человек неизбежно столкнется с выбором, что должно остаться в нем в неприкосновенном состоянии и какие трансформации могут быть допустимы.

В данном подходе мы можем наблюдать стремление выделить определенные основополагающие параметры человеческой природы в качестве фундамента (неизменяющегося ядра), который и будет определять всю сущность

человека. Основной задачей в данном случае является изучение и глубокое осмысление предоставленных параметров с целью раскрыть наконец тайну сущности и природы человека.

Современная философская антропология, методологическим основанием и теоретическим ядром которой и являются фундаментальные антропологические константы, «призвана генерировать такие идеи, на основе которых возможно создание адекватных стратегий анализа, "диагностики" и своего рода "терапии" процессов, затрагивающих производства и воспроизводства человеческого» [2:28].

С.С. Хоружий называет такой подход к человеку «интуицией центра», или «антропологией центра», считая его в определенном смысле тупиковым. В противовес он предлагает человека «характеризовать "периферией", а точнее – границей», говоря тем самым об антропологической границе [3:40]. В своем видении человека он идет от периферии, пытаясь дойти до сущности человека, хотя автор не считает, что у человека есть центр, наоборот, конституция человека, с его точки зрения, создается в процессе определенного взаимодействия человека с *иным*, происходящим на границе.

С.С. Хоружий определяет антропологическую границу как совокупность предельных проявлений человека, очерчивающих конституцию человека. Аргументируя этот подход, он указывает, что «...граница явления или предмета, ограничивая его, придает ему определенность и служит его определением» [4:28]. При таком подходе антропологическая граница «в известной мере служит заменой или аналогом классического концепта сущности человека» [4]. Таким образом, рассматривая предельные проявления человека, совокупность которых С.С. Хоружий выделяет как антропологическую границу, он делает попытку определить сущность человека. По мнению ученого, именно в области антропологической границы и происходит смешивание человеческого с иной реальностью.

Подобное понимание человеческого через предельные антропологические проявления является одним из основных моментов для критики антропологии С.С. Хоружего. Многие его оппоненты обращают внимание на невозможность отделить человеческие проявления от другой реальности, не зная сущности человека. Также объектом критики является отсутствие центра у человека в данной концепции [5]. Отметим, что, говоря об антропологической границе, С.С. Хоружий выделяет онтологическую, антическую и виртуальную границы. Соответственно, отношения с *границей* и будут определять идентичность человека, причем каждый тип определяет свою модель идентичности. Таким образом, по мнению автора, в таких предельных проявлениях человек и обретает состав, центр.

КАРТИНЫ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО

Как мы увидели, существует множество подходов к пониманию человека, также существует и большой разброс в суждениях о будущем человечества. Еще П. Тейяр де Шарден писал, что «расшифровать человека, значит, в сущности попытаться узнать, как образовался

мир и как он должен продолжать образовываться» [6:58]. Многие исследователи, говоря о человеке будущего, употребляют такие понятия, как «человек после человека», постчеловек, представляющие собой новую ступень в развитии человека или что-то иное, отличное от человека.

В середине прошлого века в научный оборот было введено понятие «футурология», но еще задолго до этого, во времена античности, некоторые философы делали попытки представить некоторые модели идеального будущего. Многоликий и стремительный XX век подарил нам множество футурологических произведений, что свидетельствует о нестабильности человека и его мировоззренческих установок. Социальное прогнозирование, разработка моделей развития человечества являются актуальными задачами в современной социальной философии. Данные вопросы являются одновременно и проблемным полем футурологии как учения о будущем. Футурология как наука занимается прогнозированием будущего на основе современных достижений рациональной науки и имеющихся социальных, экономических и культурных трендов. В футурологии выделяют три основных раздела [7]: прогнозирование (forecasting) – специальное научное исследование конкретных перспектив развития какого-либо явления; форсайт (foresight), под которым подразумевается систематический, согласованный между заказчиком прогноза и экспертами процесс построения единого видения будущего, нацеленный на повышение качества принимаемых в настоящий момент решений, и исследования будущего (futures studies) как междисциплинарное направление современной науки, включающее в себя глобалистику и альтернативистику [8:3].

Одним из основных методов футурологии является форсайт, то есть построение единого видения будущего, предполагающего не просто прогнозирование, но и конструирование будущего. По утверждению С.Б. Перслегина, сложно проводить исследования именно в области антропологических форсайтов, так как мы не имеем никакого опыта в этом вопросе. Трудности данной практики также обусловлены и многогранностью самого понятия человека. Картина человека изменялась в разные эпохи, в связи с этим старые образы человека уходят, претерпевают кризис и разрушение, в то же время новая картина человека еще не оформилась. Тем не менее футурологические исследования человека возможны, и коллективом отечественных экспертов под руководством С.А. Смирнова были представлены некоторые варианты картин человека будущего, предполагаемого сценария развития событий и непосредственно картина будущего мира. Рассмотрим некоторые картины человека будущего, представленные в данном исследовании [9].

В рамках эволюционного подхода авторами представлена картина «человека-клетки», ключевым моментом в этом описании является именно клетка, имеющая определенный жизненный цикл. Она уйдет, и на ее место встанут другие существа. В таком контексте нелепо говорить о преобразении: ничего не переиграешь, человек просто уходит, закончив свой жизненный цикл. В рамках цивилизационного подхода рассматривается картина «человек в ситуации после Рима». Человек, находясь в цивилизационном

потоке, во все времена претерпевал некоторые изменения, и при этом все эти внешние изменения не могут изменить природу человека. В этом образе будущего есть надежда, что человек сможет остановиться в безудержном росте технологий и сохранить себя. Внутренним ориентиром и ограничителем для него могут служить как раз антропологические практики, приводящие к преобразению человека.

В рамках технологической позиции представлена картина человека «искусственный постчеловек», в которой происходит «обскуствление» человека и доводит его до предела, за которым привычного нам человека уже нет. Таким образом, в данной позиции предположительно происходит разрушение констант человека, исчезновение человека и появление «зачеловеческого». Такой сценарий представлен как нечто положительное, приносящее благо, ведь человек выходит за пределы своей природной слабости, обладает максимальными способностями, но, вероятнее всего, платит за это своей сущностью.

Также представлена картина «человек кенозиса», в которой человек рассматривается как тот, кто обретает себя лишь в бытии. Что подразумевает кенозис? Человек претерпевает самоистощение, то есть бытие из человека уходит. Этот процесс кенозиса приведет человека к онтологической гибели. Таким образом, человек мельчает, истощается и в результате доходит до конца, происходит его разрушение.

В следующей представленной картине рассматривается альтернатива такому сценарию. Человек предстает как существо энергичное и становящееся в борьбе трендов и антропопрактик. В этой картине человек определяется как существо, постоянно находящееся в развитии, в процессе трансформации, в связи с этим фактом образ человека будущего не является устойчивым, он также формируется, составляется в процессе антропопрактик. С одной стороны, человек переживает процесс «обскуствления», связанный с внедрением в жизнь человека различных передовых технологий, с другой стороны, необходимо увидеть встречный процесс «обестествления», в котором человек обретает внутреннюю опору. Подобный процесс приводит к преобразению человека, к его постепенному становлению, что и является шансом для человека не исчезнуть в кенозисе [9].

Подобное разнообразие точек зрения в отношении человека в будущем свидетельствует о том, что в действительности у нас нет понимания самого человека, его сущности. Но в то же время данный форсайт может быть полезен в области стратегического планирования и прогнозирования развития городов, образования, науки, технологий, при построении новых моделей образования, новых педагогических и психологических концепций [9].

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ

Несомненно, облик человека будущего отразится и на облике будущего мира. Интересно, что термин «трансгуманизм» впервые употреблен в книге Джулиана Хаксли в 1957 г. «Новые бутылки для нового вина» [7]. Символично само название книги: новое вино требует новой бутылки, и это перекликается еще с новозаветной мыслью о новом

вине, которое в конце концов разрывает старые мехи и также требует новых мехов. Итак, новый человек или все же постчеловек будет жить в новом мире. Данная мысль определенно накладывает и социальный, и политический отпечаток на проблему человека будущего, и проблему сохранения природы человека. Б.Г. Юдин, фокусируясь на защите природы человека в современном технологичном мире, отмечает, что само понятие природы человека существует и имеет «недоопределенное» понимание. Этот факт таит в себе опасность того, что мы позволим идти все дальше в преобразовании человека. В результате преобразования человек может изменить свою сущность, а наиболее рельефным выражением этих перспектив является, с точки зрения ученого, то, что «эта недоопределенность, непредзаданность человеческой природы может восприниматься, а в эпоху поистине безграничных технологических возможностей и действительно начинает восприниматься как поле для реализации разного рода конструкторских проектов и замыслов» [10:23].

В связи с этим возникает вопрос, в чем же состоит защита природы человека? Автору статьи близка позиция С.С. Хоружего в отношении познания человека через его выходы за антропологические границы, в особенности конституирование, составление человека через антропологические практики, суть которых и заключается в выходе за онтологическую границу. Исходя из этого, мы не пытаемся защитить нечто состоявшееся, стабильное посредством внешних урегулирований на самом различном уровне, хотя это вполне необходимо, но подобные меры не должны быть нашим фокусом. Рассматривая человека как то, что есть в определенной мере, и то, что находится в процессе становления, необходимо сфокусироваться именно на процессе преобразования, становления человека в результате антропопрактик. Нет особого смысла говорить о воздействии технологий, биоинженерии и подобных вещей на природу и сущность человека, если он не имеет переживаний становления себя. В противоположность этому пребывание в процессе конституирования себя через антропологические практики является своего рода и защитой для человека, и его будущим в плане того, что он войдет в полноте в то, что он переживает на антропологической границе, и это станет его сущностью.

Под антропологическими практиками понимают действия человека, ориентированные на человека: на себя самого или на другого. В практиках *себя* человек практикует что-то в себе, для себя, из себя. Сутью практик *себя* является осознание человеком самого себя, настоящего и подлинного, своего места в бытии, истинных ценностей, сохранение человеком себя, возделывание себя. В практиках *другого* человек практикует что-то вне себя, происходит изменение человеком другого человека. Практика *другого* подразумевает активное внимание и заинтересованность в другом. Общение, подразумевающее взаимодействие с другим, предполагает выход за свои границы, соединение себя с другим. Эти практики замыкаются на практике *другого*, под которым понимается божественная сущность. Без практики *другого* невозможны в подлинности и бессмысленны практики *себя* и *другого*. Практика *другого* в результате приводит

к необратимому изменению самого себя и встраиванию, подлинному соединению с другими в нечто совокупное.

Мы видим, что многочисленные социальные и технологические трансформации, происходящие в современном мире, требуют от нас притормозить и задуматься: в каком направлении мы движемся, куда придем и чем мы в итоге можем полатиться. Говоря о картине человека будущего, мы неизбежно должны затронуть такие вопросы, как: что есть человек, где проходит граница человеческого, это что-то постоянное в человеке или сущность человека претерпевает процесс становления в результате взаимодействия человека с иным на антропологической границе? Таким образом, будущее человечества, мира, в котором мы будем жить, определяется сущностью самого человека. В связи с этим в вопросах футурологического анализа человека первостепенной задачей является осмысление понятий антропологических констант, границ и сущности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы рассмотрели некоторые футурологические концепции человека, сценарии развития событий и будущего мира. В представленных картинах отражены различные подходы к феномену человека, что и определяет большой разброс в мнениях, суждениях о судьбе будущего человека. Безусловно, при изучении футурологических концепций человека мы неизбежно столкнемся с необходимостью глубокого осмысления понятия человека, его сущности. В одних картинах можно предположить изменение сущности человека, в других – существенным образом могут меняться качества, ценности человека, не затрагивая его сущности. Проведя анализ разных концепций, стоит отметить, что многие из них делают акцент на рассмотрении воздействия технологий, генной инженерии на человека. В то же время для сохранения антропологических констант гораздо продуктивнее выглядит призыв сфокусироваться на антропологических практиках, посредством которых человек и становится самим собой, обретает «иное видение своего будущего пребывания в мире, изменение его собственного отношения к миру и собственной идентичности» [9:56]. Таким образом, человек не может определить образ будущего без определенного видения, которое он обретает в процессе акта преобразования.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Berdyaev NA. Problem of man. *Way*.1936;5:3-26. (In Russ.). [Бердяев Н.А. Проблема человека. *Путь*. 1936;5:3-26].
2. Motorina LE. Methodical potential of the fundamental anthropological constants. *Human. Image and essence. Humanitarian aspects*. 2016;1(27):19-28. (In Russ.). [Моторина Л.Е. Методологический потенциал фундаментальных антропологических констант. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2016;1(27):19-28].
3. Horujy SS. A man and his three distant lots. *Questions of philosophy*. 2003;(1):38-63. (In Russ.). [Хоружий С.С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта. *Вопросы философии*. 2003;(1):38-63].
4. Horujy SS. Philosophy from an anthropological point of view. *Philosophical Journal* 2009;2(3):22-38. (In Russ.). [Хоружий С.С. Философия под антропологическим углом зрения.

- Философский журнал*. 2009;2(3):22-38].
5. Vasilev SF. Critical analysis of synergetic anthropology by S.S. Horujiy. *Man and the human world*. 2008;(5):58-72. (In Russ.). [Васильев С.Ф. Критический анализ концепции синергической антропологии С.С. Хоружего. *Человек и мир человека*. 2008;(5):58-72].
  6. Teilhard de Chardin P. *The human phenomenon*. М., 2011. (In Russ.). [Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*. М., 2011].
  7. Letov OV. Transhumanism and ethics. *Bulletin of Cultural Studies*. 2008;(4):18-30. (In Russ.). [Летов О.В. Трансгуманизм и этика. *Вестник культурологии*. 2008;(4):18-30].
  8. Baranec NG. Futurology. Transhumanism. Humanistic conservatism. *Simbirsk Scientific Bulletin* 2014;(1):134-141. (In Russ.). [Баранец Н.Г. Футурология. Трансгуманизм. Гуманистический консерватизм. *Симбирский научный вестник*. 2014;(1):134-141].
  9. Smirnov S.A. *New human identities. Analysis and forecast of anthropological trends. Anthropological foresight*. Ed. S.A. Smirnova. Novosibirsk, 2013. (In Russ.). [Смирнов С.А. *Новые идентичности человека. Анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт. Аналитический доклад*. Под ред. С.А. Смирнова. Новосибирск, 2013].
  10. Yudin BG. About man, his nature and his future. *Questions of philosophy*. 2004;(2):16-28. (In Russ.). [Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем. *Вопросы философии*. 2004;(2):16-28].

■ **Автор для переписки**

Торопова Екатерина Анатольевна
Адрес: ул. Московская, 9а, кв.2, г. Вологда, Россия, 160013.

■ **Corresponding Author**

Ekaterina A. Toropova
Address: ap. 2, 9a Moskovskaya st., Vologda, Russia, 160013.

E-mail: ekat.toropova@gmail.com